This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

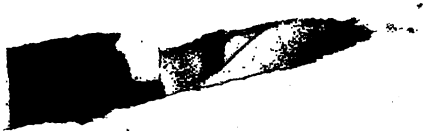
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

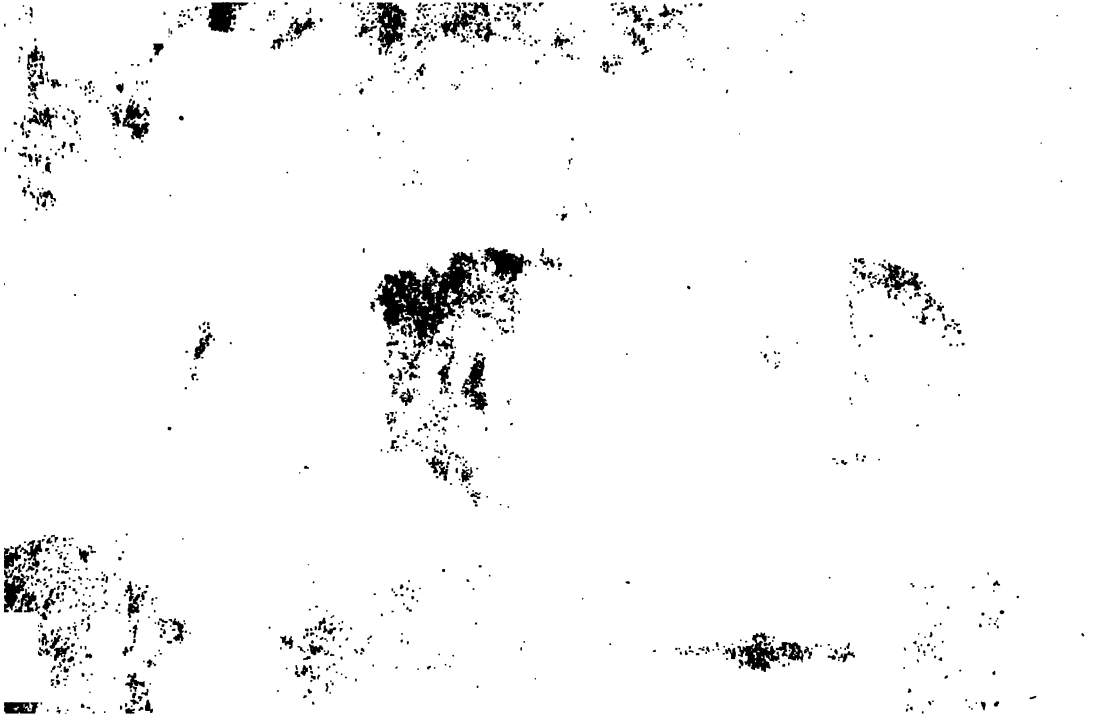
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



600 ПѢСЕНЪ.

ПОЛНЫЙ РУССКІЙ ПѢСЕННІ



ПОЛНЫЙ
РУССКІЙ ПѢСЕННИКЪ.

БОЛѢЕ

600

ПѢСЕНЪ

РУССКИХЪ И ЦЫГАНСКИХЪ.

МОСКВА.
Типографія И. Д. Сытина и К°., Валовая ул., собств. домъ.
1891.

Дозволено цензурою. Москва, 29 марта 1891 г.

РСС Мар '89

Спрятался мѣсяцъ за тучку—
Онъ больше не хочетъ гулять.
Дайте мнѣ правую ручку
Къ пылкому сердцу прижать.

Когда я съ тобою бываю,
То зорко слѣжу за тобой;
Въ разлукѣ душой изнываю;
Въ мечтахъ моихъ образъ все твой.

Когда къ я увижу могилу,
Въ которой ты будешь лежать,
Я стану предъ ней на колѣни
И буду могилу лобзать.

Что намъ до шумнаго свѣта,
Что намъ друзья и враги?
Было бы сердце согрѣто
Жаромъ взаимной любви.

* * *

Пчелка златая!
Что ты жужжишь,
Все вкругъ летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

Соты ль душисты
Въ желтыхъ власахъ,
Розы ль огнисты
Въ алыхъ устахъ,
Сахаръ ли бѣлый
Грудь у нея?

Пчелка златая!
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мнѣ говоришь:
«Къ меду прилипнувъ,
Съ нимъ и умру!»

* * *

Ходитъ Миша по дворику,
Да самъ, бѣдный, плачетъ,
Да такъ, бѣдный, все рыдаетъ.
Увидала Настя, Настасья Петровна,
Дорогого гостя, спросила у Миши:

«Чего, Миша, плачешь, плачешь?
Чего, Миша, хочешь, хочешь?»
— Плачу я, плачу, хочу я, хочу,
Къ тебѣ въ горенку хочу.
Настя Мишу принимала,
Къ себѣ въ горенку пускала:
«Подь, Мишенька, подь, батюшка!
Подь, подь, подь!»

Вошелъ Миша въ горенку,
Низко поклонился,
Ахъ, да на скамью садился.
Подошла тутъ Настя, Настасья Петровна,
Къ дорогому гостю, спросила у Миши:
«Чего, Миша, плачешь, плачешь?
Чего, Миша, хочешь, хочешь?»
— Плачу я, плачу, хочу я, хочу...
Сладкой водочки хочу!—
И тутъ Настя приласкала,
Сладкой водкой угощала:
«Пей, Мишенька, пей, батюшка!
Пей, пей, пей».

Выпилъ Миша водочки—
Еще пуще плачетъ,
Да такъ, бѣдный, плачетъ—все рыдаетъ.
Увидала Настя, Настасья Петровна,
Его горьки слезы, спросила у Миши:
«Чего, Миша, плачешь, плачешь?

Чего, Миша, хочешь, хочешь?»
— Плачу я, плачу, хочу я, хочу...
Цѣловаться я хочу!—

И тутъ Настя приласкала—
Цѣловаться съ Мишей стала:
«Ну, Мишенька, ну, батюшка,
Ну, ну, ну...»

* * *

Въ свой край возвратася изъ дальней земли,
Три путника въ гости къ старушкѣ зашли:
«Прими, пріюти насъ на темную ночь;
Но гдѣ же красавица? Гдѣ твоя дочь?»
— Принять, пріютить васъ готова, друзья;
Скончалась красавица-дочка моя,
Въ свѣтлицѣ свѣча предъ иконой горитъ,
Въ свѣтлицѣ красавица въ гробѣ лежитъ.
И первый, поднявши покровъ гробовой,
На мертвую смотритъ съ унылой душой:
«Ахъ! если бъ на свѣтѣ еще ты жила,
Ты мною бъ отнынѣ любима была».
Другой покрывало опять наложилъ
И горько заплакалъ и взоръ опустилъ:
«Ахъ, милая, милая, ты ль умерла?
Ты мною такъ долго любима была».

Но третій опять покрывало поднялъ
И мертвую въ блѣдны уста цѣловалъ:
«Тебя я любилъ, мнѣ тебя не забыть,
Тебя я и въ вѣчности буду любить».

Рыбакъ.

Волна шумитъ, волна бушуетъ
И съ пѣною о берегъ бьетъ—
На берегу сидитъ, тоскуетъ
Младой рыбакъ и слезы льетъ.

Грозой челнокъ его разбило,
Напрасны были всѣ труды;
Погибъ, но бѣлое вѣтрило
Еще мелькаетъ изъ воды.

То погрузится, то всплываетъ,
Какъ бы прощаясь съ рыбакомъ;
Такъ пламень жизни догораетъ
Весной въ страдальцѣ молодомъ.

—О, мой челнокъ! Прости, пропало
Съ тобою то, что льстило мнѣ;
Съ какой отвагой я, бывало,
Въ тебѣ носился по волнѣ.

Какъ ты летѣлъ, рулю послушный!
Какъ быстро волны разсѣкалъ!
Съ какою рѣзвостью воздушной
Твой вымпелъ подъ небомъ игралъ!

Мы навсегда съ тобой разстались!
Съ весны, бывало, до зимы
Веселой пѣсней оглашались
Мои прибрежные холмы.

И я умолкъ, прости, надежда—
И пѣснямъ я прости сказалъ;
А море такъ же, какъ и прежде,
Передо мной призывный валъ.

Волна шумитъ, волна бушуетъ
И съ пѣною о берегъ бьетъ,
На берегу сидитъ, тоскуетъ
Младой рыбакъ и слезы льетъ.

—Могу завесть челнокъ я новый,
Вѣтрило новое достать,
И вопреки судьбы суровой
Пуститься по морю опять!

Но будетъ ужъ не то вѣтрило!
Не тотъ челнокъ,—и съ ними мнѣ
Не будетъ ужъ, какъ прежде было,
Отрадно плавать по волнѣ!

О! если въ юности мятежной
Измѣнитъ счастье и любовь,
Ужъ никогда къ нимъ вѣрой прежней
Не озарится сердце вновь!

Быть можетъ, счастье пожалѣетъ,
Опять отдастъ—что отняло!
И новая любовь повѣетъ,
Но будетъ все уже не то!

* * *

Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана,
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я,
Глубокая еще дымилась рана,
По каплѣ кровь сочилася моя...

Лежалъ одинъ я на пескѣ долины;
Уступы скалъ тѣснилися кругомъ,
И солнце жгло ихъ желтыя вершины
И жгло меня, но спалъ я мертвымъ сномъ.

И снилось мнѣ: сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ,

Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами,
Шелъ разговоръ веселый обо мнѣ;

Но, въ разговоръ веселый не вступая,
Сидѣла тамъ задумчива одна,
И въ грустный сонъ душа ея младая,
Богъ знаетъ чѣмъ, была погружена. } bis.

И снилась ей долина Дагестана,
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,
Въ его груди, дымясь, чернѣла рана,
И кровь лилась хладѣющей струей.

* * *

Отойди отъ меня,
Безъ ума не ласкай!
И сильнѣе огня
Ты меня не сжигай!

Я и такъ вся горю
Съ этихъ поръ, какъ тебѣ
Прошептала: люблю!
На погибель себѣ.

Не лелѣй, не цѣлуй,
Удались, отойди;

Не смущай, не волнуй
Сердце въ бѣдной груди!

Пощади, пожалѣй,
Не голубь въ сладкій мигъ:
Я боюся страстей,
Убѣгаю отъ нихъ!

Скройся также и ты,
Не тревожь мой покой,
И завѣтной мечты
Не лови въ часъ святой!

Не хочу я огня,
Перестань пепелить;
Отойди отъ меня!
Иль мнѣ лучше не жить!

Я и то въ сладкомъ снѣ
Часто вижу тебя,
И твердитъ сердце мнѣ:
«Умирай, полюбя!»

* * *

Куда ты, милый, скрылся,
Куда ты, радость, залетѣлъ?
Въ дальню сторону пустился,
А мнѣ дать вѣсти не хотѣлъ.

На то ли я тебя узнала,
Чтобъ вѣчно мучиться, страдать,
На то ль тобой плѣненна стала,
Чтобъ вѣкъ отрады не видать?

Или тебя страны далеки
Совсѣмъ въ забвенье привели?
Иль вѣтры буйные навѣки
Меня изъ сердца унесли?

Или теперь уже другая,
Не я, въ душѣ твоей живетъ?
Ты, сердце ей свое вручая,
Меня на жертву ей принесъ?

Ахъ! сжалься, сжалься надо мною
И страстью сердце не круши!
Дай вѣсть душѣ моей унылой
И горьки слезы осуши!

* * *

Зеленая роща во всю ночь шумѣла,
А я, молоденька, всю ночку не спала,
Всю ночку не спала, сидѣла все пряла.
«Пряди, моя пряха, пряди, не лѣнися». (2)

Я бы рада пряла, меня въ гости звали, (2)
Меня въ гости звали къ сосѣду въ бесѣду,
Къ сосѣду въ бесѣду, во пиръ пировати,
Во пиръ пировати, гостей забавляти.

Какъ пріѣхалъ въ гости, на ворономъ конѣ,
На ворономъ конѣ, въ бѣломъ балахонѣ,
Въ бѣломъ балахонѣ, мой милый съ усами,
Мой милый съ усами, съ русыми кудрями.

* * *

По улицѣ мостовой, по широкой столбовой,
Шла дѣвица за водой, за ней парень молодой.
Кричалъ: «дѣвица, постой! красавица, погоди!
Пойдемъ вмѣстѣ за водой, за холодной ключевой,
За холодной ключевой, намъ охотнѣе съ тобой!»
— «Ахъ, ты, парень-паренекъ, твой глупенькій разумокъ,

Не кричи во весь народъ: мой батюшка
у воротъ,
Зоветъ меня въ огородъ, чесноку-луку
полоть,
Маку сѣянова, луку зеленова».
И я въ праву руку луку, во лѣвую чесноку,
Сама по цвѣтики пойду, по лазоревые.
Я по цвѣтикамъ ходила, по лазоревымъ
гуляла,
По лазоревымъ гуляла, цвѣта алова
искала;
Не нашла цвѣта такого, супротивъ свово
милаго;
Какъ мой миленькій хорошъ, чернобровъ,
душа, пригожъ!
Ручки въ пазушку положь, мнѣ подарочекъ принесъ,
Подарочекъ дорогой, съ руки перстень
золотой;
Мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога
твоя любовь;
Не хочу перстня носить, стану такъ
дружка любить!

* * *

Солнце на закатѣ,
Время на утратѣ.

Сѣли дѣвки на лужокъ,
Гдѣ муравка и цвѣтокъ, } 2

Гдѣ мы съ вечера рѣзвились,
Въ хороводахъ веселились.
Нутка примемся опять
Ту же игорку играть.

Собирались, разыгрались,
На лужкѣ всѣ расплясались,
Во пріятной тишинѣ
Подъ березкою однѣ.

Вдругъ сталъ слышенъ голосокъ,
Раздавался во лѣсокъ:
«Гдѣ ты? гдѣ ты? Ау! ау!
Безъ тебя я здѣсь умру».

Всѣ тутъ дѣвки спохватились,
Всѣ домой тутъ торопились.
Свѣтикъ Аннушка-дружокъ
Одна сѣла на лужокъ,

Со травы цвѣты рвала,
Къ себѣ милаго ждала.
Не успѣла сплясть въ пучечки,
Какъ выходитъ изъ-за рѣчки,

Какъ выходитъ изъ-за рѣчки,
Свѣтикъ Аннушкинъ дружокъ.

Подошелъ къ рѣчкѣ, прилегъ,
У Аннушки сердце іокъ!

Сердце сердцу покорилось,
Щечки альцемъ перекрылись.
Парень дѣвку полюбилъ,
Во высокъ теремъ вводилъ.

* * *

Снѣжки бѣлые пушисты
Принакрыли всѣ поля,
Одного-то не покрыли—
Горя лютаго мово.
Какъ во полѣ кусточекъ
Одинешенекъ стоитъ,
Онъ не клонитъ къ землѣ вѣтки
И листочковъ нѣтъ на немъ;
А я, горька, разнесчастна,
Все горюю по миломъ;
День горюю, ночь тоскую,
Понапрасну слезы лью.
Пойду съ горя въ чисто поле,
Сяду я на бугорокъ,
Погляжу я въ ту сторонку,
Гдѣ мой миленькій живетъ.
Что живетъ-то мой размилый
Въ чужой дальней сторонѣ,
Во матушкѣ во Москвѣ.

* * *

Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ,
Ты не жги свѣчу воску яраго,
Ты не жди меня до полуночи.
Ахъ, прошли, прошли наши красны дни,
Наши радости буйный вѣтръ унесъ
И разсѣялъ ихъ по чисту полю!
Соизволилъ такъ родной батюшка,
Приказала мнѣ родная матушка,
Чтобъ женился я на иной женѣ!
Не горятъ въ небѣ по два солнушка,
Не свѣтятъ по два мѣсяца:
Не любить два раза добру молодцу.
Ужъ я батюшки не ослушаюсь,
Родной матушки я послушаюсь,
Обвѣнчаюсь я съ иной женой,
Я съ иной женой, съ смертью раннею,
Съ смертью раннею и насильною!
Залилась слезами красна дѣвица,
Во слезахъ она слово молвила:
«Ахъ, ты, милый мой, ненаглядный мой!
Не жилица я на бѣломъ свѣтѣ
Безъ тебя, моя надеженька!
Нѣтъ у горлинки двухъ голубчиковъ,
У лебедушки двухъ лебедиковъ,
У меня не быть двумъ милымъ друж-
камъ!»

Не сидитъ она поздно вечеромъ,
А горитъ свѣча воску яраго,
На столѣ стоитъ новъ тесовый гробъ,
Во гробу лежитъ красна дѣвица.

* * *

Лучина, лучинушка березовая!
Что же ты, моя лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, въ печи не была,
Въ печи не была, не высушена?
— Я была въ печи вчерашней ночи:
Лютая свекровушка въ печку лазила,
Меня, горькую лучинушку, всее залила.
Дѣвушки-подруженьки, ложитеся спать,
Ложитеся спать, вамъ некого ждать,
А мнѣ, молоденькѣ, всю ночку не спать,
Всю ночку не спать—мила друга ждать.

* * *

Куманекъ, побывай у меня,
Душа-сердце, побывай у меня.
— И я радъ у тебя, кумушка, бывать,
И я радъ у тебя, кумушка, бывать:

У тебя ли, кума, улица грязна.
— Я сама тому горю помогу,
Я на улицѣ мосточекъ намощу;
Куманекъ, побывай у меня,
Животокъ, побывай у меня.
— И я радъ бы у тебя, кумушка, бывать,
И я радъ бы у тебя, голубушка, бывать:
У тебя, кума, ворота скрипучи.
— Я сама ли тому горю помогу,
Подъ ворота стаканъ масла подолью;
Куманекъ, побывай у меня.
— И я радъ у тебя, кумушка, бывать,
И я радъ у тебя, голубушка, бывать:
У тебя, кума, собаки лихи.
— Я сама тому дѣлу помогу—
Я собакамъ часть мяса размечу.

* * *

Поѣхалъ зять къ тещѣ
По зеленой рощѣ
На жену просити:
«Здорово ты, теща!»
— Здорово ты, зятикъ,
Здорово, касатикъ!
«Не совсѣмъ здоровъ я:
Жена меня била,
Больно колотила;

Ничѣмъ не тяжелымъ,
Полѣномъ дубовымъ».
— За что же тя, зятикъ,
За что же, касатикъ?
«Залѣзъ я во погребъ,
Поѣлъ всю сметану,
Ни мало маленько,
Двѣнадцать горшечковъ».
— Дочь моя, дура,
Мало тебя дула.
«Прощай же ты, теща,
Прощай, не милая!»
— Прощай же ты, зятикъ,
Прощай же, сметанникъ!

* * *

«Если бъ завтра да ненастье,
То-то бъ рада я была,
Если бъ дождикъ, мое счастье,—
За малинкой въ лѣсъ пошла;
Я бы милому сказала,
Чтобы онъ за мною шелъ».
Вотъ какъ Маша разсуждала,
Съ поля идучи домой;
«Завтра съ свѣтомъ я проснуся
И въ окошко погляжу;
Если дождикъ,—попрошуся,
Вотъ что матушкѣ скажу:

«Идетъ дождикъ, нельзя въ полѣ
Намъ сегодня работать;
Мѣшкать нечего намъ болѣ,
Пойдемъ въ лѣсъ малину брать.
Отпусти меня, родная,
Я малинки наберу:
Тутъ дорожка есть большая,
Я продамъ все къ вечеру».

«Лишь отпуститъ, вмигъ сберуся,
Я умоюсь, побѣгу;
Лишь на часъ остановлюся
Возлѣ рѣчки, на лугу.
Наберу цвѣточковъ въ полѣ,
За собой буду бросать,
Чтобы миленькій не долѣ
Меня могъ, какъ вмигъ, сыскать.
А не то аукну въ горѣ:

«Ты ау, ау, мой свѣтъ!
Долети мой голосъ вскорѣ,
Гдѣ мой миленькій живетъ!»
А намедни мой любезный
Разсердился на меня,
Но увидя взоръ мой слезный,
— «Поцѣлуй, сказалъ, меня!»
Я сама проста не буду
И надѣлаю проказъ:
Если миленькій захочетъ,
«Поцѣлуй, скажу, сто разъ!»

Такъ мечтавши, пріуснула,
Будто на крутой горѣ;
Вдругъ проснулась, встрепенулась:
Ясно, ясно на дворѣ.
Изголовьице смочила,
Давъ обильно течь слезамъ:
«Не увижусь, говорила,
Ахъ, сегодня съ милымъ я!»

* * *

За моремъ синичка не пышно жила,
Не пышно жила, пиво варивала;
Солоду купила, хмелю взаймы взяла.
Черный дроздъ пивоваромъ былъ.
Дай же, Боже, пиво то сварить,
Пиво то сварить и вина накурить.
Созовемъ къ себѣ гостей, мелкихъ пташечекъ:
Соловушка-вдовушка незваная пришла,
Снигирюшка по сѣнюшкамъ похаживаетъ,
Соловушка головушку поглаживаетъ.
Стали всѣ птички межъ собой говорить:
Что же ты, снигирюшка, не женишься?
«Радъ бы я жениться, да некого взять!
Взялъ бы я пернатку—та матка моя;
Взялъ бы я синичку—сестричка моя;
Взялъ бы я сороку—щекотливая;

Есть за моремъ перепелочка,
Та мнѣ ни матушка, ни тетушка;
Ту я люблю, ту за себя возьму».
Здравствуй, хозяинъ, съ хозяюшкою,
Со малыми дѣтками!

* * *

Среди долины ровныя,
На гладкой высотѣ,
Цвѣтетъ, растетъ высокій дубъ
Въ могучей красотѣ.

Высокій дубъ развѣсистый
Одинъ у всѣхъ въ глазахъ;
Одинъ, одинъ, бѣдняжечка,
Какъ рекрутъ на часахъ!

Взойдетъ ли красно солнышко:
Кого подъ тѣнь принять?
Ударитъ ли погодушка:
Кто будетъ защищать?

Ни сосенки кудрявыя,
Ни ивки близъ него,
Ни кустики зеленые
Не вьются вкругъ него.

Ахъ, скучно одинокому
И деревцу расти!
Ахъ, горько, горько молодцу
Безъ милой жизнь вести!

Есть много сребра, золота:
Кого имъ подарить?
Есть много славы, почестей:
Но съ кѣмъ ихъ раздѣлить?

Встрѣчаюсь ли съ знакомыми:
Поклонъ да былъ таковъ;
Встрѣчаюсь ли съ пригожими:
Поклонъ да пара словъ.

Однихъ я самъ пугаюся,
Другой бѣжитъ меня:
Всѣ други, всѣ пріятели
До чернаго лишь дня!

Гдѣ жъ сердцемъ отдохнуть могу,
Когда гроза взойдетъ?
Другъ нѣжный спитъ въ сырой землѣ,
На помощь не придетъ!

Ни роду нѣтъ, ни племени
Въ чужой мнѣ сторонѣ;
Не ластится любезная
Подруженька ко мнѣ!

Не плачется отъ радости
Старикъ, глядя на насъ;
Не вьются вкругъ малюточки,
Тихохонько рѣзвясь!

Возьмите же все золото,
Всѣ почести назадъ;
Мнѣ родину, мнѣ милую,
Мнѣ милой дайте взглядъ.

Мерзляковъ.

* * *

Брежжетъ мѣсяцъ молодой,
Изъ-за тучъ мелькая:
Плачетъ парень удалой,
Долю проклиная!

Губитъ горе молодца,
Какъ цвѣтокъ—морозы...
Удалому безъ конца,
Безъ отрады слезы!

Въ гору рѣчки не текутъ—
А подъ гору льются!..
Въ счастьи люди слезъ не льютъ—
Весело смѣются!

Все придумалъ молодецъ,
А тоска—тоскою!
И настанетъ ей конецъ
Съ гробовой доскою!

Вотъ однажды вечеркомъ
Онъ поетъ въ кручинѣ,
И разноситъ вѣтеркомъ
Пѣсню по долинѣ:

«Ужъ ты, мать, ты моя мать—
Матушка родная!
На тебя ли мнѣ пенять,
Долю проклиная?

«Не для слезъ ли родила
Молодца въ часъ ночи?
Не для горькихъ ли дала
Мнѣ черныя очи?

«Я не вижу красныхъ дней,
Радостей не знаю,
И какъ льдинка отъ лучей
На песочкѣ таю».

Цыгановъ

* * *

Воротился ночью мельникъ...
«Женка! что за сапоги?»
— Ахъ, ты, пьяница, бездѣльникъ!
Гдѣ ты видишь сапоги?
Иль мутитъ тебя лукавый?
Это ведра.—«Ведра? Право?
Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ живу,
Ни во снѣ, ни наяву
Не видалъ до этихъ поръ
Я на ведрахъ мѣдныхъ шпоръ».

Пушкинъ.

* * *

Мѣсяцъ плыветъ
И тихъ и спокоенъ,
А юноша-воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигитъ,
И дѣва ему говоритъ:
«Мой милый, смѣлѣй
Ввѣряйся ты року,
Молися востоку,

Будь вѣренъ пророку,
Будь славѣ вѣрнѣй;
Своимъ измѣнившій—
Измѣной кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнетъ безъ славы;
Дожди его ранъ не обмоютъ,
И звѣри костей не зароютъ».

Въ горахъ никого нѣтъ,
Кто бъ вынесъ позоръ,
И труса прогонитъ
Красавица горъ.

Лермонтовъ.

* * *

Выйду я на рѣченьку,
Погляжу на быструю,—
Унеси ты мое горе,
Быстра рѣченька, съ собой.

Нѣтъ, унесть съ собой не можешь
Лютой горести моей;
Развѣ грусть мою умножишь,
Развѣ пищу дашь ты ей.

За струей струя катится
По склоненью своему:
Мысль за мыслью такъ стремится
Все къ предмету одному.

Ноетъ сердце, изнываетъ,
Страсть мучительну тая;
Кѣмъ страдаю, тотъ не знаетъ,
Терпитъ что душа моя.

Чѣмъ же злую грусть развѣю,
Сердце успокою чѣмъ?—
Не хочу и не умѣю
Въ сердцѣ быть властна моемъ.

Милый мой имъ обладаетъ,
Взглядъ его—мой весь законъ,
Томный духъ пусть вѣкъ страдаетъ,
Лишь бы милъ всегда былъ онъ.

Лучше вѣкъ въ тоскѣ пробуду,
Чѣмъ его мнѣ позабыть.
Ахъ, коль милаго забуду,
Кѣмъ же стану, кѣмъ же жить?

Каждое души движенье—
Жертва другу моему;
Сердца каждое біенье
Посвящаю я ему.

Ты, кого не называю,
А въ душѣ всегда ношу,
Ты, кѣмъ вижу, кѣмъ внимаю,
Кѣмъ я мыслю, кѣмъ дышу!

Не почувствуй ты досады,
Какъ дойдетъ мой стонъ къ тебѣ,
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбѣ.

Если къ то найдешь возможнымъ,
Силу чувствъ моихъ измѣрь—
Словомъ ласковымъ, хоть ложнымъ,
Адъ души моей умѣрь.

* * *

Любила я твои глаза,
Когда ихъ радость оживляла,
Любила я, когда слеза
Невольной грусти въ нихъ сіяла.
Любила я, любила я!

Любила я всегда встрѣчать
Твои задумчивые взоры,
Любила сердцемъ понимать
Очей нѣмые разговоры.
Любила я, любила я!

Любила звукъ твоихъ рѣчей:
Онѣ меня обворожали;
Любила я въ тиши ночей,
Чтобъ сны мои ихъ повторяли.
Любила я, любила я!

Любила умъ пріятный твой
И пылкія души желанья.
О, незабвенный! Все съ тобой,
Все было мнѣ—очарованье!
Любила я, любила я!

* * *

Развивайтесь, мои кудри,
Съ вами некому играть;
Разлюбила васъ дѣвица,
Красна-дѣвица, чесать.

Миновало ваше время,
Не воротится опять!
Ваше счастье улетѣло,
Не придетъ оно назадъ.

Очи дѣвы голубыя
Вамъ любовью не блестать.

Поцѣлуи дорогіе
Васъ къ себѣ не приманятъ;

Лучше бъ, кудри, вамъ не виться,
И не знать ея очей,
Чѣмъ отъ горя опуститься,
Вѣкъ тоскуючи по ней.

* * *

Что такъ сильно, сердце, бьешься?
Иль знакомо ты съ тоской?
Или ты на волю рвешься
Вонъ изъ груди молодой?

Нѣтъ, въ моей печальной долѣ
Не тоска меня гнететъ;
Не хочу я вашей воли,
Воля счастья не даетъ.
У меня одно лишь горе,
Горе многихъ ужъ годовъ,
Это горе: чувства море,
Жизнь кипучая безъ словъ!

* * *

Ея ужъ нѣтъ, а я страдаю,
И сердце все болитъ о ней;

Ея ужъ нѣтъ... Я это знаю,
И слезы льются изъ очей.
Ея ужъ нѣтъ! Къ чему мъ страданья,
Къ чему тоска? Къ чему любовь,
Къ чему безплодныя желанья,
Меня вы посѣтили вновь?
Ея ужъ нѣтъ! Она простилась!
Она оставила нашъ свѣтъ;
Звѣздой падучей закатилась...
Ея ужъ нѣтъ, ея ужъ нѣтъ!

* * *

Успокой меня, неспокойнаго!
Осчастливь меня, несчастливаго!
Ты дай ручку мнѣ, недостойному,
Милый другъ ты мой, моя душечка.

Я люблю тебя, безъ ума люблю,
Объ одной тебѣ думу думаю.
Для тебя одной въ жизни радуюсь,
Для одной тебя сердцемъ чувствую.

Ты узнай, мой другъ, про любовь мою,
И улыбкою, словомъ ласковымъ,
Успокой меня, неспокойнаго,
Осчастливь меня, несчастливаго!

Если жребій мой умереть съ тоской,
Я умру, любовь проклинаючи,
Но въ смертный часъ вспоминаючи
Объ тебѣ, мой другъ, моя душечка.

Ѳ. Соколовъ.

* * *

Какъ смотрю на него,
Мнѣ отрадно, легко;
Но не видѣть его
Для души тяжело.

Сердце ноетъ по немъ,
И душа глубоко
Все тоскуетъ по немъ,
Когда онъ далеко.

Говоръ рѣчи его
Не замѣнитъ ничто,
И во взорѣ его
Вижу счастье мое.

* * *

Не жемчугъ дорогой на цвѣточкѣ блеститъ,
А росинка:
Не веселье въ глазахъ у дѣвицы горитъ,
А слезинка.
Пересаженъ цвѣтокъ изъ поляны родной
Въ злую стужу:
Продана красота за мѣшокъ золотой
Злому мужу.
И цвѣточку въ глуши эта божья роса
Полюбилась:
И съ тоской и слезой на чужбинѣ краса
Подружилась.
Пригорюнясь, цвѣтокъ тяжело на листки
Опустился:
Блескъ алмазныхъ очей у красотки съ тоски
Помрачился.
И цвѣточекъ больной только острой косы
Поджидаетъ:
И румянецъ живой на щекахъ у красы
Увядаетъ.
Знать, погибнуть тебѣ, мой цвѣтокъ, по веснѣ
Въ чуждомъ полѣ:
Не любить красоткѣ на чужой сторонкѣ
И въ неволѣ.

Ѳ. Кони.

ГРУСТЬ.

(Новая пѣсня).

На пиру у жизни шумной
Истощился вовсе я;
Въ этой оргіи безумной
Отравилась жизнь моя.

Ты не пой, душа, свободу,
Ты разбей свои мечты;
Не наполнишь ты природу
Чуднымъ звукомъ красоты.

Не возстанешь ты изъ тлѣнья
Изъ ничтожнаго пути,—
И всѣ быстрыя стремленья
Намъ съ тобою не пройти.

Не видать намъ наслажденья
Подъ покровомъ черноты;—
Чувства нѣжнаго томленья
Погребла навѣки ты.

Много, много чувствъ прекрасныхъ
Въ этой жизни я разбилъ,
И порывы звуковъ страстныхъ
Въ шумной волѣ погубилъ.

Все, что въ жизни было мило,
Волновало что мнѣ кровь,
Жизнь печально все разбила,
Не воскреснуть уже вновь.

Чувства вялы, сердце гнило,
Жизнь томитъ меня сильнѣй,
Мнѣ не страшно лечь въ могилу
Раньше днемъ иль днемъ позднѣй.

Ѳ. Румянцевъ.

Осень.

Ласточки пропали,
А вчера зарей
Все грачи летали
Да, какъ сѣть, мелькали
Вонъ надъ той горой.

Съ вечера все спится,
На дворѣ темно,
Листъ сухой валится,
Ночью вѣтеръ злится
Да стучитъ въ окно.

Лучше бъ снѣгъ да вьюгу
Встрѣтить грудью радъ.

Словно какъ съ испугу
Раскричавшись, къ югу
Журавли летятъ.

Выйдешь поневолѣ,
Тяжело, хоть плачь!
Смотришь, черезъ поле
Перекати-поле
Прыгаетъ, какъ мячъ.

А. Фетъ.

И скучно и грустно.

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья! Что пользы напрасно и вѣчно желать?..
А годы проходятъ—все лучшіе годы!
Любить... Но кого же?.. На время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно!
Въ себя ли заглянешь?—Тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда,
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно.

Что страсти?—вѣдь рано иль поздно ихъ
сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь—какъ посмотришь съ холоднымъ
вниманьемъ вокругъ—
Такая пустая и глупая шутка.

Лермонтовъ.

Русалка.

Русалка плыла по рѣкѣ голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пѣну волны.
И шумя и крутясь, колебала рѣка
Отражаемыя въ ней облака;
И пѣла русалка—и звукъ ея словъ
Долеталъ до крутыхъ береговъ.
И пѣла русалка: «На днѣ у меня
Играетъ мерцаніе дня;
Тамъ рыбокъ златые играютъ стада,
Тамъ хрустальные есть города.
И тамъ на подушкѣ изъ яркихъ песковъ,
Подъ тѣнью густыхъ тростниковъ,
Спитъ витязь, добыча ревнивой волны,
Спитъ витязь чужой стороны.

Расчесывать кольца шелковыхъ кудрей
Мы любимъ во мракѣ ночей.
И въ чело и въ уста мы въ полуденный часъ
Цѣловали красавца не разъ.
Но къ страстнымъ лобзаньямъ, не знаю зачѣмъ,
Остается онъ холоденъ, нѣмъ;
Онъ спитъ—и склонившись на перси ко мнѣ,
Не дышетъ, не шепчетъ во снѣ!..»
Такъ пѣла русалка надъ синей рѣкой,
Полна непонятной тоской;
И шумно катясь, колебала рѣка
Отраженныя въ ней облака.

Лермонтовъ.

* * *

—Хочешь ты, моя радость,
Хочешь ли ты погулять,
Распотѣшить свою младость,
Развести тоску свою?

—Не хочу я, не хочу я,
Ничего я не хочу!

—Что брезгаешь, красотка,
Гонишь прочь любовь мою?

—Мнѣ любовь твоя не въ диво...
—Ты возьми всю жизнь мою!

—Не хочу я, не хочу я,
Ничего я не хочу!

—Что ты такъ сидишь спесиво?
Подойди скорѣй ко мнѣ!
Иль любовь твоя ревнива?
Поцѣлуй хоть разъ меня!

—Не хочу я, не хочу я,
Ничего я не хочу!

* * *

Ахъ, ты, ночь ли,
Ноченька!
Ахъ, ты, ночь ли,
Бурная!
Отчего ты
Съ вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звѣздами,
Не сіяешь
Мѣсяцемъ,

Все темнѣешь
Тучами?
И съ тобой, знать,
Ноченька,
Какъ со мною,
Молодцемъ,
Грусть-злодѣйка
Свѣдалась!
Какъ заляжетъ
Лютая
Тамъ глубоко
На сердцѣ,
Позабудешь
Съ вечера
До глубокой
Полночи,
Принѣвая,
Тѣшиться
Хороводной
Плескою!
Нѣтъ, взрыдаешь,
Всплачешься,
И безродный
Молодецъ—
На постелю
Жесткую,
Какъ въ могилу,
Кинешься!

Кольцовъ.

* * *

Ахъ, когда бъ я прежде знала,
Что любовь родитъ бѣды,
Веселясь бы не встрѣчала
Полуночныя звѣзды,
Не лила бъ отъ всѣхъ украдкой
Золотого я кольца,
Не была бъ въ надеждѣ сладкой
Видѣть милаго лица.
Къ удаленію удара
Въ лютой, злой своей судьбѣ,
Я слила бъ изъ воска яра
Легки крылышки себѣ
И на родину вспорхнула
Мила друга моего,
Нѣжно, нѣжно бы взглянула
Хоть однажды на него,
А потомъ бы улетѣла
Со слезами и тоской.
Подгорюнившись бы сѣла
При дорогѣ я большой,
Возрыдала бъ, возопила:
«Добры люди, какъ мнѣ быть?
Я невѣрнаго любила,—
Научите не любить!»

* * *

Не шуми ты, рожь,
Спѣлымъ колосомъ!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!
Мнѣ не для чего
Собирать добро,
Мнѣ не для чего
Богатѣть теперь!
Прочилъ молодецъ,
Прочилъ доброе,
Не своей душѣ—
Душѣ-дѣвицѣ!
Сладко было мнѣ
Глядѣть въ очи ей,
Въ очи полныя
Полюбовныхъ думъ!
И тѣ ясныя
Очи стухнули,
Спитъ могильнымъ сномъ
Красна-дѣвица!
Тяжелѣй горы,
Темнѣй полночи
Легла на сердце
Дума черная!

Кольцовъ.

* * *

—Что ты, вѣтка бѣдная,
Ты куда плывешь?
Берегись сердитаго
Моря—пропадешь!
Ужъ тебѣ не справиться
Съ бурною волной,
Какъ сиротѣ бѣдному
Съ хитростью людской.
Одолѣетъ лютая,
Какъ ты не трудись;
Далеко умчитъ тебя,
Вѣтка, берегись!
—Для чего беречься мнѣ?
Вѣткинъ былъ отвѣтъ.—
Я уже изсохшая,
Во мнѣ жизни нѣтъ;
Отъ родного деревца
Вѣтеръ оторвалъ,
Пусть теперь несетъ меня,
Куда хочетъ, валъ,
Я и не противлюся.
Мнѣ чего желать?
Ужъ съ роднымъ мнѣ деревцомъ
Не срастись опять!

* * *

Ты душа моя,
Красна-дѣвица,

Моя прежняя
Полюбовница!
Не сиди, мой свѣтъ,
Долго вечеромъ;
Ты не жги свѣчи
Воску ярого
И не жди меня
До бѣла свѣта.
Ахъ! задумалъ вѣдь
Я женитися,
И зашелъ къ тебѣ
Распроститися,
За любовь твою
Поклонитися.
Приголубь меня,
Приласкай меня,
Я люблю тебя
Нѣжно, пламенно!
Ярко солнышко
Свѣтитъ на небѣ,
Люди веселы,
Всѣ такъ радостны...
Только я одинъ,
Воздыхаючи,
Не видаю дня,
Свѣта бѣлаго!
Дума тяжкая
Пала въ голову,
Горе черное
На ретивое.

Ахъ, любовь, любовь
Безнадежная!
Погубила ты
Мою молодость!..
Остудила ты
Кровь горячую,
Изсушила ты
Сердце бѣдное!
Убѣжать бы мнѣ,
Добру молодцу,
Убѣжать бы въ лѣсъ
Да замучиться...
Умирай, моя
Краса-молодость,
Погибай, моя
Жизнь постылая!..

* * *

Въ полночь темную,
Непокойную,
У окошечка
Я сижу одинъ.
Нѣтъ у молодца
Отца, матери,
Нѣтъ подруженьки.
Небо пасмурно,
Непогодливо,
Вѣтры буйные
Воютъ жалобно...

И взгрустнулося
Сердцу бѣдному,
Стало холодно
Одинокому.
Ахъ, ты, молодость,
Моя молодость,
Пролетишь вѣдь ты
Непримѣтливо...
Все, что дорого,
Сердцу радостно—
Все уносишь ты
Въ даль безвѣстную!..
Нѣтъ у молодца
Красной дѣвицы!
Если бъ дали мнѣ
Крылья пташечки,
Улетѣлъ бы я
За сине за море!..
Поискалъ бы я
Свою молодость,
Полюбилъ бы я
Красну-дѣвицу!..
Нѣту воли мнѣ—
Я не вымолю;
Нѣту крыльевъ мнѣ,
Я не выпрошу!..
И взгрустнулося
Опять молодцу,
И заплакало
Сердце бѣдное...

* * *

Она посмотрѣла
Мнѣ грустно въ лицо—
И молча надѣла
На руку кольцо.
—На что жъ мнѣ подаровъ?
Сказалъ я, любя.
Отдай лучше сердце,
Отдай мнѣ себя!—
Стыдливо закрыла
Дѣвица лицо:
«Храни, мнѣ сказала,
Златое кольцо,
И ежели будетъ
Оно такъ блистать,
Ты воленъ своею
Меня называть;
Когда же колечко
Потускнетъ—тогда,
Мой милый, прощаюсь
Съ тобой навсегда».
Вотъ годы промчались,
И дни протекли;
Но что мы искали,
Того не нашли.
Кольцо почернѣло,
И дѣва моя

Скоро ли, другъ ненаглядный, мы сами
Такъ при свиданьи заплачемъ?

М. П.

Послѣдняя улыбка.

Ты улыбнулась мнѣ—сквозь слезы прежнихъ дней;
Улыбка легкая такъ тихо пробѣжала
По блѣдному лицу, и на душѣ моей
И ясно, и свѣтло, и такъ отрадно стало,
И ожилъ я—съ лица сбѣжала тѣнь.
Не такъ ли осенью, въ туманный, грустный день,
Изъ темныхъ тучъ блеснетъ вдругъ солнце на мгновенье
И всюду разольетъ и жизнь и наслажденье.—
И снова оживутъ: печальный, мрачный боръ,
Бредущій пѣшеходъ проселочной дорогой,
Далекая кайма синѣющихся горъ,
И бѣдное село—избенокъ рядъ убогій,—
Какъ будто бы опять воскреснула весна,
И жизни, и любви, и радости полна.

Д. Золотаревъ.

Я не люблю ея.

Я не люблю ея, но отчего порою
Стою я передъ ней и нѣмъ и недвижимъ,
Когда, окружена послушною толпою,
Она царицею проходитъ предо мною
И улыбается поклонникамъ своимъ?
Я не люблю ея; но думаю, тоскуя,
Зачѣмъ красавица другому отдана,
Но я завидую и звуку поцѣлуя,
Когда съ улыбкой имъ дѣтей своихъ даруя,
Какъ женщина и мать утѣшена она.

Не мнѣ жаль.

Дай руку мнѣ, я понимаю
Твою зловѣщую печаль
И, полонъ тайныхъ мукъ, внимаю
Твоимъ словамъ—ее мнѣ жаль!

Какъ иногда въ рѣкѣ широкой
Грозой оторванный листокъ
Несется бѣдный, одинокій,
Куда влечетъ его потокъ,

Такъ и она, велѣнью рока
Всегда послушная, пойдетъ

Безъ слезъ, безъ жалобъ, безъ упрека,
Куда ее онъ поведетъ.

Въ ея груди таится нынѣ
Любви такъ много... Боже мой!
Не дай растратить ей въ пустынѣ
Огня, зажженнаго Тобой.

И этотъ взоръ спокойный, ясный
Да будетъ вѣчно имъ согрѣтъ,
И пусть на зовъ души прекрасной
Душа другая дастъ отвѣтъ.

Да, вѣрь мнѣ, другъ, я понимаю
Твою зловѣщую печаль
И, полонъ грусти, повторяю
Съ тобою самъ—ее мнѣ жаль.

А Плещеевъ.

Купеческая невѣста.

Люблю смотрѣть въ окно сосѣдки,
Гдѣ сквозь зеркальное стекло
Глядятъ цвѣты, растеній вѣтки
И милой дѣвушки чело.—
Тамъ, подъ гардиною багровой,
Покуда не наступитъ ночь,
Орѣшекъ щелкая кедровый,
Сидитъ купеческая дочь.

На всѣхъ проѣзжихъ и прохожихъ
Она разсѣянно глядитъ—
И только юношей пригожихъ
Упорно взорами слѣдитъ.

Тебя въ окошко наблюдая,
Тобой любуясь, часто я
Мечталъ: сосѣдка молодая,
Что ждетъ въ замужествѣ тебя?—

Покой съ лежанкой изразцовой,
Перина съ гору, ханскій чай,
Хозяйство, баня, квасъ здоровый,
Блины, наливка, коровай,

Орѣшки, пряники—забава
Подругъ дородныхъ и гостей,
И сплетни—лучшая приправа
Всѣхъ яствъ, напитковъ и сластей...

А можетъ быть, совсѣмъ другое
Тебѣ готовится житье,
Когда армейскаго героя
Прельститъ приданое твое:

Денщикъ, походныя телѣжки,
Въ крестьянскихъ избахъ смрадъ печей,
И полковыхъ подругъ насмѣшки
Надъ родословною твоей?..

Теперь ужъ скоро все свершится!
Моя сосѣдка, скоро ты

Должна съ семьей своей проститься,
Окно покинуть и цвѣты.
Давно ужъ сваха выхваляетъ
Тебѣ замужнее житье
И женихамъ перечисляетъ
Тайкомъ приданое твое.

Старушка.

Старушка, сгорбившись, сидитъ;
Свѣча печально догораетъ,
Ночь тянется, она зѣваетъ...
Всѣ спятъ, она одна не спитъ...
И все сидитъ—и все гадаетъ.
Но, можетъ быть, кого-нибудь
Въ далекій проводивши путь,
О дочери, о миломъ сынѣ
Она гадаетъ и по нынѣ,
Ихъ ждетъ съ любовью каждый часъ?
Нѣтъ, брачныхъ узъ она не знала,
Сердечныхъ правъ не признавала—
Ее Господь отъ горя спасъ.
Зачѣмъ же, подпершись руками,
Старушка, сгорбившись, сидитъ,
На карты мутными очами
Глядитъ и блѣдными губами,
Гадая молча, шевелитъ?
За то, что бѣдная не знала,
О чемъ всю жизнь свою гадала,

Она взамѣнъ молитвъ и сна
Теперь гадать осуждена.
О всѣхъ теперь она хлопочетъ:
И что кума? и что сосѣдъ?
Лишь объ одномъ у картъ не хочетъ
Спросить: умретъ она или нѣтъ?

Русская пѣсня.

По улицѣ, по улицѣ
Мятелица, мятелица;
Нашъ дѣдъ сѣдой, старикъ лихой,
Не женится, не женится!
Пришелъ, принесъ подарки онъ:
Жемчугъ драгой, золотъ перстень,
На грудь мою, на бѣлую,
Цѣпочки съ камнемъ-яхонтомъ.
Пришелъ старикъ, сказалъ старикъ:
«Люби меня, красавица!
Въ моемъ сердцѣ, въ моей казнѣ
Есть много злата, серебра».
—Въ твоей груди, старикъ сѣдой,
Не высохло ль ретивое?
Тебя любить—красу губить!
Ступай домой, живи съ казной,
Нашъ дѣдъ сѣдой, старикъ лихой!
Пошелъ старикъ, побрелъ старикъ,
Разгнѣвался, нахмурился.—
Сердечный другъ, мой суженый,

Пришелъ ко мнѣ въ высокъ теремъ,
Безъ золота, безъ яхонтовъ;
Прижалъ меня къ сердечушку—
Кипитъ оно, стучитъ оно,
Какъ будто въ душу просится...
Нѣтъ злата, нѣтъ и серебра,
Да счастье есть, да радость есть.

Феоктистовъ.

* * *

Скромна, какъ роза полевая,
Какъ утро майское мила;
Рѣзва, какъ ласточка младая,
Какъ полдень ясный, весела.
Она залогъ любви небесной,
Добра, чувствительна, прелестна;
Такъ женщина всегда, другъ мой,
Есть образъ ангела живой!
Есть образъ ангела живой!
Въ лѣтахъ младыхъ красой коварной
Она сердца къ себѣ влечетъ;
Она кумиръ неблагодарный,
Смѣясь, въ нихъ ядъ смертельный льетъ.
Капризна, зла, самолюбива,
Горда, тщеславна, прихотлива.
Такъ женщина всегда, другъ мой,
Есть образъ демона живой!

Въ супружествѣ, въ семьѣ своей
Она нѣжнѣйшая подруга,
Хранитель-ангелъ для дѣтей
И спутникъ вѣрный для супруга
Нѣжна, довѣрчива, послушна,
Какъ ангелъ кроткій—добродушна,
Такъ женщина всегда, другъ мой,
Есть образъ ангела живой!
Въ супружествѣ жъ она упорствомъ
На зло разсудку верхъ возьметъ,
Слезами, хитростью, притворствомъ
И мудреца съ ума сведетъ;
Какъ турокъ-эгоистъ ревнива,
Какъ злой тиранъ властолюбива;
Такъ женщина всегда, другъ мой,
Есть образъ демона живой!
Есть образъ демона живой!
Добро и зло, напасть, отрада,
Злодѣй и другъ въ мірскомъ пути;
Она небесная награда
И казнь за тяжкіе грѣхи.
Для сердца—острый ножъ булатный,
Бальзамъ для язвы дорогой,
Она то—ангелъ благодатный,
То образъ демона живой,
То образъ демона живой!
Какъ скоро я въ избыткѣ чувства
Ей намекалъ насчетъ замужства,—
Она, бывало, никогда
Не скажетъ мнѣ—ни нѣтъ, ни да.

Другую—это предложенье
Должно привесть бы въ восхищенье,
Она жъ, бывало, отъ него
Вздохнетъ—и больше ничего!..

* * *

Встарину живали дѣды
Веселѣй своихъ внучатъ.
Какъ простую пили воду—
Медъ и крѣпкое вино.
Веселились, потѣшались,
Пировали круглый годъ.
Вотъ какъ жили при Аскольдѣ
Наши дѣды и отцы!
Ну, вотъ слышите ль, ребята,
Какъ живали встарину!
Люди ратные не смѣли
Брать все даромъ на торгу
И лишь грековъ обижали
Да заѣзжихъ поморянъ,
Въ поясъ кланялись народу
И честили горожанъ.
Вотъ какъ жили при Аскольдѣ
Наши дѣды и отцы!
Ну, вотъ слышите ль, ребята,
Какъ живали встарину!
Безъ варяговъ управлялись
Съ печенѣжской стороной

И Византію громили,
И съ косоговъ брали дань;
И всѣхъ били кіевляне—
Какъ ихъ бьютъ теперь самихъ.
Ну, вотъ слышите ль, ребята,
Какъ живали встарину!

«Асколь. могила».

* * *

Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ,
Пробираясь по лѣсу;
По кусточкамъ онъ шумитъ,
По листочкамъ шелеститъ,
По хижечкамъ перепархиваетъ...
То запышетъ онъ прохладою,
То засвищетъ соловьемъ;
Онъ несетъ дѣвицѣ вѣсточку
Отъ сердечнаго дружка:
«Тяжко было молодцу,
Да товарищъ выручилъ!
Ты не бойся, моя радость,
Не грусти, моя краса!
Не найдутъ тебя злодѣи,
Не отыщутъ твой пріютъ»...

«Асколь. могила».

* * *

Близко города Славинска,
Наверху крутой горы,
Знаменитый жилъ боярин,
По прозванью Карачун.
Въ его теремѣ высокомъ,
Словно пташка въ западнѣ,
Изнывала въ злой неволѣ
Красна дѣвица душа.
Поздно вечеромъ однажды
У косящата окна
Сиротинушка Любаша
Пригорюнившись сидитъ.
Она плачетъ, слезы льются,
Какъ потокъ, шумятъ онѣ,
А все сердцу нѣтъ отрады
И не легче для него!
Она смотритъ въ ту сторонку,
Гдѣ живетъ ея Всемилъ...
Тамъ, далече, за Ильменемъ,
Онъ остался безъ нея.
Вотъ умъ лѣто все проходитъ,
А о немъ и вѣсти нѣтъ:
Знать, забылъ свою невѣсту,
Знать, женился на другой.
Скоро полночь—она плачетъ,
И на умъ нейдетъ ей сонъ...
Вдругъ ей слышно: кто-то скачетъ,

Вотъ ужъ близко!.. Это онъ!
Вотъ подъѣхалъ тихимъ шагомъ,
Въ домѣ смирно... нѣтъ огня,
Только волки за оврагомъ
Воютъ, глядя на коня.
Вдругъ, откуда ни взялися,
Двое витязей другихъ;
Разомъ лѣстницу къ окошку
Подставляютъ молодцы...
Что къ хозяинъ?.. Почиваетъ,
Его слуги также спятъ;
Одинъ стражъ стоитъ на вышкѣ
И мурлычетъ про себя.
Вотъ залаяли собаки,
И проснулся Карачунъ...
Вотъ хватился онъ Любаши,
Ея нѣтъ... Ахти, бѣда!
Всѣ на коней и въ погоню!
Да ужъ поздно,—нѣтъ слѣда!
Спустя лѣто по малину
Въ лѣсъ не ходятъ никогда!

«Асколъд. могила».

* * *

Что за жизнь моряка,
Такъ привольна, легка!
Въ море птицей лети,
О землѣ не тужи.

По морямъ, по волнамъ,
Нынче здѣсь, завтра тамъ! (2)

Я морякъ, красивъ собой,
Мнѣ ужъ двадцать-пять лѣтъ;
Полюби меня душой.
Что же скажутъ въ отвѣтъ?

По морямъ, по волнамъ,
Нынче здѣсь, завтра тамъ! (2)

Ты, морякъ, уѣдешь въ море,
А меня оставишь въ горѣ;
Скажешь: милая, прощай!
И какъ звали—поминай!

По морямъ, по волнамъ,
Нынче здѣсь, завтра тамъ! (2)

Буйный вѣтеръ зашумѣлъ,
Бѣлый парусъ забѣлѣлъ;
Ну, прощай же, ну, прощай,
И какъ звали—поминай!

По морямъ, по волнамъ,
Нынче здѣсь, завтра тамъ! (2)

* * *

Было дѣло на Кавказѣ,
Дѣло славное, друзья,
Мы дрались тамъ съ Шамилемъ
И съ мюридами его.

Долго бились мы съ врагами,
Гнали ихъ за шагомъ шагъ;
Они въ горы, мы за ними,
Не боясь ихъ мѣткихъ пуль.

Наши чудо-командиры
Тамъ примѣромъ были всѣмъ,
И на битву и на приступъ
Завсегда напереди.

Гдѣ просторнѣй было мѣсто,
Подавались мы скорѣй,
А съ лѣсами да съ горами
Ладить было потруднѣй.

То дрались, то рубили,
Изрубили лѣсу тьму;
Ну, досталось тутъ работы
И ружью и топору.

Были стычки, эхъ, какія!
Соберутся ихъ толпы,
Да и думаютъ, что вотъ-де
Насъ застануть всѣхъ врасплохъ.

Да и мы вѣдь не глупѣе
Были умныхъ ихъ головъ;
Они шасть, а тутъ гостинецъ
Ужъ давно для нихъ готовъ.

Какъ они ужъ тамъ ни мѣтки,
Какъ ихъ шашки ни востры,

А картечью какъ прибрызнемъ—
Такъ и прячутся въ норы.

Наконецъ, имъ стало тѣсно;
Они заперлись въ Гунибъ,
Что считался на Кавказѣ
Неприступнѣй всѣхъ твердынь.

Но ничто не устояло
Противъ храбрыхъ русскихъ войскъ:
Палъ Гунибъ, и съ нимъ Шамиль
Потерялъ навѣкъ Кавказъ.

* * *

«Конченъ, конченъ дальній путь,
Вижу край родимый!
Сладко будетъ отдохнуть
Мнѣ съ подружкой милой.
Долго въ грусти ждетъ она
Казака младого;
Вотъ забрезжила луна
Съ неба голубого,
И веселый Донъ течетъ
Тихою струею;
Въ нетерпѣньи конь мой ржетъ,
Чуетъ предъ собою
Онъ траву родныхъ береговъ,
Гдѣ, въ счастливой долѣ,
Средь знакомыхъ табуновъ,
Онъ гулялъ по волѣ.

Вѣрный конь, скачи скорѣй,
И какъ вихрь ты мчися,
Лишь предъ хатою моей
Ты остановися!»
Такъ казакъ спѣшилъ домой,
Понукалъ гнѣдого:
Борзый конь летитъ стрѣлой
До дому родного...
Вотъ приблизился донецъ
Къ своему селенью,—
«Стой, товарищъ, стой! конецъ
Нашему стремленью!»
Видитъ онъ невѣстинъ домъ,
Входитъ онъ въ свѣтлицу
И объяту сладкимъ сномъ
Будитъ онъ дѣвицу:
«Встань, коханочка моя,
Встань-ка, улыбнися,
Поцѣлуй скорѣй меня
И къ груди прижмися!
На поляхъ страны чужой
Я дышалъ тобою,
Видно, для тебя одной
Сохраненъ судьбою».
Что же милая его?
Пробудилась, встала
И, взглянувши на него,
Въ страхѣ задрожала.
— Наяву или во снѣ
Зрю тебя, мой милый?

Ахъ! недаромъ не во мнѣ
Сердце пріуныло.
Долго я ждала тебя
И страдала въ скукѣ,
Сколько слезъ я пролила
Въ горестной разлукѣ
И, отчаясь зрѣть тебя,
Быть твоей женою,
Отдалась другому я
Съ клятвой роковою...
«Ну, такъ Богъ съ тобой!» сказалъ
Молодецъ удалый,
И—къ воротамъ, гдѣ стоялъ
Конь его усталый:
«Ну, сопутникъ вѣрный мой,
Онъ сказалъ уныло,
Нѣтъ травы тебѣ родной,
Нѣтъ мнѣ въ свѣтѣ милой».
Словомъ, сѣлъ онъ на гнѣдка,
Шевельнулъ уздою,
Далъ онъ шпоры подъ бока—
Борзый конь стрѣлою
Полетѣлъ въ обратный путь
Отъ села родного.
Но тоска терзала грудь
Казака младого.
Онъ послѣдній разъ взглянулъ
На страну родиму
И, невольно воздохнувъ,
Скрылся въ даль невриму.

Что и родина, коль нѣтъ
Ни друзей, ни милой!
Ахъ, тогда намъ цѣлый свѣтъ
Кажется могилой!

* * *

Настала священная брань на враговъ
И въ битву помчала Урала сыновъ.
Одинъ изъ казаковъ, наѣздникъ лихой,
Лишь годъ одинъ живши съ женой молодой,
Любя ее страстно и страстно любимъ,
Былъ долженъ разстаться съ блаженствомъ своимъ.
Прощаясь съ женою, сказалъ: «будь вѣрна!» —
«Вѣрна до могилы», сказала она.
Три года за родину бился съ врагомъ,
Разилъ супостата копьемъ и мечомъ.
Безстрашный наѣздникъ всегда впереди,
Свидѣтели—раны и всѣ на груди.
Окончились битвы, онъ ѣдетъ домой,
Все страстный, все вѣрный женѣ молодой,
Уже достигаетъ Урала браговъ
И видитъ навстрѣчу идущихъ отцовъ;
Казакъ нашъ объемлетъ отца своего,
Но въ тайной печали онъ видитъ его.
«Повѣдай, родимый, повѣдай ты мнѣ
О матери милой, о милой женѣ».

Старикъ отвѣчаетъ: «здорова семья;
Но, сынъ мой, случилась бѣда у тебя:
Тебѣ измѣнила младая жена,
Зато отъ печали изсохла она.
Раскаянье видя, простили мы ей,
Прости ее, сынъ мой, мы просимъ о ней».
Ни слова отвѣта, идетъ онъ съ отцомъ,
И вотъ уже входитъ въ родительскій домъ;
Упала на грудь его матерь въ слезахъ,
Жена молодая лежала въ ногахъ.
Онъ мать обнимаетъ, иконамъ святымъ,
Какъ быть, помолился съ поклономъ зем-
нымъ;
Вдругъ сабля взвилася могучей рукой—
Глава покатилась съ жены молодой.
Безмолвно онъ голову тихо беретъ
И молча къ народу на площадь несетъ.
Свое преступленье онъ всѣмъ объявилъ
И требовалъ казни, и казнь получилъ.

* * *

Ура! Паскевичъ-Эриванскій!
Ты русскій громъ, страхъ оттоманскій!
Ты обломилъ лунѣ рога,
Грозой войны смирилъ врага.
Ура, ура, ура!
Съ мечомъ Суворовскимъ во длани
Ты быстръ, какъ вихрь, на полѣ брани.

И въ Карсъ, могучій нашъ орелъ,
Ты на плечахъ враговъ влетѣлъ.
Ура, ура, ура!

Покорнымъ миръ, упорнымъ горе:
И Ахалцыхъ въ огнѣ, какъ въ морѣ,
Волнами пламени объятъ,
И сразу на штыки онъ взятъ.
Ура, ура, ура!

Твоя рука неутомима,
Твоя душа непоколебима,
И мысль твоя, какъ мечъ, страшна,
Побѣда ей всегда вѣрна.
Ура, ура, ура!

Твои неодолимы строи,
Съ тобой солдаты всѣ герои.
Чрезъ неприступный Саганлугъ
Перешагнулъ Паскевичъ вдругъ.
Ура, ура, ура!

На полѣ битвы, въ вихряхъ дыма,
Тебѣ предстала слава Рима,
Она звала тебя, герой:
Палъ Эрзерумъ передъ тобой.
Ура, ура, ура!

Не уставалъ ты побѣждать,
Не переставалъ царь награждать,
Хвала царю — отцу народа,
Хвала нашъ чудо-воевода!
Ура, ура, ура!

* * *

Богомъ царь благословенный,
Громкой славой озаренный,
Къ тебѣ приносимъ мы сердца,
Въ тебѣ узрѣли мы отца!
Сіяй, Россія, процвѣтай
На свѣтломъ тронѣ, АЛЕКСАНДРЪ,
Гдѣ предъ орломъ его побѣднымъ
Лежалъ нашъ врагъ безсильный, блѣдный!
Богомъ царь благословенный,
Громкой славой озаренный,
Гремите всѣ его дѣла!
Гремите всѣ царю,—ура!
Ура, ура, ура!

* * *

Русскаго солдата
Знаетъ цѣлый свѣтъ,—
Грянемъ-ка, ребята,
Отъ души привѣтъ!
Царь самодержавный,
Бѣлый русскій царь,
Первый православный
Въ свѣтѣ государь!
Молви только слово,
Взглядомъ поведи,
Мы повсюду снова
Будемъ впереди!

* * *

Было дѣло подъ Полтавой,
Дѣло славное, друзья!
Мы дрались тогда со шведомъ
Подъ знаменами Петра.

Нашъ могучій императоръ,—
Память вѣчная ему!—
Самъ командовалъ полками,
И какъ соколъ онъ леталъ.
Самъ ружьемъ солдатскимъ правилъ,
Самъ и пушки заряжалъ.

Вдругъ злодѣйка-пуля шляпу
Прострѣлила сквозь на немъ,—
Знать, что шведы промахнулись,
Императоръ усидѣлъ,
Шляпу снялъ, перекрестился,
Снова въ битву полетѣлъ.

Вдругъ еще злодѣйка-пуля
Въ сѣдло лошади впилась:
Императоръ не смутился,
Взоръ, какъ молнія, блисталъ,
Лишь, вздрогнувши отъ удара,
Конь быстрѣе поскакалъ.

Но какъ разъ и третья пуля
Повстрѣчалася съ Петромъ,
Прямо въ грудь она летѣла,
Въ сердце крѣпкое царя;

Но, ударясь, отскочила
Съ визгомъ прочь и безъ вреда:
На груди царя высокой
Чудный крестъ его сіялъ.

Было дѣло подъ Полтавой,
Дѣло славное, друзья!
Много шведовъ, много русскихъ
Тамъ въ сраженіи легло.
Былъ тотъ день для насъ великій,
Смерть летала вкругъ царя;
Но хранилъ Господь для русскихъ
Императора Петра.

* * *

Ночи темныя, тучи грозныя
По поднебесью идутъ:—
Наши храбрые гренадеры
Со ученьица идутъ.
Они идутъ, маршируютъ,
Межъ собою говорятъ:
«Эхъ, не трудно намъ, ребята,
Намъ Варшаву городъ взять!
И не будетъ намъ труднѣе,
Намъ подъ пушки подбѣжать;
Мы подъ пушки подбѣжали,
Закричали всѣ: ура!»
Предводитель, графъ Паскевичъ,
Громкимъ голосомъ вскричалъ:

«Ужъ вы бейте, не робѣйте—
Подаются всѣ назадъ!
Подаются всѣ назадъ!
За морями знаютъ насъ;
Хоть и лихи вы, поляки,
Покоритеся вы намъ!
Если намъ не покоритесь,
Пропадете, какъ трава:
Наша матушка-Россія
Всему свѣту голова!..»

* * *

Выпьемъ первый бокалъ
За здоровье царя!
Онъ, родимый, удалъ
И свѣтлѣй, чѣмъ заря.
Ура, ура, ура!

А второй-то бокалъ
За хозяйку его,
Чтобы Богъ ниспослалъ
Ей на счастье всего.

Ура, ура, ура!
А ужъ третій бокалъ
За сынка-молодца,
Чтобы росъ да мужалъ
Цѣлый вѣкъ, безъ конца.
Ура, ура, ура!

А четвертый бокалъ
Наливай черезъ край,—
Будемъ пить до конца
За родимый нашъ край!
Ура, ура, ура!

* * *

Ура, гвардейскіе уланы!
Кто не слыхалъ про молодцовъ?
Недаромъ помнятъ бусурманы
Про нашихъ дѣдовъ и отцовъ.
Недаромъ кровью и трудами
Мы заслужили у царя
Штандарты съ бѣлыми крестами
И трубы всѣ изъ серебра.
Кто не слыхалъ, какъ лейбъ-уланы
Дрались въ двѣнадцатомъ году?
То вихри были, ураганы,
Бѣда была имъ не въ бѣду...
Бывало, дня не проходило,
Чтобъ наши не были въ огнѣ,
Чтобъ утро ихъ не захватило,
Готовыхъ къ бою, на конѣ.
И вихремъ мчались лейбъ-уланы
На бусурманскіе ряды,
И кровью смоченныя раны
Обозначали ихъ слѣды.
Хотя теперь меж ъ нашихъ хватовъ
Не видно прежних ъ стариковъ,

Но въ ихъ преемникахъ-собратахъ
Все тотъ же духъ, все та же кровь.
Такъ выступайте жъ, бусурманы!
Мы вамъ покажемъ въ добрый часъ,
Что за народецъ лейбъ-уланы,
Что значитъ гвардія у насъ!

* * *

Святую Русь и Бѣлаго Царя
Давайте, братцы, пѣть согласно:
Русь-матушка—что на небѣ заря,
Царь-батюшка—что солнце красно.

Она и Онъ—что Церковь со Христомъ;
Онъ и Она—что мужъ съ женою;
Мы—дѣти ихъ, живемъ Отца умомъ
И сыты матери рукою.

Всѣмъ имъ богатствъ и здравія и силъ
Пролей, Господь, ключи и рѣки!
Ему годовъ—что жилъ Маѳусаилъ,
Ей—безъ конца несчетны вѣки.

* * *

Ну, ребята, маршъ домой!
Вольно, вразсыпную...
Службу кончили, и пой—
Гаркнемъ удалую!

Было время—царь смотрѣлъ,
Молвилъ намъ: «спасибо»;
Въ битвахъ полкъ нашъ не робѣлъ,
Въ нуждахъ равъ былъ рыба.
Громче, музыка, гуди—
Весело съ тобою...
Слышь, ретивое въ груди
Словно рвется къ бою!
По пути намъ сталъ народъ,
Съ оконъ смотрятъ лица;
Воинъ русскій не уродъ,
Взгляньте, молодицы!
Ну, ребята, что дремать!
Живо да дружнѣе:
Время кашу, щи хлебать,—
Со дна горячѣе!

* * *

Шамиль задумалъ бунтоваться въ про
шедшіе годы,
А теперь пошелъ скитаться, вышелъ
врагъ изъ моды.
Трай-трай,—вышелъ врагъ изъ моды.
По завалamъ его войско все въ горахъ
лежало.
Наши храбрые саперы на штурму бѣ
жали.
Трай-трай,—на штурму бѣжали.

Штурма наша, вдаль, въ погонь, Ковалевскій съ нами;
Открывали мы огонь, впередъ со штыками.
Трай-трай,—впередъ со штыками.
Вотъ мы гнали бусурмановъ прямо до оврага,
Представлялось имъ въ глазахъ, били имъ отвагу.
Трай-трай,—били имъ отвагу.
Насчитали однихъ муллъ больше до десятка.
А подъ кучами лежатъ, да все безъ порядка.
Трай-трай,—да все безъ порядка.
Въ Аргунаѣ течетъ рѣчка, она не рѣкою,
Тамъ у насъ была вѣдь стычка съ подлою ордою.
Трай-трай,—съ подлою ордою.
Въ Аргунаѣ течетъ рѣчка, она очень красна,
Представлялось имъ въ глазахъ, имъ было ужасно.
Трай-трай,—имъ было ужасно.
Вотъ бросились они съ кручи всѣ съ большого страху,
Представлялось имъ въ глазахъ, вотъ такъ дали маху!
Трай-трай,—вотъ такъ дали маху!
Остальные бусурманы къ аулу бѣжали,
Наши храбрые саперы на штыкъ ихъ сажали.

Трай-трай,—на штыкъ ихъ сажали!
Подъ самымъ подъ ауломъ значки отбивали,
Со всѣхъ сторонъ намъ ура кричали.
Трай-трай,—намъ ура кричали.
Вотъ спасибо вамъ, саперы, что съ завалу сбили,
На проклятыхъ бусурмановъ штыки обновили!
Трай-трай,—штыки обновили!
Вотъ бѣжали мы на штурму, конница, пѣхота,
Донскіе казаки и саперовъ рота.
Трай-трай,—и саперовъ рота!

* * *

Любимъ драться со врагами,
Пулѣ пулей отвѣчать,
И съ бутылкой предъ огнями
На бивакахъ пировать.
Любимъ шумныя веселья,
Нектаръ въ чашѣ круговой,—
Чашѣ вѣрно, въ часъ бездѣлья,
Служитъ ратникъ боевой.
Пей, друзья, покуда пьется,
Горе жизни забывай;
Искони у насъ ведется:
Пей—ума не пропивай!
Завтра, можетъ, въ полѣ чистомъ
Громы битвы загремятъ,

Ядра съ шумомъ, пули съ свистомъ
Къ намъ къ кареи полетятъ.
Завтра жъ, можетъ быть, изъ строя
Насъ на ружьяхъ понесутъ,
И ужъ водки, послѣ боя,
Намъ понюхать не дадутъ.
Пей, друзья, покуда пьется,
Горе жизни забывай;
Искони у насъ ведется:
Пей—ума не пропивай!
Можетъ, завтра, павши жертвой,
Кто-нибудь, друзья, изъ насъ,
Между мертвыхъ, полумертвый
Будетъ ждать послѣдній часъ.

* * *

Пойдемъ, братцы, за границу
Бить отечества враговъ,
Вспомнимъ матушку-царицу,
Вспомнимъ—вѣкъ ея каковъ!
Славный вѣкъ Екатерины
Намъ напомнитъ каждый шагъ,
Тѣ поля и тѣ долины,
Гдѣ бѣжалъ отъ русскихъ врагъ.
Вотъ Суворовъ гдѣ сражался!
Вотъ Румянцевъ гдѣ разилъ!
Каждый воинъ отличался,
Путь *ко славѣ* находилъ.

Каждый воинъ—духъ геройскій
Среди мѣстъ сихъ доказалъ,
И—какъ славны наши войски,
Цѣлый свѣтъ объ этомъ зналъ.
Между славными мѣстами
Устремимся дружно въ бой...
Съ лошадиными хвостами
Побѣжалъ французъ домой.
За французомъ мы дорогу
И къ Парижу будемъ знать,
Зададимъ ему тревогу,
Какъ столицу будемъ брать.
Тамъ-то мы расположимся,
Въ прахъ разбивъ богатыря,
И тогда повеселимся
За народъ свой и царя.

* * *

Ну-ка, братцы, егеря,
Рать любимаго Царя!

Попоемъ,
Попоемъ!

То ли дѣло, то ли дѣло, егеря, егеря,
То ли дѣло, то ли дѣло, егеря, егеря!
Конный—молодецъ съ конемъ,
А ссади-ка,—чортъ ли въ немъ,

На своихъ,
На двоихъ!

То ли дѣло, то ли дѣло и проч.
Сестра пуля, да штыкъ братъ,
И безъ нихъ, безъ копій ладъ!

Нашъ братъ радъ
Хоть во адъ.

То ли дѣло и проч.
Молодцы и гренадеры,
Мы жъ на разные манеры:

Гдѣ ползкомъ,
Гдѣ прыжкомъ!

То ли дѣло и проч.
Знать, что мы-таки не просты,
Вѣдь не шлютъ на аванпосты

Мушкатеръ,
Гренадеръ!

То ли дѣло и проч.
Егерь ростомъ не великъ,—
Малъ, да дорогъ золотникъ.

Егерь малъ—
Да удалъ!

То ли дѣло, то ли дѣло, егеря, егеря,
То ли дѣло, то ли дѣло, егеря, егеря!

* * *

За горами, за долами,
Бонапарте съ плясунами
Вздумалъ вровень стать.

Конь куда съ копытомъ мчится,
Ракъ туда жъ съ клешней тащится,
И давай плясать.
Проплясавъ ужъ экосезу,
Не подъ ладъ пошелъ англезу,
Польскую пройтись.
Не видавши пыли русской,
Вздернулъ кверху носъ французскій,
И давай кружить.
А сарматы пустословы
Подыграть ему готовы,—
Гостикъ дорогой!
Скрипки, басы заревѣли,
Звонки трубы загремѣли,
То-то пиръ горой!
Скоро польскимъ онъ наскучилъ,
Музыкантовъ перемучилъ...
—Семъ, на Русь пойду!
Тамъ я «барыней» пройдуся,
Фертомъ въ боки подопруся,
Пляску заведу!
Бородинскія заботы
Не отбили въ немъ охоты—
Въ матушку-Москву!
—Тамъ мнѣ есть гдѣ разойтиться,
А чтобы повеселиться,
Барынь позову!
Побывать-то удалося,
Да не такъ отозвалося:
Не съ кѣмъ поплясать!

—То ли дѣло по-нѣмецки
Танцовать по-молодецки
Старый алемандъ!
Эта пляска мнѣ сходнѣе,
И для ногъ моихъ сноснѣе,
Ну, назадъ, назадъ!
—Видно, хватъ ты изъ французовъ,
Говоритъ ему Кутузовъ,
Нѣтъ, братъ, погоди!
Шаркать мастеръ ты ногою,
Семъ, попляшемъ-ка съ тобою,—
Нут-ка, выходи!
Захотѣлъ плясать по-русски,
Присѣдай-ка по французски,
Ты—Наполеонъ!
Бонапарту не до пляски,
Растерялъ свои подвязки,
Хоть кричать: пардонъ!
Сталъ онъ въ стороны кидаться,
Мелкимъ бѣсомъ разсыпаться;
Дрогнула нога!
Его музыки не стало,
Скрипокъ будто не бывало,
Пляска дорога!
Бросилъ пышныя ухватки,
По-цыгански безъ оглядки,
Шаркнулъ онъ назадъ!
Морганулъ онъ Коленкуру:
«Семъ-ка выкинемъ фигуру
На цыганскій ладъ!»

Не соваться бъ было въ воду,
Не спросяся прежде броду,
Хватъ-богатырю!
Мать россійская держава,
Силы много! Честь и слава
Бѣлому царю!

* * *

Да здравствуетъ державный,
Великій государь!

Ура! тебѣ, царь Руси православной!
Ура! тебѣ, могучій бѣлый царь!

Прославленъ тронъ тобою,
И крѣпокъ вѣрой онъ!

Владѣй и правь державою родною
И намъ сіяй, какъ древле Соломонъ!

Съ вѣнцомъ любви народной,
Днесь, на челѣ твоемъ,

Вѣнецъ побѣдъ и славы благородной,
И счастіемъ цвѣтетъ твой царскій домъ!

О, царь нашъ! Лучезарно
Величіе твое!

И Русь тебѣ пребудетъ благодарна
Дотоль, пока Творецъ хранитъ ее!

Да здравствуетъ державный,
Великій государь!

Ура! тебѣ, царь Руси православной!
Ура! тебѣ, могучій бѣлый царь!

* * *

За царя, за Русь святую
Кровь пролить насъ не страшитъ;
За царя —пасть головою
Долгъ и честь намъ всѣмъ велитъ,
Долгъ и честь намъ всѣмъ велитъ!

Защитимъ царя мы кровью
Отъ измѣны и крамолъ,—
Мы горимъ къ нему любовью,
Любимъ царскій его домъ,
Любимъ царскій его домъ.

Далъ свободу онъ народамъ,
Цѣпи крѣпкія порвалъ;
Двадцати-тремъ милліонамъ
«Люди, вольны вы», сказалъ,
«Люди, вольны вы», сказалъ!

И раба не стало сѣмя....
Перестанемъ тосковать,
Человѣческое племя,
Станетъ вольно поживать.
Онъ и любитъ насъ: сильнѣе
Будемъ мы его любить.
Мы сплотимся всѣ плотнѣе,
Станемъ всѣ царя хранить.

Комиссарову спасибо,
Что ему Богъ пособилъ:
Рукой подъ ложоть злодѣя
Отъ царя онъ отвратилъ,
  Отъ царя онъ отвратилъ.

Комиссаровъ нашъ спаситель,
Спасъ Россію и царя!
Ему Богъ былъ покровитель;
Закричимъ мы всѣ ура!
  Закричимъ мы всѣ ура!..

* * *

Гдѣ мой конь вороной,
Гдѣ булатный мой мечъ?
Я прощуся съ женой
И помчуся на сѣчь,
За отчизну побьюсь—
Обо мнѣ не тужи,—
И съ крестомъ на груди
Я оттуда вернусь.
Не отдамся живой
На добычу врагамъ,
И своею рукой
Кровью выкупъ отдамъ.
Мнѣ царь бѣлый—отецъ,
И въ родствѣ, наконецъ,
Наша храбрая рать.

Такъ прощай же, жена,
О побѣдѣ молись,
Будь до гроба вѣрна
И не плачь, не крушись!
Если жъ въ битвѣ паду
Я отъ вражьей руки,
Объ одномъ вспомяни:
Я со славой умру.

* * *

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю!
Спи, покойся, за тобою
Я безъ устали смотрю.
Самъ Господь, съ высотъ небесныхъ,
Въ колыбель глядитъ твою;
Спи, мой ангелъ, спи, прелестный,
Баюшки-баю!
Спи, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю!
Спи, пока не добываешь
Хлѣбъ насущный на семью;
Спи, пока тебя ласкаю,
Усыпляю и пою,
Колыбель твою качаю,
Баюшки баю!

* * *

Грянулъ внезапно громъ надъ Москвою!
Выступилъ съ шумомъ Донъ изъ береговъ.
Все запылало мщеньемъ, войною
Противъ враговъ.
Ай, донцы,
Молодцы!..

Только взгремѣло царское слово:
Руссы-полканы! врагъ подъ Москвою!—
Тотчасъ сто тысячъ храбрыхъ готово
Броситься въ бой.
Ай, донцы,
Молодцы!..

Кто противъ Бога, кто противъ русскихъ,
Выхвативъ саблю, рекъ атаманъ.
Праха не будетъ полчищъ французскихъ,—
Гдѣ вражій станъ?
Ай, донцы,
Молодцы!..

Царь православный! всѣ мы готовы
На супостата бранью идти,
Натискомъ быстрымъ адскія ковы
Предупредить.
Ай, донцы,
Молодцы!..

Русскимъ знакома къ славѣ дорога:
Съ Нарвы до Рейна вмигъ пролетимъ;

Всѣхъ превозможемъ съ вѣрой на Бога
И отомстимъ!
Ай, донцы,
Молодцы!..

Вѣрь и надѣйся! Русь безопасна,
Силъ крестоносныхъ мышца крѣпка,
Страшенъ арканъ, да и сабля ужасна,
Пика мѣтка.
Ай, донцы,
Молодцы!..

Тщетны всѣ козни Наполеона,
Не устрашить насъ множествомъ силъ:
Матери Божіей съ нами икона
И Михаилъ.
Ай, донцы,
Молодцы!..

Время! на кони! врагъ наступаетъ,
Вѣра святая къ брани зоветъ.
Правому дѣлу—Богъ помогаетъ:
Дѣти, впередъ!
Ай, донцы,
Молодцы!..

Грянемъ навстрѣчу полчищъ французскихъ,
Встанемъ какъ горы на уперти;
Да не посмѣетъ въ сердце странъ русскихъ
Далѣ идти.

Ай, донцы,
Молодцы!..

Грянули чада тихаго Дона—
Міръ изумился, врагъ задрожалъ;
Рушилась слава Наполеона,
И побѣжалъ...
Ай, донцы,
Молодцы!..

Гдѣ ни посмотришь—пики мелькаютъ,
Граду подобно стрѣлы шумятъ,
Пули, какъ пчелы, роемъ летаютъ,
Сабли звучатъ.
Ай, донцы,
Молодцы!..

Противъ силъ русскихъ не устояли
Полмилліона буйныхъ головъ,
Сернамъ подобно, вострепетали
Отъ казаковъ.
Ай, донцы,
Молодцы!..

Бросили пушки, ружья, снаряды,
Чая спасеніе въ бѣгствѣ найти,
Всѣми корыстьми жертвовать рады,
Только бъ уйти.
Ай, донцы,
Молодцы!..

Но не успѣли, какъ ни хитрили:
Врагъ кровожадный палъ при Орлѣ.

Славу и кости—все положили
Въ русской землѣ.
Ай, донцы,
Молодцы!..

Тако разрушенъ замыслъ крамольный,
Тако ужасный врагъ истребленъ,
Такъ православный первопрестольный
Градъ освобожденъ.
Ай, донцы,
Молодцы!..

Богу силъ горнихъ благодаренье,
Честь и спасибо мудрымъ вождямъ;
Слава Монарху, царству спасенье,
Лавры донцамъ!
Ай, донцы,
Молодцы!..

Покореніе Казани.

Ужъ вы, люди ли, вы, люди стародавніе,
Молодые молодцы, дакось выслушати,
Еще я вамъ разскажу про царевый про походъ,
Про грозна царя Ивана Васильевича:
Онъ подходомъ проходилъ подъ Казань городокъ,
А подкопы подкопалъ подъ Казанку подъ рѣку.

Что татары же по городу похаживали,
Что грозна царя Ивана Васильевича по-
дразнивали.
Что и тутъ нашъ грозенъ царь прикру-
чинился;
Онъ повѣсилъ буйную голову на правое
плечо,
Утупилъ онъ ясны очи въ сыру-мать
землю,
Онъ велѣлъ ли, государь-царь, пушкарей
сзывать,
Пушкарей сзывать, зажигальщиковъ;
Онъ велѣлъ, сударь, скоро казнить, скоро
вѣшати.
Не успѣлъ молодой пушкарь слова вы-
молвить,
Воску яраго свѣча затеплилася,
Что и съ порохомъ бочка загорѣлася,
Что побила татаръ сорокъ тысячъ и три
тысячи.

(Изъ сбор. нар. пѣс. Якушкина).

Завѣтныя слова.

«Надъ Дунаемъ, надъ рѣкою,
Въ бусурманской сторонѣ,
Умирая послѣ бою,
Воинъ молвилъ слово мнѣ:

«Отнеси, братъ, въ край любимый,
Послѣ дружныхъ похоронъ,
Челобитьице родимой
И родимому поклонъ!..»

— А женѣ?— «Своя ей воля
Стать въ другой разъ подъ вѣнецъ:
Видно, братъ, моя недоля—
И женѣ не мужъ—мертвецъ!»

«Вѣсть снеси вдовѣ такую:
Что женатъ я на другой,
Что съ другою вѣкъ вѣкую
Я подъ крышей вѣковой.

«Что за нею на погостѣ
Взялъ я каменный накатъ;
Пуля сватала, а гости
Были пушки да булатъ!

* * *

Что въ сыромъ бору отъ солнышка
Снѣгъ златой росой разсыпался,
Молодецкая кручинушка
Разлилась слезами свѣтлыми;
Въ зимній холодъ любо солнышко,
На чужихъ людяхъ родной напѣвъ;
Поневолѣ сердце всплачется,
Какъ съ ретивымъ сиротинушкой

Пѣсня русская, унылая,
Что родная мать, перемолвится,
Задушевной не наслушаться!
Словно пташка, что въ раю поетъ
Заунывно сладкимъ голосомъ,
Грусть, тоску она баюкаетъ;
Не видать сквозь слезы чужой земли,
А что думушка ль сердечная
Понесется невидимкою
За сине море, въ святую Русь!..
По былому, по старинному
Добрый молодецъ въ родной землѣ
Въ ноги палъ отцу и матери,
Съ старымъ другомъ поздоровался,
А что дѣвица-красавица
Второпяхъ бѣжитъ изъ терема,
Зарумянившись, какъ маковъ цвѣтъ,
Радость высказать и слова нѣтъ,
Только съ милымъ обнимается,
Да сквозь слезы улыбается.

* * *

Колокольчики мои,
Цвѣтики степные!
Что глядите на меня,
Темно голубые?
И о чемъ звените вы
Въ день веселый мая,

Средь некошеной травы
Головой качая?

Конь несетъ меня стрѣлой
На полѣ открытомъ,
Онъ васъ топчетъ подъ собой,
Бьетъ своимъ копытомъ.
Колокольчики мои,
Цвѣтики степные,
Не кляните вы меня,
Темно-голубые!

Я бы радъ васъ не топтать,
Радъ промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бѣгъ неукротимый!
Я лечу, лечу стрѣлой,
Только пыль взметаю,
Конь несетъ меня лихой,
А куда—не знаю!

Онъ ученымъ ѣздокомъ
Не воспитанъ въ холѣ;
Онъ съ буранами знакомъ,
Выросъ въ чистомъ полѣ,
И не блещетъ, какъ огонь,
Твой чепракъ узорный,
Конь мой, конь, славянскій конь,
Дикій, непокорный!

Есть намъ, конь, съ тобой просторъ;
Міръ забывши тѣсный,

Мы летимъ во весь опоръ
Къ цѣли неизвѣстной!
Чѣмъ окончится нашъ бѣгъ?
Радостью ль? кручиной?—
Знать не можетъ человѣкъ—
Знаетъ Богъ единый!

Упаду ль на солончакъ
Умирать отъ зною?
Или злой киргизъ-кайсакъ,
Съ бритой головою,
Молча свой натянетъ лукъ,
Лежа подъ травою,
И меня догонитъ вдругъ
Мѣдною стрѣлою?

Иль влетимъ мы въ свѣтлый градъ
Со кремлемъ престольнымъ?
Чудно улицы гудятъ
Гуломъ колокольнымъ,
И на площади народъ,
Въ шумномъ ожиданьи,
Видитъ: съ запада идетъ
Свѣтлое посланье.

Въ кунтушахъ и въ чекменяхъ,
Съ чубами, съ усами,
Гости ѣдутъ на коняхъ,
Машутъ булавами,
Подбочась, за строемъ строй
Чинно выступаетъ,

Рукава ихъ за спиной
Вѣтеръ раздуваетъ.

И хозяинъ на крыльцо
Вышелъ величавый;
Его свѣтлое лицо
Блещетъ новой славой;
Всѣхъ его исполнилъ видъ
И любви и страха,
На челѣ его горитъ
Шапка Мономаха.

«Хлѣбъ да соль! и въ добрый часъ!»
Говоритъ державный.
«Долго, дѣти, ждалъ я васъ
Въ городъ православный!»
А они ему въ отвѣтъ:
«Наша кровь едина,
И въ тебѣ мы съ давнихъ лѣтъ
Чаемъ господина!»

Громче звонъ колоколовъ,
Гусли раздаются,
Гости сѣли вкругъ столовъ,
Медъ и брага льются,
Шумъ летитъ на дальній югъ
Къ турку и къ венгерцу—
И ковшей славянскихъ звукъ
Нѣмцамъ не по сердцу!

Гой, вы, цвѣтики мои,
Цвѣтики степные,

Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чемъ грустите вы
Въ день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

* * *

Вспомни, вспомни, мой любезный,
Нашу прежнюю любовь,
Какъ съ тобой мы обѣщались
Вѣчно другъ друга любить,

Какъ одинъ мы безъ другого
Не могли на свѣтѣ жить;
А теперь же что случилось?
Въ одинъ часъ могъ измѣнить!

Измѣнилъ священной клятвѣ,
Ты другую полюбилъ;
Полюбивши ты другую,
Дозволяю, другъ, женись.

Ты женись, женись, мой милый,
Женись, радость, дорогой.
Я сама, сама, мой милый,
Тебѣ навѣкъ измѣню.

Ты летишь къ вѣнцу въ каретѣ,
А мнѣ черный гробъ несутъ;

Подадутъ свѣчи вѣнчальны,
Ты обручишься съ другой.
Въ одно времячко надѣнутъ
На насъ, милый другъ, вѣнцы:
Твой вѣнецъ будетъ не вѣчный,
А мой вѣчный, навсегда.

О своемъ ты будешь плакать,
Вспомня твою клятву мнѣ,
И не разъ, мой другъ, вспомянешь,
Какъ любила я тебя.

Но не бойся, мой любезный;
Все прощаю я тебѣ;
Ты приди-ка, другъ мой милый,
На могилку на мою.

Прочитай же, мой любезный,
Золотыя литера,
Золотыя литера,
Чья любезная была.

* * *

Ахъ, ты мать моя, змѣя-мачеха!
Ты не бей меня, не позорь меня!
Я пойду гулять—разгуляюся,
Съ молодымъ купцомъ повидаюся;
Я пойду гулять, наряжу себя,
Уберусь ли вся по бывалому:

Въ косу длинную, въ косу русую
Заплету вотъ такъ ленту алую...
У меня ль, младой, грудь высокая,
Глаза черные съ поволокою,
На бѣлой груди жаръ-кольцо горитъ...
Ахъ, подруженьки, вы не слышали,
Какъ въ глухую ночь, въ темной горницѣ
Мать зарѣзала добра-молодца,
Деньги вынула, полы вымыла...
Что ты бьешь меня, что ты мучаешь?
Я пойду къ нему, полечу къ нему,
Завернусь въ туманъ вмѣстѣ съ мѣсяцемъ.
Что жъ ты блѣденъ такъ? Въ бѣломъ саванѣ
Я пришла къ тебѣ, какъ ты самъ велѣлъ.
Видишь, мѣсяцъ уже на небѣ,
А въ сыромъ бору соловей запѣлъ...

Тоска.

«Осѣдлаю коня, коня быстраго,
Полечу, понесусь легкимъ соколомъ
Отъ тоски, отъ змѣи, въ поле чистое;
Размечу по плечамъ кудри черные;
Разожгу, распалю очи ясныя—
Ворочусь, пронесусь вихремъ, вьюгою:
Не узнаетъ меня баба старая!
«Заломлю набекрень шапку бархатну;
Загужу, забрянчу въ гусли звонкія;

Побѣгу, полечу къ краснымъ дѣвушкамъ,
Прогуляю съ утра до ночной звѣзды,
Попирую съ зари до полуночи,
Прибѣгу, прилечу съ пѣсней, съ посви-
стомъ:
Не узнаетъ меня баба старая!»

— Полно, полно тебѣ похваляться,
князь!
Мудрена я, тоска, не схоронишься!
Въ темный лѣсъ оберну красныхъ дѣ-
вушекъ,
Въ гробовую доску—гусли звонкія,
Изорву, изсушу сердце буйное,
Прежде смерти сгоню съ свѣта Божьяго:
Изведу я тебя, баба старая!..

Не постель постлана въ свѣтломъ те-
ремѣ:
Черный гробъ тамъ стоитъ съ добрымъ
молодцемъ:
Въ изголовьи сидитъ красна дѣвица;
Горько плачетъ она, что ручей шумитъ,
Горько плачетъ она, приговариваетъ:
«Погубила тоска друга милаго!
Извела ты его, баба старая!»

* * *

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ;

Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты былъ и что сталъ?
И что есть у тебя?

На гумнѣ—ни снопа,
Въ закромахъ—ни зерна,
На дворѣ, по травѣ—
Хоть шаромъ покати.

Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ.

И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;
И, погнувшись, изба,
Какъ старушка, стоитъ.

Вспомни время свое,
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой,

Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!

И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!

А теперь подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.

А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ не скошенъ стоитъ:
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.

Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.

Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

Грунюшка.

Ахъ, Грунюшка! ахъ, Грунюшка!
Ахъ, Грунюшка Фомина, Фомина,

По бережку, по бережку,
По бережку ходила, ходила.

Ахъ, свѣтъ моя, ахъ, свѣтъ моя,
Ахъ, свѣтъ моя, зарѣцкая сторона,
Нѣмецкая, нѣмецкая,
Нѣмецкая улица, улица.

Въ той улицѣ, въ той улицѣ,
Въ той улицѣ живутъ молодые кузнецы;
Они куютъ, они куютъ,
Куютъ, куютъ, приговариваютъ:

«Пойдемъ, Груня, пойдемъ, Груня,
Пойдемъ, Груня, въ огородъ, въ огородъ,
Сорвемъ, Груня, сорвемъ, Груня,
Сорвемъ, Груня, лопушокъ, лопушокъ.

Сошьемъ Грунѣ, сошьемъ Грунѣ,
Сошьемъ Грунѣ сарафанъ, сарафанъ.
По-барскому растегай, растегай,
По-барскому, по-барскому растегай.

Носи, Груня, носи, Груня,
Носи, Груня, не марай, не марай.
По праздничкамъ, по праздничкамъ,
По праздничкамъ надѣвай, надѣвай.

За лавочку, за лавочку,
За лавочку не кидай, не кидай.
За лавочкой, за лавочкой,
За лавочкой тараканъ, тараканъ.

Изгрызъ Грунѣ, изгрызъ Грунѣ,
Изгрызъ Грунѣ сарафанъ, сарафанъ;
Всѣ петельки, всѣ петельки,
Всѣ петельки изжевалъ, изжевалъ;
А пуговки, а пуговки,
А пуговки поглоталъ, поглоталъ.

Привѣтъ Москвѣ.

(Слова графа Соллогуба. Музыка Деккеръ-Шенка).

Вдали тебя я обездоленъ,
Москва, Москва, родимая земля,
Гдѣ блещетъ въ массѣ колоколенъ
Величье русскаго Кремля.
Мѣста для сердца дорогія,
Живете вы въ моей душѣ,
Не даромъ дышетъ вся Россія
Дыханьемъ матушки Москвы,
Дыханьемъ матушки Москвы.

Ахъ! ахъ! ахъ! ахъ! Москва, Москва,
Москва, золотая голова!
Ахъ, Москва, Москва, Москва... Бѣлокаменная!

Въ Москвѣ вездѣ найдешь забаву
По вкусу русской старины:
Тамъ калачи пекутъ на славу,
Ѣдятъ горячіе блины.

Тамъ зеленѣютъ пышно парки,
Повсюду встрѣтится пріютъ,
Гдѣ на ухо, прося подарки,
Цыганки смуглыя поютъ,
Цыганки смуглыя поютъ.

Ахъ! ахъ! ахъ! ахъ! Москва, Москва,
Москва, золотая голова!
Ахъ! Москва, Москва, Москва... Бѣло-
каменная!

Москва хранитъ святую вѣру,
Въ Москвѣ стоятъ монастыри,
Въ Москвѣ кутится черезъ мѣру
Отъ ранней ночи до зари.

И нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ краше
Московскихъ женщинъ и дѣвицъ,
Вотъ почему на счастье наше
Москва столица изъ столицъ,
Москва столица изъ столицъ!

Ахъ! ахъ! ахъ! ахъ! Москва, Москва,
Москва, золотая голова!
Ахъ! Москва, Москва, Москва... Бѣло-
каменная!

ОТДѢЛЪ ПѢСЕНЪ

ТАТАРСКИХЪ, ГРУЗИНСКИХЪ, ЧЕРКЕССКИХЪ, ЕВРЕЙСКИХЪ, ЦЫГАНСКИХЪ И ДРУГИХЪ.

Пѣсня цыганки.

Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ;
Искры гаснутъ на лету...
Ночью насъ никто не встрѣтитъ:
Мы простимся на мосту.
Ночь пройдетъ—и спозаранокъ
Въ степь далеко, милый мой,
Я уйду съ толпой цыганокъ
За кибиткой кочевой.
На прощанье шаль съ каймою
Ты на мнѣ увломъ стяни!
Какъ концы ея, съ тобою
Мы сходились въ эти дни.
Кто-то мнѣ судьбу предскажетъ?
Кто-то завтра, соколъ мой,
На груди моей развяжетъ
Узелъ, стянутый тобой?
Вспомни же, когда другая,
Друга милаго любя,
Будетъ пѣсни пѣть, играя

На колѣняхъ у тебя!
Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ;
Искры гаснутъ на лету....
Ночью насъ никто не встрѣтитъ:
Мы простимся на мосту.

Татарская пѣсня.

Онъ у каменной башни стоялъ подъ стѣной;
И я помню, на немъ былъ кафтанъ дорогой,
И мелькала подъ краснымъ сукномъ
Голубая рубашка на немъ.
Презирайте за то, что его я люблю!
Злые люди, грозите судомъ—
Я суда не боюсь и вины не таю!
Не бросай въ меня каменьями!
Я и такъ ужъ ранена...
Весь народъ ходитъ въ праздничныхъ одѣяніяхъ,
Я одна лишь въ траурѣ!
Золотая граната растетъ надъ стѣной;
Всѣхъ плодовъ не достать никакою рукой;
Всѣхъ красивыхъ мужчинъ для чего
Стала бъ привораживать! но
Пріютила бъ я къ сердцу, во мракѣ ночей,

Приголубила бъ только его —
И ужъ больше любви мнѣ не нужно ничьей!
Не бросай въ меня каменьями!..
Я и такъ ужъ ранена...

Разлучили, сгубили насъ горы, холмы
Эриванскіе! вѣчно холодной зимы
Вѣчнымъ снѣгомъ покрыты они!
Говорятъ, на чужой сторонѣ
Дѣвы Грузіи, блескомъ своей красоты,
Увлекаютъ сердца... Обо мнѣ
Въ той странѣ, милый мой, не забудешь ли ты?
Не бросай въ меня каменьями!..
Я и такъ ужъ ранена...

Говорятъ, злая вѣсть намъ оттуда пришла:
За горами кровавая битва была;
Тамъ засада была... Говорятъ,
Будто нашихъ сарбаровъ отрядъ
Истребленъ ненавистной измѣною... Чу!
Кто-то скачетъ... копыто стучитъ...
Пыль столбомъ... я дрожу и молитву шепчу...
Не бросай въ меня каменьями!..
Я и такъ ужъ ранена...

Грузинская пѣсня.

Всякій разъ, какъ подъ бурной порою ночной
Безпробудно я сплю до звѣзды заревой,
Три видѣнія райскихъ слетаютъ ко мнѣ,
Три красавицы чудныхъ я вижу во снѣ.
Какъ у первой красавицы очи блестятъ,
Такъ и звѣзды во мракѣ ночномъ не горятъ.
У второй, какъ подниметъ рѣсницы свои,
Очи зорко глядятъ, какъ глаза у змѣи.
Никогда не была ночь въ горахъ такъ темна,
Какъ у третьей темна черныхъ глазъ глубина.
И когда на зарѣ улетаетъ мой сонъ,
Не вставая глажу я въ пустой небосклонъ,
Все глажу да все думаю молча о томъ:
Кабы деньги, да деньги, построилъ бы домъ!
Окружилъ бы его я высокой стѣной,
Заключилъ бы я въ немъ трехъ красавицъ со мной —
Отъ утра до утра имъ бы пѣсни я пѣлъ,
Отъ зари до зари имъ бы въ очи глядѣлъ.

Черногорская пѣсня.

Вчера къ развалинамъ, вдоль этого ущелья,
Скакали всадники, и были зажжены
Костры, и до утра былъ слышенъ гулъ веселья,
Пальба и барабанъ, и вой зурны.
Изъ устъ въ уста ходила азарнеша,
И хлопали въ ладоши сотни рукъ,
Когда ты шла, Майко, сердца и взоры тѣша,
Плясать по выбору застѣнчивыхъ подругъ.
Сегодня вновь безлюдное ущелье
Глядитъ пустыней, мирная пальба
Затихла, выспалось похмелье,
И съѣхала съ горы послѣдняя арба!
Не все же праздновать! веселый пиръ народный
Прошелъ, какъ сонъ... Такъ нѣкогда любовь
Моя прошла, пылъ сердца благородный
Простылъ давно—простылъ, но не простыла кровь!
Какъ послѣ праздника въ глоткѣ вина отраду
Находитъ иногда гулякa удалой,
Такъ радъ я былъ внимательному взгляду

Моей Майко, плясуньи молодой!
Что жъ медлю я?.. Вичо—ты конюхъ мой
проворный,
Коня!!—ея арбу два буйвола съ трудомъ
Везутъ.—Догонимъ... Воинъ играетъ вѣ-
теръ горный
Катибы бархатной пунцовымъ рукавомъ.

Черкесская пѣсня.

Много дѣвъ у насъ въ горахъ,
Ночь и звѣзды въ ихъ очахъ,
Съ ними жить—завидна доля,
Но еще милѣе воля!

Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня.

Кто жениться захотѣлъ,
Тотъ избралъ худой удѣлъ.
Въ шумный бой онъ не поскачетъ:
Отчего?—жена заплачетъ!

Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня!

Не изменитъ добрый конь,
Съ нимъ—и въ воду, и въ огонь,
Онъ, какъ вихрь въ степи широкой,
Съ нимъ все близко, что далеко!

Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня!

Старый сазандаръ.

(Пѣвецъ).

Земли, полуднемъ раскаленной,
Не освѣжила ночи мгла,
Заснулъ Тифлисъ многобалконный;
Гора темна, луна тепла...
Кура шумитъ, толкаясь въ темный
Обрывъ скалы живой волной...
На той скалѣ есть домикъ скромный,
Съ крыльцомъ надъ самой крутизной.
Тамъ, никого не потревожа,
Я разостлать могу коверъ,
Тамъ, цѣлый день, спокойно лежа,
Я бъ могъ смотрѣть на цѣпи горъ:
Горъ не видать—вся даль одѣта
Лиловой мглой; лишь мостъ виситъ,
Чернѣетъ башня минарета,

Да тополь въ воздухѣ дрожитъ.
Хозяинъ мой хоть брови хмуритъ,
А право радъ, что я въ гостяхъ...
Я все молчу, а онъ все куритъ,
На лобъ надвинувши папахъ.
Усы сѣдые, взглядъ сердитый,
Суровый видъ; но пѣсенъ жаръ
Еще таитъ въ груди разбитой
Мой престарѣлый Сазандаръ.
Когда мнѣ сердце грусть снимаетъ,
И я зайду къ нему, бродя
Въ часъ поздней ночи—онъ снимаетъ
Чунгури *) пыльную съ гвоздя.
И мѣдныхъ струнъ перстомъ касаясь,
Поетъ, какъ будто пѣснь его
Способна, дико оживляясь,
Касаться сердца моего!
Поетъ: «Молись, чтобъ духъ твой крѣпнулъ;
Не плачь; пока весь этотъ міръ
И не оглохъ и не ослѣпнулъ,
Ты званый гость на Божій пиръ.
Пока у насъ довольно хлѣба
И есть еще кувшинъ вина,
Не раздражай слезами неба
И знай, тоска твоя грѣшна.
Гляди—еще цѣла за нами
Та сакля, гдѣ тому назадъ

*) Чунгури—музыкальный инструментъ.

Полвѣка, жадными глазами
Ловилъ я сердцу милый взглядъ.
Тогда мнѣ міръ казался тѣсенъ;
Я умиралъ, когда не могъ
На праздникѣ, во имя пѣсенъ,
Переступить ея порогъ.
Вотъ съ этой старою чунгури
При ней, бывало, на дворѣ
Я пѣлъ, какъ птица послѣ бури
Хвалебный гимнъ поетъ зарѣ.
Теперь я старъ, она—далеко,
И гдѣ? не вѣдаю; но вѣрь,
Что дальше той, о комъ глубоко
Ты, можетъ быть, грустишь теперь...
Твое мученье—за горами,
Твоя любовь—въ родномъ краю,
Моя—надъ этими звѣздами,
У Бога ждетъ меня въ раю!»
И вновь молчитъ старикъ угрюмый;
Облокотясь на край ковра,
Онъ тихо внемлетъ съ важной думой,
Какъ подъ горой шумитъ Кура.
Ему былое время снится...
А мнѣ?.. Я не скажу ему,
Что сердце гостя не стремится
За эти горы ни къ кому;
Что мнѣ въ огромномъ этомъ мірѣ
Не весело; что, можетъ быть,
Я лишній гость на этомъ пирѣ,
Гдѣ собрались пить и ѣсть.

Да тополь въ воздухѣ дрожитъ.
Хозяинъ мой хоть брови хмуритъ,
А право радъ, что я въ гостяхъ...
Я все молчу, а онъ все куритъ,
На лобъ надвинувши папахъ.
Усы сѣдые, взглядъ сердитый,
Суровый видъ; но пѣсенъ жаръ
Еще таитъ въ груди разбитой
Мой престарѣлый Сазандаръ.
Когда мнѣ сердце грусть снимаетъ,
И я зайду къ нему, бродя
Въ часъ поздней ночи—онъ снимаетъ
Чунгури *) пыльную съ гвоздя.
И мѣдныхъ струнъ перстомъ касаясь,
Поетъ, какъ будто пѣснь его
Способна, дико оживляясь,
Касаться сердца моего!
Поетъ: «Молись, чтобъ духъ твой крѣпнулъ;
Не плачь; пока весь этотъ міръ
И не оглохъ и не ослѣпнулъ,
Ты званый гость на Божій пиръ.
Пока у насъ довольно хлѣба
И есть еще кувшинъ вина,
Не раздражай слезами неба
И знай, тоска твоя грѣшна.
Гляди—еще цѣла за нами
Та сакля, гдѣ тому назадъ

*) Чунгури—музыкальный инструментъ.

Полвѣка, жадными глазами
Ловилъ я сердцу милый взглядъ.
Тогда мнѣ міръ казался тѣсенъ;
Я умиралъ, когда не могъ
На праздникѣ, во имя пѣсенъ,
Переступить ея порогъ.
Отъ съ этой старою чунгури
При ней, бывало, на дворѣ
Пѣлъ, какъ птица послѣ бури
Хвалебный гимнъ поетъ зарѣ.
Теперь я старъ, она—далеко,
И гдѣ? не вѣдаю; но вѣрь,
Что дальше той, о комъ глубоко
Ты, можетъ быть, грустишь теперь...
Твое мученье—за горами,
Твоя любовь—въ родномъ краю,
Моя—надъ этими звѣздами,
У Бога ждетъ меня въ раю!»
И вновь молчитъ старикъ угрюмый;
Облокотясь на край ковра,
Онъ тихо внемлетъ съ важной думой,
Какъ подъ горой шумитъ Кура.
Ему былое время снится...
А мнѣ?.. Я не скажу ему,
Что сердце гостя не стремится
За эти горы ни къ кому;
Что мнѣ въ огромномъ этомъ мірѣ
Не весело; что, можетъ быть,
Я лишній гость на этомъ пирѣ,
Гдѣ собрались пить и ѣсть.

Бримбирю!
Бримбишъ, мердишъ!
Хорде, хордоша!
Нутка, верьюхрю!
Ахъ, нутка, верьюхрю!

Миленькій дружочекъ,
Сдѣлай мнѣ валечекъ.

Бримбирю!
Бримбишъ, мердишъ!
Хорде, хордоша!
Нутка, верьюхрю!
Ахъ, нутка, верьюхрю!

Дѣвица милая,
Напой моего коня.

Бримбирю!
Бримбишъ, мердишъ!
Хорде, хордоша!
Нутка, верьюхрю!
Ахъ, нутка, верьюхрю!

Среди синя моря,
На камушкѣ стоя.

Бримбирю!
Бримбишъ, мердишъ!
Хорде, хордоша!
Нутка, верьюхрю!
Ахъ, нутка, верьюхрю!

* * *

Я цыганка молодая,
Я цыганка не простая,—
Знаю ворожить (2 раза).

Положи-ка мнѣ на ручку,
Положи-ка денегъ кучку,
Всю правду скажу (2 раза).

Все, что было, я узнаю,
И что будетъ, угадаю,
Ни въ чемъ не солгу (2 раза).

Если что съ тобой случится,
Или горе приключится,
Посылай за мной (2 раза).

А теперь прощай, дружочекъ,
Ты, мой сивый голубочекъ,
Мнѣ пора домой (2 раза).

* * *

Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ,
Но счастливѣй, веселѣй
Всѣхъ вельможъ могучихъ.

Наши дѣды и отцы
Намъ примѣромъ служатъ,
А цыгане-молодцы
Ни о чемъ не тужатъ.

Гей, цыгане! Гей, цыганки!
Живо, веселѣй! (2 раза).

Мы на горе не глядимъ,
Все съ весельемъ сносимъ;
Хоть по суткамъ не ѣдимъ,
Но не жнемъ, не косимъ.

Вмѣстѣ съ солнцемъ не встаемъ
Для дневной работы,
Лишь проснемся—и поемъ,
Нѣтъ у насъ заботы!

Гей, цыгане! Гей, цыганки!
Живо, веселѣй! (2 раза).

У цыгановъ круглый годъ
Праздникъ—новоселье;
Имъ покровъ—небесный сводъ,
А земля—постеля.

Зимній холодъ—не бѣда,—
Вкругъ огня запѣли,
И не страшны намъ тогда
Вьюги и мятели.

Гей, цыгане! Гей, цыганки!
Живо, веселѣй! (2 раза).

* * *

Я цыганъ, удалецъ молодецъ,
Не крестьянинъ и не баринъ, и не баринъ, ни купецъ!
Эхъ-ма! Поди прочь! Поди прочь! Берегись,
Скинь-ка шапку, скинь-ка шапку да пониже поклонись!
У меня есть за пазухой мѣшокъ не пустой,
А въ конюшнѣ вихорь-конь, вихорь-конь вороной!
Эхъ-ма! Поди прочь! Поди прочь! и пр.
У меня въ свѣтлицѣ есть красавица-жена,
А на печкѣ дома теща, дома теща-сатана!
Эхъ-ма!.. и проч.
Какъ на денежки по волѣ хорошо повеселюсь,
На конѣ я въ степь далеко, въ степь далеко унесусь!
Эхъ-ма! Поди прочь! и проч.
Я красавицу-жену поцѣлую, обойму,
А тещу-сатану я въ дубраву прогоню.

Цыганская.

Что это сдѣлалось, не понимаю я.
Всѣ цыгане по родству одна семья:

Саша, Маша, Таня, Ваня, вся родня
И Алена, и Матрена, и Илья.

Вы подарочки дарите лишь одной,
А цыганочки все дѣлить межъ собой:

Саша, Маша, Таня, Ваня, вся родня
Алена, и Матрена, и Илья.

Чтобъ цыганочкѣ на милаго взглянуть,
Таборъ надобно провесть и обмануть:

Сашу, Машу, Таню, Ваню, всю родню
И Алену, и Матрену, и Илью.

* * *

Ужъ какъ палъ туманъ на синее море,
Пребольшой густой туманъ,
Залегло на сердце горе,
Не приходитъ мой цыганъ!

Охъ, охъ, охъ-хо-хо!
Не приходитъ мой цыганъ!..
И на утро солнце красно
Снова на небо взойдетъ,
Снова въ небѣ будетъ ясно,
А цыганъ мой не придетъ!..
Охъ, охъ, охъ-хо-хо!
А цыганъ мой не придетъ.

Утѣшеніе.

(Грузинская пѣсня).

Не плачь, не плачь, мое дитя;
Не стоитъ онъ безумной муки;
Вѣрь, онъ ласкалъ тебя шутя,
Вѣрь, онъ любилъ тебя отъ скуки ..

И мало ль въ Грузіи у насъ
Прекрасныхъ юношей найдется?
Быстрѣй огонь ихъ черныхъ глазъ
И черный усъ ихъ лучше вьется.

Изъ дальней, чуждой стороны
Онъ къ намъ заброшенъ былъ судьбою.
Онъ ищетъ славы и войны
И что жъ онъ могъ найти съ тобою?

Ахъ, потерялъ онъ всю воронова.
Изругала я муженька плохо.

Я думала, думала,
Я гадала, гадала. } 2 раза.

Муженекъ мой да поразсердился,
Въ русу косыньку мою вцѣпился.

Я думала, думала,
Я гадала, гадала. } 2 раза.

Охъ, ты, береза, ты, моя сѣрена!
Охъ, кудрявая моя береза!

Я думала, думала,
Я гадала, гадала. } 2 раза.

Мужъ, потерявши добрую лошадку,
Съ пьяныхъ глазъ пошелъ еще въ присядку.

Я думала, думала,
Я гадала, гадала. } 2 раза.

На пути верхомъ мой муженечекъ
На базаръ поѣхалъ мой дружечекъ.

Я думала, думала,
Я гадала, гадала. } 2 раза.

Рекрутъ.

Деревенски мужики,—
Они просто дураки.

Невѣжи, калина!
Вотъ и малина!

В ей деревней заревутъ:
Ваньку въ рекруты везутъ,

Плачутъ, калина!
Вотъ и малина!

Тутъ прощай и братъ, и сватъ,
Гришка, Сидоръ и Кондратъ,

Родные, калина!
Вотъ и малина!

Полно плакать и тужить:
Не одинъ будешь служить,

Съ народомъ, калина!
Вотъ и малина!

Служитъ Фомка, служитъ Власъ,
Наберется много насъ,

Солдатовъ, калина!
Вотъ и малина!

Какъ на горкѣ, на крутой,
Постоялый дворъ худой,

Некрытый, калина!
Вотъ и малина!

Постоялый дворъ худой,
Постоялецъ молодой,

Нашъ Ванька, калина!
Вотъ и малина!

Лежитъ Ванька на боку,
Куритъ трубку табаку,

Махорку, калина!
Вотъ и малина!

А старуха, лепетуха,
Не взлюбила того духа,

Дыму, калина!
Вотъ и малина!

Вотъ старуха собралась,
Къ капитану поплелась,

Съ просьбой, калина!
Вотъ и малина!

Ты, поручикъ, нашъ голубчикъ,
Разбери наши дѣла

Не важныя! калина!
Вотъ и малина!

Капитанъ то разсудилъ,
На конюшню проводилъ

Старуху! калина!
Вотъ и малина!

На конюшню проводилъ,
Двѣсти розогъ закатилъ

Горячихъ! калина!
Вотъ и малина!

Стой, старуха, не сердись,
Съ постояльцемъ помирись,

Ты съ Ванькой! калина!
Вотъ и малина!

Не по братцѣ, не по родной сестрѣ,
А по душечкѣ, красной-дѣвицѣ.
Перепали ли ему вѣсточки:

Красна дѣвица немощна лежитъ;
Послѣ вѣсточки скоро грамотка:
Красна-дѣвица умъ преставилась.

«Я пойду теперь на конюшій дворъ,
Я возьму коня что ни лучшаго,
Я поѣду ли къ церкви Божіей,

Привяжу коня къ колоколенкѣ,
Самъ ударюсь о сыру землю:
Разступися ты, мать-сыра земля,

И раскройся ты, гробова доска
Развернись ты, золота парча,
Пробудися ты, красна дѣвица,

Ты простись со мной, добрымъ молодцомъ,
Съ добрымъ молодцомъ, со милымъ другомъ,
Съ твоимъ вѣрнымъ полюбовникомъ».

Конь.

Свѣтлолица, черноброва,
Веселѣе бѣла дня,
Водитъ дѣвица ликова,
Неоцѣннаго коня;

Гладитъ гриву воронова
И въ глаза ему глядитъ,
«Я коня ещё такова
Не видала!» говоритъ.

«Чай, коня и всадникъ стоитъ...
Только онъ тебя наврядъ
Вдоволь холитъ и поитъ.
Что онъ—холостъ аль женатъ?»

Конь мотаетъ головою,
Бьетъ ногою, говоритъ:
«Холостъ, только за душою
Думу крѣпкую таитъ.

«Онъ со мною, стороною,
Заговаривалъ не разъ—
Не послать ли за тобою
Добрыхъ сватовъ, въ добрый часъ»...

А она въ отвѣтъ, краснѣя:
«Я для добраго коня
Стала бъ сыпать, не жалѣя,
Полны ясли ячменя;

«Стала бъ розовыя ленты
Въ гриву черную вплетать,
На попону позументы
Съ бахромою нашивать!

«Въ вѣчной холѣ, безъ печали
Мы бы зажили съ тобой...
Только бъ сватовъ посылали
Поскорѣе вы за мной».

Дорожка.

Всю-то, всю мою дорожку
Раннимъ снѣгомъ занесло!
Было время золотое,
Да какъ сонъ оно прошло.

Было время—и блистало
Солнце въ яркой синевѣ,
И цвѣтовъ пестрѣло много
Въ зеленѣющей травѣ.

Шумомъ радостнымъ шумѣли
Безконечные лѣса...
И звенѣли въ темной чащѣ
Вольныхъ птичекъ голоса.

И рѣка спокойно въ морѣ
Волны чистыя несла,
И дрожащимъ въ этихъ волнахъ
Звѣздамъ не было числа.

Но разнесъ осенній вѣтеръ
Пожелтѣвшіе листы,
И подъ холодомъ поникли
Запоздалые цвѣты...

Улетѣли въ край далекій,
Подъ иныя небеса,
Птичьи вольныя, покинувъ
Обнаженные лѣса!

И въ волнахъ рѣки шумящихъ
Не лазурный чистый сводъ,
Не безчисленныя звѣзды,—
Тучи смотрятся съ высотъ...

Было время—молодое
Сердце билося въ груди;
Жизнь—и счастье, и свободу
Обѣщало впереди!

Божій міръ казался тѣсенъ
Для могучихъ юныхъ силъ;
Какъ орелъ ширококрылый,
Въ безпредѣльномъ духъ парилъ!

Жажда подвиговъ высокихъ
Волновала смѣлый умъ;
Много въ сердцѣ было страсти,
Въ головѣ—кипучихъ думъ!

Жизнь! зачѣмъ же обѣщаній
Не сдержала ты своихъ,
И зачѣмъ не пощадила
Упованій молодыхъ?

Сгибло все: надежды, силы...
Какъ ненастною порой
Зеленѣющіе всходы
Предъ дыханьемъ бури злой.

Было время золотое,
Да какъ сонъ оно прошло!
Всю то, всю мою дорожку
Раннимъ снѣгомъ занесло!

Толокно.

Три дня хлѣба не пекла,
Печку не топила,—
Мужа съ ранняго утра
Въ городъ проводила.

Два лукошка толокна
Продала сосѣду,
Накупила я вина,
Созвала бесѣду.

Все кутила я, пила,
Напилась, свалилась,
Въ это время тихо дверь
Въ избу отворилась.

Входитъ мой большакъ сѣдой,
Злой онъ, истомленный.
Дѣти съ голоду кричатъ
Въ хатѣ нетопленой.

Поглядѣлъ онъ на меня,
Покосился съ гнѣвомъ
И давай меня стегать
Плеткою, съ припѣвомъ:

«Какъ на улицѣ морозъ,
Въ хатѣ нетоплено,
Нѣтъ въ лукошкахъ толокна,
Хлѣбо не печено.

У сосѣда толокно
Дѣтушка хлебаютъ;
Отчего же у тебя
Забнутъ, голодаютъ?

О тебя, моя душа,
Изобью всю плетку,—
Не мѣняй ты никогда
Толокно на водку!»

Ужъ стегалъ меня, стегалъ,
Да, знать, стало жалко,—
Бросилъ въ уголъ свою плеть
Да схватилъ онъ палку.

Раза два перекрестилъ,
Плюнулъ злобно на полъ,—
Поглядѣлъ онъ на дѣтей,—
Да и самъ заплакалъ.

Охъ, мнѣ это толокно—
Дорого досталось!
Двѣ недѣли на бокахъ,
Охая, валялась!

Охъ, болитъ моя спина,
Голова кружится,
Лягу спать, а толокно
И во снѣ мнѣ снится!

И в у ш к а.

Ивушка, ивушка, зеленая моя,
Что же ты, ивушка, не зелена стоишь?
Или тебя, ивушка, солнышкомъ печетъ,
Солнышкомъ печетъ, частымъ дождичкомъ сѣчетъ,
Подъ самый корешокъ ключева вода течетъ?

Ѣхали бояре изъ Нова-города;
Срубили ивушку подъ самый корешокъ,
Сдѣлали изъ ивушки два весла,
Два весла, третью лодочку;
Сѣли они на лодочку, поѣхали домой,
Взяли, подхватили красну-дѣвицу съ собой;
Стали они дѣвицу выспрашивати:
—Дѣвица, дѣвица, красавица моя!
Что же ты, дѣвица, не весело сидишь?
Или ты, красная, думаешь о чемъ?
— Какъ же мнѣ, красной, не задумываться!
Что это у батюшки выдумано,
У родимой матушки выгадано?
Меньшую сестру прежде замужъ отдаютъ;
Меньшая сестра чѣмъ же лучше меня,
Лучше меня или вѣжливѣе?
Меньшая сестра, вѣдь, ни ткать, ни прясть,
Только по воду ходить, съ горы ведра катить.
Качу я, покачу съ горы ведра.
Станьте вы, ведерочки, полными-полны,
Полными-полны, съ краями ровны.

Выборъ жены.

Не женись на умницѣ,
На лихой бѣдѣ;
Не женись на вдовушкѣ,
На чужой женѣ.

Женишься на вдовушкѣ—
Старый мужъ придетъ;
Женишься на умницѣ—
Голову свернетъ.

Не женись на золотѣ,
Тестюномъ добрѣ;
Не женись на почестяхъ—
Женниной роднѣ.

Женишься на золотѣ—
Самъ продашь себя;
Женишься на почестяхъ—
Пропадай жена!

Много пѣвчихъ пташечекъ
Въ Волынскихъ лѣсахъ,
Много красныхъ дѣвушекъ
Въ царскихъ городахъ

Загоняй соловушку
Въ клѣточку свою,
Выбирай изъ дѣвушекъ
Пташечку жену.

Хорошо тому.

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣтъ стыда въ глазахъ,
Нѣтъ стыда въ глазахъ, ни совѣсти;
Нѣтъ у молодца заботушки,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки;
Зазнобилъ меня сердечный другъ,
Зазнобилъ, сердце высушилъ;
Безъ краснаго солнца высушилъ,
Безъ морозу сердце вызнобилъ.
Я сама дружка повысушу
Не зельями, не кореньями;
Безъ мороза сердце вызнобю,
Безъ краснаго солнца высушу;
Схороню тебя, мой миленькій,
Въ зеленомъ саду, подъ грушею;
Я сама сяду, послушаю:
Не стонетъ ли мать-сыра земля?
Не вскрывается ли гробова доска?
Не встаетъ ли мой сердечный другъ? —
Зарости, моя могилушка,
Ты травушкой-муравушкой,
Не достанься, мой любезный другъ,
Ни дѣвушкамъ, ни молодушкамъ,
Ни своей змѣѣ-полюбовницѣ!
Ты достанься, мой любезный другъ,
Сырой землѣ, гробовой доскѣ!

Дороженька.

Не одна въ полѣ дороженька,
Въ полѣ пролегала,
Частымъ ельничкомъ, березничкомъ
Вѣлымъ заростала.
Какъ нельзя-то мнѣ къ сударушкѣ,—
Нельзя въ гости ѣхать:
Хоть задумалъ бы къ старушкѣ
Къ своей въ гости ѣхать;
Хоть поѣду я къ сударушкѣ—
Къ милой не доѣду;
Хоть доѣду я къ сударушкѣ,
Всю ночь протоскую.
Я спрошу свою сударушку,
Спрошу про здоровье:
Ты здорова ли, сударушка,
Какъ живешь ты, можешь?

Во полѣ береза.

Во полѣ береза стояла,
Во полѣ кудрявая стояла.
Ахъ, люли, люли, стояла!

Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати.
Ахъ, люли, люли, заломати!

Какъ пойду я, погуляю,
Бѣлую березу заломаю!
Ахъ, люли, люли, заломаю!

Срѣжу съ березы три пруточка,
Сдѣлаю я три гудочка.
Ахъ, люли, люли, три гудочка!

Четвертую балалайку.
Ужъ вы, гудки, не гудите!
Ахъ, люли, люли, не гудите!

Ужъ вы, гудки, не гудите,
Стараго мужа не будите!
Ахъ, люли, люли, не будите!

Старый мужъ спитъ съ похмелья,
Съ великаго перепою.
Ахъ, люли, люли, перепою!

Выйду я на новыя сѣни,
Стану я стараго будити!
Ахъ, люли, люли, будити!

Встань, мой старый, пробудися,
Вотъ тебѣ помои—похмелися!
Ахъ, люли, люли, похмелися!

Вотъ тебѣ водицы, ты умойся!
Вотъ тебѣ онуча, ты утрися!
Ахъ, люли, люли, утрися!

Вотъ тебѣ лопата, поклонися!
Вотъ тебѣ камень, подавися!
Ахъ, люли, люли, подавися!

Веселая голова.

Веселая голова,
Не ходи мимо сада,
Дороженьки не тори,
Худой славы не клади:
Отцу, матери безчестье,
Роду племени покоръ,
Мнѣ головушку долой;
Мнѣ нельзя придти домой
Сказать матушкѣ родной.
Скажу такъ, скажу сякъ,
Скажу эдакъ и вотъ такъ.
Скажу: въ садикѣ была,
Въ зеленомъ гуляла,
Сладки яблочки рвала,
Все наливчаты
И разсыпчаты;
Я на блюдечко ихъ клала,

На серебряное,
Ко милому относила
Во высокій теремокъ.
Яблокъ онъ не принимаетъ,
Ничего не говоритъ,
Не отказываетъ,
Не приказываетъ.
И я топнула ногой,
Сама съ терема домой;
Оставайся, чортъ съ тобой!
Не ломайся надо мной,
Надъ моей русой косой,
Надъ дѣвичьей красотой.
На ступенечку ступила—
Призадумалася;
На другую я ступила—
Образумилася;
А на третью я ступила—
Ворочусь млада назадъ,
Дружку выговорю,
Въ глаза выругаю:
— Ты послушай-ка, мой милый,
Погадай ты, негодяй!
Я за что тебя люблю,
За что жаловать хочу?
Я за то тебя люблю,
Что на ноженьку легокъ,
На босу ногу сапогъ,
Во полночь гулять готовъ.

Со восточной было со сторонки.

Со восточной было со сторонки,
Было со сторонки. (2 раза).
Дуняша не наша,
Чужая, Ванина;
Сама про то баила,
Чго я буду Ванина.

Что студенъ, холоденъ,
Вѣтерокъ наноситъ. (2 р.).
Дуняша не наша,
Чужая, Ванина;
Сама про то баила,
Что я буду Ванина.

Что уральскій-то казакъ
Тройку закладаетъ.
Дуняша не наша,
Чужая, Ванина;
Сама про то баила,
Что я буду Ванина.

Тройку закладаетъ,
Въ поле выѣзжаетъ.
Дуняша не наша,
Чужая, Ванина;
Сама про то баила,
Что я буду Ванина.

* * *

Что душу въ юности плѣнило,
Что сердце въ первый разъ
Такъ пламенно, такъ нѣжно полюбило
И полюбило не на часъ,—
То все я силюся предать забвенью,
И сердцу пылкому и страстному томленью
Хочу другую цѣль открыть,
Хочу другое также полюбить!
Напрасно все: тѣнь прежней милой
Нельзя забыть!
Уснешь—непостижимой силой
Она тихонько къ ложу льнетъ,
Печально руку мнѣ даетъ,
И сладкою мечтой вновь сердце очаруетъ,
И очи томныя къ моимъ очамъ прикуетъ!..
И вновь любви привѣтный гласъ
Я внемлю страждущей душою...
Когда жъ ударитъ часъ
Забвенья о тебѣ иль вѣчности съ тобою?..

* * *

Опять тоску, опять любовь
Въ моей душѣ ты заронила,
И прежнее, былое вновь
Привѣтнымъ взоромъ оживила.
Ахъ, для чего мнѣ пламенѣть
Любовью сердца безнадежной?
Мой кроткій ангелъ, другъ мой нѣжный,
Не мой удѣлъ тобой владѣть!
Но я любимъ, любимъ тобою!
О, для чего же намъ судьбою
Здѣсь не даны въ удѣлъ благой,
На зло надменности людской,
Иль счастье, иль одна могила!
Ты жизнь моя, моя ты сила!..
Горю огнемъ любви святымъ,
Довѣрься же хоть на мигъ моимъ
Объятіямъ! я не нарушу
Священныхъ клятвъ — ихъ грудь хранитъ,
И, вѣрь, страдальческую душу
Преступное не тяготитъ...

* * *

Я затеплю свѣчу
Воску ярова,
Распаяю кольцо
Друга милова.

Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распаляй, растопи
Чисто золото!

Безъ него, для меня
Ты не надобно;
Безъ него, на рукѣ—
Камень на сердцѣ.

Что взгляну, то вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горькимъ горемъ слезъ.

Возвратится ли онъ?
Или вѣсточкой
Оживитъ ли меня,
Безутѣшную?

Нѣтъ надежды въ душѣ!
Ты разсыпься же
Золотой слезой,
Память милова!

Невредимо, черно
На огнѣ кольцо,
И звенитъ по столу
Память вѣчную.

* * *

Жарко въ небѣ солнце лѣтнее,
Да не грѣетъ меня, молодца!
Сердце замерло отъ холода,
Отъ измѣны моей суженой.

Пала грусть-тоска тяжелая
На кручинную головушку;
Мучитъ душу мука смертная,
Вонъ изъ тѣла душа просится.

Я пошелъ къ людямъ за помочью:
Люди съ смѣхомъ отвернулися;
На могилу къ отцу, матери—
Не встаютъ они на голосъ мой.

Замутился свѣтъ въ глазахъ моихъ,
Я упалъ на траву безъ памяти...
Въ ночь глухую буря страшная
На могилѣ подняла меня...

Въ ночь, подъ бурей, я коня сѣдлалъ;
Безъ дороги въ путь отправился—
Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей перевѣдаться...

* * *

Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись:
«Не грусти, не плачь ты попусту,
Не печаль лица ты бѣлова,
Не гаси румянца алова.

Ты вѣдь знаешь, моя милая,
Что иду я не охотою,
Но судьба велитъ, нужда несетъ,
Отецъ силой проситъ дома жить.

Я пойду, скажу: «вотъ, батюшка,
Мой избытокъ весь возьми себѣ;
Но въ твоемъ дому родительскомъ
Не жилецъ я, не кормилецъ твой!

Не держи жъ, пусти, дай волюшку
Тамъ опять мнѣ жить, гдѣ хочется,
Безъ таланта гдѣ таланится,
Молодымъ кудрямъ счастливится...»

Говорилъ такъ другъ, прощаючись,
А въ душѣ его былъ замыселъ:
Не къ отцу идти—во иномъ селѣ
Замужъ взять вдову богатую...

Ну, Господь съ тобой, мой милый другъ!
Я за твой обманъ не сержуся...
Хоть и женишься—раскаешься,
Ко мнѣ, можетъ быть, воротишься.

На зарѣ туманной юности
Всей душой любилъ я милую;
Былъ у ней въ глазахъ небесный свѣтъ
На лицѣ горѣлъ любви огонь.

Что предъ ней ты, утро майское,
Ты, дубрэва-мать зеленая,
Степь-трава—парча шелковая,
Заря-вечеръ, ночь-волшебница!

Хороши вы—когда нѣтъ ея,
Когда съ вами дѣлишь грусть-тоску!
А при ней васъ—хоть бы не было;
Съ ней зима—весна, ночь—ясный день.

Не забыть мнѣ, какъ въ послѣдній разъ
Я сказалъ ей: «Прости, милая!
Такъ, знать, Богъ велѣлъ—разстанемся,
Но когда-нибудь увидимся...»

Вмигъ огнемъ лицо все вспыхнуло,
Бѣлымъ снѣгомъ перекрылося,—
И, рыдая, какъ безумная,
На груди моей повиснула.

«Не ходи, постой! дай время мнѣ
Задушить грусть, печаль выплакать,
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся духъ—слово замерло...

* * *

Не на радость, не на счастіе,
Знать, съ тобой мы, другъ мой, встрѣтились;
Знать, на горе горемычное
Такъ сжились мы, такъ слюбились.

Жилъ одинъ я, въ одиночествѣ:
Холостая жизнь наскучила;
Полюбилъ тебя, безродную:
Полюбивши—весь измучился.

Гдѣ ты, время, гдѣ ты, времячко,
Какъ одно я только думывалъ:
Гдѣ бы, какъ съ тобой увидѣться,
Однимъ словомъ перемолвиться.

Тогда было—иду, ѣду ли,
Ты всегда со мной, съ ума нейдешь
На грудь полную ручкой бѣлою
Ты во снѣ меня всю ночь зовешь...

А теперь другая думушка
Грызетъ сердце, крушитъ голову:
Какъ въ чужомъ углу съ тобой намъ жить,
Какъ свою казну трудомъ нажить?

Но куда умомъ ни кинуся—
Мои мысли врозь расходятся,
Черной тучей покрываются...

Погубить себя?—не хочется:
Разойтися!—нѣту волюшки!
Обмануть, своею бѣдностью
Красоту сгубить?—жаль до смерти!

* * *

Очи, очи голубыя
Мнѣ васъ болѣ не встрѣчать!
Дѣвы, дѣвы молодыя!
Вамъ меня ужъ не ласкать!

Побывали, унеслися
Дни моей златой весны,
Въ сердцѣ опытномъ слилися
Лишь отзывы старины.

Ахъ, на что же оживили
Предо мной мои мечты,—
Сердцу сладостныя были
Ласки юной красоты?

Мнѣ ль привѣтливымъ казаться,
Съ хладнымъ сердцемъ вновь любить?
Мнѣ ль надеждой обольщаться?
Безпробудно другъ мой спитъ...

* * *

Приди ко мнѣ, когда зефиръ
Колышетъ рощами лѣниво,
Когда и лугъ, и степь — весь міръ
Одѣнется въ покровъ сонливой.

Приди ко мнѣ, когда луна
Изъ облакъ въ облака ныряетъ,
Иль съ неба чистаго она
Такъ пышно воды озлащаетъ.

Приди ко мнѣ, когда весь я
Въ любовны думы погружаюсь,
Когда, красавица, тебя
Нетерпѣливо дожидаюсь.

Приди ко мнѣ, когда любовь
Восторги пылкіе рождаетъ,
Когда моя младая кровь
Кипитъ, волнуется, играетъ.

Приди ко мнѣ — вдвойнѣ съ тобой
Хочу я жизнью наслаждаться,
Хочу къ твоей груди младой
Со всею страстію прижаться.

* * *

Дайте бокалы!
Дайте вина!
Радость — мгновенье, —
Пейте до дна!

Громкія пѣсни
Гряньте, друзья!
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!

Нынѣ пируемъ —
Юность на часъ —
Нынче веселье,
Радость у насъ!

Завтра что будетъ,
Знаю ль, друзья?
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!

Шумно, разгульно
Пейте, друзья!
Лейте въ бокалы
Больше вина!

Ну-те жъ, все разомъ
Выпьемъ до дна!
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!

* * *

Я былъ у ней; она сказала:
Люблю тебя, мой милый другъ.
Но эту тайну отъ подругъ
Хранить мнѣ строго завѣщала.

Я былъ у ней; на прелесть злата
Клялась меня не промѣнять,
Ко мнѣ лишь страстію пылать,
Меня любить, любить какъ брата.

Я былъ у ней; я съ устъ небесной
Счастливое забвенье пилъ,
И все земное позабылъ
У дѣвичьей груди прелестной.

Я былъ у ней; я вѣчно буду
Съ ея душой душою жить;
Пускай она мнѣ измѣнитъ—
Но я измѣнникомъ не буду.

* * *

Лиза въ пяльцахъ что-то шила,
Я же думалъ: какъ мила!
Вдругъ иголку уронила
И, искавши, не нашла.

«Знать, иголочка пропала».
— Нѣтъ, вздохнувши я сказалъ,
Вотъ она куда попала!—
И на сердце указалъ.

Лиза съ смѣхомъ мнѣ сказала:
—«Не годится иглы красть!
Вѣдь она къ ногамъ упала,
Какъ же въ сердце ей попасть?»

— Что на свѣтѣ не бывало?
Безъ напасти кто жить могъ ?
Сердце вѣдь мое лежало
У твоихъ, Лизета, ногъ!

* * *

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноокую дѣвицу,
Черногриваго коня.

Я красавицу младую
Прежде сладко поцѣлую,
На коня потомъ вскочу,
Въ степь, какъ вихорь, полечу.

Но окно въ тюрьмѣ высоко,
Дверь тяжелая съ замкомъ,
Черноокая далеко
Въ пышномъ теремѣ своемъ.

Черный конь гуляетъ въ полѣ
Безъ узды одинъ по волѣ,
Ходитъ веселъ и игривъ,
Хвостъ по вѣтру распустивъ.

Одинокъ я, нѣтъ отрады:
Стѣны голыя кругомъ,
Тускло свѣтитъ лучъ лампады
Умирающимъ огнемъ.

Только слышно за дверями:
Тихо, мѣрными шагами,
Ходитъ въ темнотѣ ночной
Безпріютный часовой.

* * *

Брильянтовыя очи!
Что вы все сверкаете?
И во мракѣ тихой ночи
Блеска не скрываете?

Я не разъ
Изъ-за васъ

Мучилась, томилася!

И не разъ
Изъ-за васъ

Господу молилася!

Ахъ! зачѣмъ вы, очи рая,
Миръ души тревожите?
Сердцемъ вы моимъ играя,
Боли сердца множите?

Жарко мнѣ,
Я въ огнѣ!

Очи, очи страстныя!
Вы одни
Въ тишинѣ
Предо мной, прекрасныя!

Погасите блескъ опасный,
Сильныя, могучія!

Скройте взглядъ свой самовластный.
Чудныя и жгучія!

Не любить,
А сгубить
Вы меня сбираетесь!

Изсушить,
Сокрушить
Жизнь мою стараетесь!

Очи, очи, не шалите—
Иль бѣды дождетесь;
Съ пылкимъ сердцемъ не шутите—
Сами обожжетесь!..

* * *

Скажи мнѣ, зачѣмъ ты такъ смотришь
Такими большими глазами?
Скажи мнѣ, зачѣмъ ты такъ плачешь
И грудь надрываешь слезами?

Ты можешь рыдать, сколько хочешь,
И слезъ вѣдь надолго достанетъ,
Любовь преходящее чувство:
Потѣшитъ, помучитъ, обманетъ.

Зачѣмъ утѣшаться мечтою,
Не лучше ль разсудку повѣрить,
И то, что такъ бѣдно и мало,
Огромною мѣрой не мѣрить?

Теперь мы другъ друга такъ любимъ
И счастливы очень—такъ что же?
Мнѣ каждый твой взглядъ, каждый волосъ
Всѣхъ благъ, всѣхъ сокровищъ дороже.

Дороже! но, можетъ быть, завтра
На новую грудь припаду я
И въ томъ же и такъ же покаюсь
Подъ праздничный звукъ поцѣлуя.

* * *

Ахъ, чарка моя
Серебряная,
На золотомъ блюдѣ
Поставленная!

Кому тебя пить,
Кому подносить,
Друзьями ты, чарка,
Оставленная?

Въ забытьѣ стоишь,
Къ себѣ не манишь,
Вина зеленаго
Не налитая!

Бывала ли ты
Полнымъ дополна,
Какъ въ водополь рѣчка
Съ краями ровна?

Свѣтилася ли,
Честилася ли
Въ веселой бесѣдѣ
Въ запрошлые дни?

Ходила ль кругомъ,
Поила ль виномъ,
Пріятною рѣчью
Приправленная?

Знакомы ль тебѣ
Въ счастливой судьбѣ
Веселые взгляды
Ласкающіе?

Встрѣчалися ли,
Случалися ли
Пріятельски руки
Сжимающія?

Давно ли бѣдой
И злой чередой
Лежишь ты на блюдѣ
Спрокинутая—

Роями друзей
Къ печали моей,
Какъ улей пчелами,
Покинутая?

Не стало вина:
Забыта она...
Друзья отшатнутся
Отъ чистаго дна!

Спросись старины,
Коснись новизны,
Тамъ есть и бывало—
Быль съ сказкой сродни.

* * *

Блестя среди полей широкихъ,
Вонъ онъ льется!.. Здравствуй, Донъ
Отъ сыновъ твоихъ далекихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Какъ прославленнаго брата
Рѣки знаютъ тихій Донъ:
Отъ Аракса и Евфрата
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Отдохнувъ отъ злой погони,
Чуя родину свою,
Пьютъ уже донскіе кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Донъ завѣтный,
Для наѣздниковъ лихихъ
Сокъ кипучій, искрометный
Виноградниковъ твоихъ.

* * *

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальній.

Увы, напоминаютъ мнѣ
Твои жестокіе напѣвы

И степь, и ночь, и при лунѣ
Черты далекой, бѣдной дѣвы!

Я призракъ милый, роковой,
Тебя увидѣвъ, забываю;
Но ты поешь—и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальній.

* * *

По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ,
Во саду дорожка:
На нее бъ я все глядѣлъ,
Сидя, изъ окошка...

Тамъ съ кувшиномъ за водой
Маша проходила,
Томный взоръ потупивъ свой,
Со мной говорила.

«Маша, Маша! молвилъ я,
Будь моей сестрою!
Я люблю... Любимъ ли я,
Милая, тобою?»

Не забыть мнѣ никогда,
Какъ она глядѣла!
Какъ съ улыбкою любви
Весело краснѣла!

Не забыть мнѣ, какъ она
Сладко отвѣчала,
Изъ кувшина, въ забытьи,
Воду проливала...

Сплю и вижу все ея
Платье голубое,
Страстный взглядъ, косы кольцо,
Лентой обвитое.

Сладкій мигъ мой, возвратись!
Съ Дономъ я прощаюсь...
Ахъ, нигдѣ ужъ, никогда
Съ ней не повстрѣчаюсь!..

* * *

Ахъ, спасибо же тебѣ,
Синему кувшину:
Разгулялъ вѣдь ты мою
Горькую кручину!

Знаться мнѣ бъ давно съ кувшиномъ,
Горе бъ по вѣтру неслось,

Ретиваго бъ не сушило,
Въ русы кудри не ввилось.

Не ходить бы, не бродить
По бѣлому свѣту,
Не искать бы, не слѣдить
Ласкова привѣту.

Сидя около кувшина,
Я не вѣдалъ бы, не зналъ,
Что кругомъ я сиротина,
Будто съ облака упалъ!

Не сушить бы мнѣ очей
Горючей слезою,
Не дѣлить бы мнѣ ночей
Съ горемъ да съ тоскою.

И не горечь изъ кувшина,
Я бы сладкое тянулъ,
Что я бѣденъ, сиротина,
Мнѣ никто бы не шепнулъ.

Отчего же я часа
Ужъ не сдамся ласкамъ,
Не повѣрю я, краса,
И твоимъ ужъ глазкамъ?

Лишь у синяго кувшина
Буду радости просить,
Съ нимъ обнявшись, сиротина,
Буду ждать, какъ смерть скосить.

Ахъ, спасибо же тебѣ,
Сивому кувшину!
Разгулялъ вѣдь ты мою
Горькую кручину.

* * *

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Совсѣмъ сталъ не такой,
Какъ, бывало, холостой,
Холостому вотъ жениться
Все равно, что удавиться.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Сталъ не такой,
Какъ, бывало, холостой.
Какъ, бывало, холостой,

Въ людяхъ онъ все душкой вличетъ,
А какъ дома—въ морду тычетъ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Совсѣмъ сталъ не такой,
Какъ, бывало, холостой,
Какъ, бывало, холостой.

Прежде въ вальсѣ и мазуркѣ
Вымышлялъ свои фигурки.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Совсѣмъ сталъ не такой,
Какъ, бывало, холостой,
Какъ, бывало, холостой.

Онъ сидитъ, надувши губы,
Что ни скажетъ—все сквозь зубы.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Совсѣмъ сталъ не такой,
Какъ, бывало, холостой,
Какъ, бывало, холостой!

* * *

Я пойду, пойду косить
Во зеленый лугъ.
Ты, коса ль моя,
Коса острая,
Не тупися ты
О младу траву.

Не влюбляйся ты,
Сердце бѣдное,
Расшибися ты,
Горемычное,
Какъ коса моя,
О горѣлый пень!

Я пойду, пойду и проч.

Красны-дѣвицы
Перемѣнчивы,
Обѣщанья ихъ
Точно ласточка:
Навѣстятъ зимой
Да и скроются.

Я пойду, пойду и проч.

Такъ и дѣвицы
Намъ сулятъ любовь,
Съ ней и счастіе;
А оглянешься—
Въ черномъ облакѣ
Унеслося все.

Я пойду и проч.

Ахъ, намъ пѣснями
Не кормить коней;
За погодушку
Скосить лугъ скорѣй.
Тамъ пускай себѣ
Косы тупятся,
Добра молодца
Не уймете вы
Пѣсней жалобной;
Долго будетъ онъ
Поджидать милой
Въ ночь осеннюю.

Я пойду и проч.

* * *

Ай, вдоль по улицѣ добрый молодецъ
идетъ,
Ай, да вдоль по широконькой удаленькій,

Ой, жги, жги, говори!
По широконькой удаленькій.

Какъ на молодцѣ-то смуръ кафтанъ,
Опоясочка шелковенькая.

Ой, жги, жги, говори!
Опоясочка шелковенькая.

Рукавички-то барановыя,
А сапожки-то сафьяновые.

Ой, жги, жги, говори!
А сапожки-то сафьяновые.

На немъ шапочка-то бархатная,
А околышъ черна соболя.

Ой, жги, жги, говори!
А околышъ черна соболя.

Подъ полою несетъ дудочку,
Подъ другою несетъ гусельцы.

Ой, жги, жги, говори!
Подъ другою несетъ гусельцы.

Какъ запѣла, загудѣла то струна,
А дудочка выговаривала.

Ой, жги, жги, говори!
А дудочка выговаривала:

Пора молодцу-то жену себѣ взять,
Холостому-то жениться пора.

Ой, жги, жги, говори!
Холостому жениться пора.

Стару бабу за себя бы ему взять
Да ее на печи ему держать.

Ой, жги, жги, говори!
Старуху на печи держать.

Стару бабу киселемъ бы кормить
Да сытой ее напаивати.

Ой, жги, жги, говори!
Сытой стару напаивати.

Кабы бабѣ киселя, киселя,
Стала бъ баба весела, весела.

Ой, жги, жги, говори!
Стала бъ баба весела, весела.

Кабы бабѣ молока, молока,
Стала бъ баба молода, молода.

Ой, жги, жги, говори!
Стала бъ баба молода, молода.

Кабы бабѣ сапоги, сапоги!
Заплясала бъ баба въ три ноги.

Ой, жги, жги, говори!
Заплясала бъ она въ три ноги.

Затянула бъ баба пѣсенку
Тонкимъ, звонкимъ своимъ голосомъ.

Ой, жги, жги, говори!
Тонкимъ, звонкимъ своимъ голосомъ.

Ты любимая ли пѣсня моя,
Я любила очень въ дѣвицахъ тебя.

Ой, жги, жги, говори!
Я любила очень въ дѣвицахъ тебя.

Я любила тебя замужемъ,
На очахъ мово милова живучи.

Ой, жги, жги, говори!
На очахъ мово милова живучи.

* * *

Течетъ рѣчка по песочку,
Черезъ рѣчку--мостикъ;
Черезъ рѣку лежитъ дорожка
Къ сударушкѣ въ гости...

Ѣхать мостомъ—ѣхать мостомъ,
Аль водою плыти—

А нельзя, чтобъ у любезной
Въ гостяхъ мнѣ не быти.

Не поѣду же я мостомъ,
Поищу я броду,
Не пропустятъ злые люди
Славы по народу.

Худа слава—не забава,
Что въ ней за утѣха?
Не поѣду же я мостомъ,
Рѣчка—не помѣха.

* * *

За нашимъ за дворомъ,
За дворомъ, за дворомъ,
Росла травка шелкова,
Шелкова, шелкова,
Зеленая мурава,
Мурава, мурава.
По той травкѣ панья шла,
За паньею панъ идетъ,
Панъ идетъ, панъ идетъ;
Кричитъ: панья, ты моя,
Ты моя, ты моя!
А я, сударь, не твоя,
Государя батюшки,
Батюшки, батюшки,
Родимой я матушки,
Матушки, матушки!

* * *

На дворѣ лужокъ зеленешенекъ,
Ай, люли-люли, зеленешенекъ.
У меня дружокъ молодешенекъ!
Ай, люли-люли, молодешенекъ!
Мы пойдемъ съ дружкомъ, разметемъ лужокъ,
Ай, люли-люли, разметемъ лужокъ!
Разметемъ лужокъ, разведемъ кружокъ!
Ай, люли-люли, разведемъ кружокъ.
Милый съ гуслями, а я съ пѣснями!
Ай, люли-люли, а я съ пѣснями!
Не придутъ гусли противъ пѣсенокъ!
Ай, люли-люли, противъ пѣсенокъ!
Не придетъ свекоръ противъ батюшки!
Ай, люли-люли, противъ батюшки!

* * *

Волга, рѣченька глубока,
Прихожу къ тебѣ съ тоской,
Мой сердечный другъ далеко,
Ты бѣги къ нему волной.

Ты бѣги, быстрѣй стремися,
Къ другу рѣчь, волна, неси,

Какъ стрѣла, къ нему пустися
И словечко отнеси.

Ты скажи, какъ я страдаю,
Какъ я мучаюсь по немъ:
Говорю, сама рыдаю,
Слезы катятся ручьемъ.

Вспомни, милый, какъ прощался,
Я туда вдругъ побѣгу,
Гдѣ со мною разставался,
Плача тамъ на берегу.

Шумитъ вѣтеръ, Волга стонетъ,
А я рвуся злой тоской,
Сердце ноетъ, ноетъ, ноетъ
И твердитъ: гдѣ милый мой?

Гдѣ мой другъ, моя отрада,
Гдѣ дѣвался дорогой?
Жизни я тогда не рада,
Вся въ слезахъ иду домой.

Но къ несносному мученью,
Должна страсть свою скрывать;
Здѣсь предаться слезъ стремленью,
Дома видъ иной казать.

Какъ ни тошно, какъ ни больно,
Чтобъ не знали страсть мою,
Покажу лицо покойно,
За то ночь проплачу всю.

Ты лети ко мнѣ, любезный,
Ты почувствуй скорбь мою,
Токъ очей утри мой слезный,
Утѣшь милую свою.

Только я уста сомкнула,
Стонъ пустился вслѣдъ за мной;
Мнится, рѣченька вздохнула,
Понесла слова волной.

* * *

Эй, ухнемъ! Эй, ухнемъ!
Еще разикъ, еще разъ!

Эй, ухнемъ! Эй, ухнемъ!
Еще разикъ, еще разъ!

Разовьемъ мы березу,
Разовьемъ мы кудряву.

Ай, да! ай, да! ай, да! ай, да!
Разовьемъ мы кудряву.
Эй, ухнемъ! Эй, ухнемъ! и проч.

* * *

Всѣ я глазки проглядѣла,
Дружка дожидавши,
И головка моя заболѣла,
Ноченьку не спавши...

Распрощался мой любезный,
Сказалъ: ворочуся...
Знать, меня онъ обездолилъ,
Его не дождуся!

Онъ на дальней на сторонкѣ
Полюбилъ иную,
Онъ не вѣдаетъ, не знаетъ,
Какъ по немъ тоскую.

Я тоскую, убиваюсь,
Слезы проливаю,
И ничѣмъ не утѣшаюсь,
Дружка ожидаю.

Воротися, мой любезный,
Вспомни, какъ, бывало,
Я любила и ласкала,
Крѣпко цѣловала.

* * *

Выхожу одинъ я на дорогу,
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ,
Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

(2 раза).

Въ небесахъ торжественно и чудно,
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ;
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно,
Жду ль чего, жалѣю ли о чемъ?

(2 раза).

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть.
Лишь ищу свободы и покоя,
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть.

(2 раза).

Но не тѣмъ покойнымъ сномъ могилы.
Я бъ хотѣлъ навѣки такъ заснуть,

Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ дыша вздымалась тихо грудь,
(2 раза).

Чтобъ весь день, всю ночь мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ тихій голосъ пѣлъ!
Надо мной чтобъ вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ!
(2 раза).

* * *

Подъ окномъ въ тѣни мелькаетъ
Русая головка!
Ты не спишь, мое мученье!
Ты не спишь, плутовка!

Выходи жъ ко мнѣ навстрѣчу,
Съ жаждой поцѣлуя;
Сердце къ сердцу молодому
Пламенно прижму я!

Ты не бойся, что на небѣ
Звѣзды ярко свѣтятъ;
Я плащомъ тебя закрою
Такъ, что не замѣтятъ.

Если сторожъ насъ окликнетъ,
Назовись солдатомъ;
Если спросятъ, съ кѣмъ была ты,
Ты скажи, что съ братомъ.

Подъ надзоромъ богомолки
Вѣчно жить наскучитъ,
И неволя, поневолѣ,
Хитростямъ научитъ.

* * *

Малютка, шлемъ нося, просилъ
У Бога пищи лишь дневныя
Слѣпцу, котораго водилъ,
Кѣмъ славны Римъ и Византія.

«Троньтесь жертвою судебъ!
Онъ такъ прохожихъ умоляетъ,
Подайте мальчику на хлѣбъ:
Онъ Велизарія питаетъ.

Вотъ шлемъ того, который былъ
Для готѳовъ, вандаловъ грозою;
Враговъ отечества разилъ,
Но самъ сраженъ былъ клеветою.

Тиранъ лишилъ его очей,
И міръ хранителя лишился...
Увы! свѣтъ солнечныхъ лучей
Для Велизарія сокрылся.

Несчастный, за кого въ слезахъ
Одинъ вознесъ я гласъ смиренный,
Водилъ царей земныхъ въ цѣпяхъ,
Законы подавалъ вселенной;

Но въ счастіи своемъ равно
Онъ не былъ гордымъ, лютымъ, дикимъ
И нынѣ мнѣ твердитъ одно:
Не называй меня великимъ!

Не видя свѣта и людей,
Паритъ онъ мыслью въ царствѣ славы,
И видитъ въ памяти своей
Народы, вѣки и державы.

Вотъ постоянство здѣшнихъ благъ!
Сколь чуденъ промыслъ Твой, Создатель!
И я, сиротка, въ юныхъ дняхъ
Сталъ Велизарія питатель!..»

* * *

Милый другъ, съ разсвѣтомъ яснымъ
Я пришла къ тебѣ тайкомъ;
Валентиномъ будь прекраснымъ,
Выгляни: здѣсь я, подъ окномъ.

Онъ поспѣшно одѣвался,
Тихо двери растворилъ,
Быть ей вѣрнымъ страшно клялся...
Обманулъ и разлюбилъ.

Есть ли совѣсть у людей?
Вѣрьте клятвамъ; все напрасно:
И любовникъ твой, злодѣй,
Посмѣется надъ несчастной.

Другу дѣвица сказала:
— Ты всѣмъ клятвамъ измѣнилъ;
Я тебя не забывала,
Ты меня за что забылъ?

Другъ съ усмѣшкой отвѣчаетъ:
— Клятвъ своихъ я не забылъ;
Развѣ дѣвица не знаетъ:
Я шутилъ, вѣдь я шутилъ!

* * *

Долго не сдавалась Любушка-сосѣдка,
Наконецъ, шепнула: «Есть въ саду бесѣдка.
Какъ темнѣе станетъ—понимаешь ты?..»
Ждалъ я, изстрадался, ночки—темноты!

Кровь-то молодая: закипитъ—не шутка!
Да взглянулъ на небо—и повѣрить жутко!
Небо обложилось тучами кругомъ...
Полилъ дождь ручьями—прокатился громъ!

Брови я нахмурилъ и пошелъ угрюмый.—
«Свидѣться сегодня лучше и не думай!
Люба бѣлоручка, Любушка пуглива,
Въ бурю за ворота выбѣжать ей въ диво.

Правда, не была бы буря ей страшна,
Если бъ... да настолько любитъ ли она!..»
Безъ надежды, скученъ прихожу въ бесѣдку!
Прихожу и вижу—Любушку-сосѣдку!

Промочила ножки и хоть выжми шубку...
Было мнѣ заботы обсушить голубку!
Да зато съ той ночи я бровей не хмурю,
Только усмѣхаюсь, какъ заслышу бурю...

Бабаюшка.

Повезъ Бабай кулечекъ
Ржаной муки продать;
Проходитъ ужъ денечекъ,
Бабая не видать.

А дома-то хозяюшка
Святыхъ сбираетъ всѣхъ:
Не запилъ бы Бабаюшка,
Не запилъ бы на грѣхъ!

— Вотъ выручу немножко,
Твердитъ себѣ Бабай,
А тамъ куплю сапожки,
Старуха, не пеняй...

А дома то хозяюшка
Святыхъ сбираетъ всѣхъ:
Не запилъ бы Бабаюшка,
Не запилъ бы на грѣхъ!

Продалъ Бабай кулечекъ,
Да какъ то по пути
Онъ съ радости въ шиночекъ
Рѣшилъ на мигъ зайти...

А дома-то хозяюшка
Святыхъ сбираетъ всѣхъ:
Не запилъ бы Бабаюшка,
Не запилъ бы на грѣхъ!

Бабая тутъ съ Захаркой
Нелегкія свели,
И къ вечеру за чаркой
Спустилъ онъ всѣ рубли.

А дома-то хозяюшка
Святыхъ сбираетъ всѣхъ:
Не запилъ бы Бабаюшка,
Не запилъ бы на грѣхъ!

Да тутъ же и напитки
И пѣсня чудаковъ,
Зато вѣдь ужъ и литки
Не на пять пятаковъ.

А дома-то хозяюшка
Святыхъ сбираетъ всѣхъ:
Не запилъ бы Бабаюшка,
Не запилъ бы на грѣхъ!

Сошелъ Бабай съ порога,
Не чувствуя и ногъ,
Шатается дорога,
Идти никакъ не могъ.

А дома-то хозяюшка
Святыхъ сбираетъ всѣхъ:
Не запилъ бы Бабаюшка,
Не запилъ бы на грѣхъ!

Тутъ будочникъ учтиво
Сдержалъ его рукой,
Побрелъ Бабай лѣниво
Съ нимъ въ будку на покой.

А дома-то хозяюшка
Святыхъ сбираетъ всѣхъ:
Не запилъ бы Бабаюшка,
Не запилъ бы на грѣхъ!

На утро всталъ онъ грѣшный,
Не взвидѣлъ Божій свѣтъ,
Да ну домой, сердечный...
А сапоговъ-то нѣтъ!

А дома-то хозяюшка
Святыхъ сбираетъ всѣхъ:
Не запилъ бы Бабаюшка,
Не запилъ бы на грѣхъ!

* * *

Я вечоръ, млада, во пиру была,
Во пиру, во бесѣдушкѣ,

Не у батюшки, не у матушки,
Я была, млада, у мила дружка,
У мила дружка, у сердечнаго.
Я не медъ пила и не полпивцо,
Я пила, млада, сладку водочку,
Сладку водочку. все вишневочку,
Я не рюмочкой, не стаканчикомъ,
Я пила, млада, изъ полуведра,
Изъ полуведра, черезъ край до дна;
И я лѣсомъ шла, не боялася,
И я полемъ шла, не шаталася;
Ко двору пришла, пошатнулася,
За вереюшку ухватилася.
Верея ль моя, ты вереюшка,
Поддержи меня, бабу пьяную,
Бабу пьяную и похмельную;
Не увидѣлъ бы свекоръ батюшка,
Не сказалъ бы онъ своему сыну,
Своему сыну, моему мужу
Ужъ какъ мой мужъ горькій пьяница,
Онъ вина не пьетъ, съ воды пьянъ живетъ,
Съ воды пьянъ живетъ, съ квасу бѣсится,
Надо мной, младой, онъ ломается.
У меня, младой, въ домѣ убрано:
Ложки вымыла, во щи вылила,
Порогъ вымыла, въ горохъ вылила,
Чашу вымыла, къ кашу вылила,
Косяки скребла, пироги пекла.

* * *

Сизъ голубчикъ, душа мой,
Жаль разстаться мнѣ съ тобой,
Распроститься, дорогой.
Милый, навѣки отъ тебя
Побѣгу въ темны лѣса,
Гдѣ ракитовы кусты,
Гдѣ вся травка зелена,
Гдѣ милъ ласковъ до меня,
Гдѣ пріятно цѣловалъ,
Крѣпко къ сердцу прижималъ,
Онъ разлапушкою звалъ:
«Ты—разлапушка моя!
Лебедь бѣлая моя!»
Я гуляла во саду,
Со травы цвѣты рвала,
Вѣнокъ милому плела;
Я надѣла тотъ вѣнокъ,
Въ путь дороженьку пошла.
На дорожку выхожу,
На широкой становлюсь;
Я сама себѣ дивлюсь,
Никого я не боюсь:
Ни курьера, ямщика,
Ни донского казака,
Ни простого мужика;
Одного только боюсь—
Своего мила дружка,
Вани, ясна сокола.

* * *

Ахъ, дѣвица, красавица!
Любилъ тебя, я счастливъ былъ,
Любить не сталъ, несчастливъ сталъ;
Ахти, горе великое!
Тоска, печаль несносная!
Куда бѣжать, тоску дѣвать?
Пойду съ горя въ чисто поле:
Въ чистомъ поле трава растетъ,
Трава, трава шелковая,
Цвѣты цвѣтутъ лазоревы.
Ахти, горе великое!
Тоска, печаль несносная!
Куда бѣжать, тоску дѣвать?
Въ лѣса бѣжать, лѣса темны,
Въ кусты бѣжать, кусты часты,
Кусты часты, ракитовы.

Научить ли тя, Ванюша?

(Деревенская пѣсня).

Научить ли тя, Ванюша?
Научить ли тя, Ванюша,
Какъ ко мнѣ ходить?
Да, какъ ко мнѣ ходить?

Ты не улицей ходи,
Ты не улицей ходи,

Переулочкомъ,
Ахъ! да, переулочкомъ.

Ты не голосомъ кричи,
Ты не голосомъ кричи,
Соловьемъ свищи,
Соловьемъ свищи,

Чтобы я, млада-младенька,
Чтобы я, млада младенька,
Догадалася,
Ахъ! да, догадалася!

Со веселой со бесѣды,
Со веселой со бесѣды,
Собиралася,
Ахъ! да, собиралася.

Пойду, матушкѣ скажу,
Пойду, матушкѣ скажу:
Голова болитъ,
Худо можется!

Пойду, батюшкѣ скажу,
Пойду, батюшкѣ скажу,
Что я вся больна,
Что я вся больна.

Къ дружку милому иду,
Ко сердечному иду
Здоровешенька,
Веселешенька.

* * *

У меня ль, молодца,
Ровно въ двадцать лѣтъ,
Со бѣла со лица
Спалъ румяный цвѣтъ;
Черный волосъ кольцомъ
Не бѣжитъ съ плеча;
На ремнѣ золотомъ
Нѣтъ грозы-меча;
За желѣзнымъ щитомъ
Нѣтъ копья-огня;
Подъ черкесскимъ сѣдломъ
Нѣтъ стрѣлы-коня;
Нѣтъ перстней дорогихъ
Подарить милой;
Безъ невѣсты женихъ,
Безъ попа налой...
Разступись, разступись,
Мать-сыра земля;
Прекратись, прекратись,
Жизнь-тоска моя!
Лишь по ней, по милой,
Красенъ бѣлый свѣтъ;
Безъ милой, дорогой,
Счастья въ мірѣ нѣтъ!

* * *

При долинушкѣ береза
Бѣлая стояла,
При березонькѣ дѣвица
Плакала, рыдала...
Ахъ! съ вершинушки березу
Вѣтромъ колыхаетъ,
Съ корешка мою кудряву
Водой подмываетъ!
Скоро, бѣлая береза,
Съ корешка свалишься,
Перестанутъ къ вѣткамъ пташки
Распѣвая виться!
И продолжится дорожка
Мимо той березы
И проѣдутъ по дорожкѣ
Да пройдутъ обозы...
Станутъ станомъ у березы
Коней попоити,
Обсушиться, обогрѣться,
Каши поварити,
И сожгутъ, спалятъ березу
Даже до сучечка,
Не промолвятъ про березу
Даже ни словечка!..
Такъ-то мнѣ, младой-младенькѣ,
На чужой чужбинѣ

Спать въ сырой землѣ забытой
Словно сиротинѣ!
Что безъ родной, безъ родимой,
Безъ отца родного!
Что безъ дольной, безъ прилуки,
Безъ дружка милаго.

* * *

Слушай, радость, одно слово,
Гдѣ ты, свѣтикъ мой, живешь,
Тамъ ли, гдѣ свѣтелка нова,
Скажи, какъ, мой свѣтъ, слывешь?

Какъ и батюшку зовутъ,
Разскажи все, не забудь.
Что спѣшить теперь домой,
Ахъ, послушай, ахъ, постой,
Постой!

Полно, полно, балагуръ.
Мнѣ пора идти домой,
Мнѣ загнать гусей и куръ,
Чтобъ не быть битой самой;
Тебѣ смѣхи вѣдь одни,
подставишь вѣдь спины;
, поди, не шути,
в ночь тебѣ, прости,
эта!

Ты не думай, дорогая,
Чтобы я тобой шутилъ;
Для тебя, моя милая,
Весь я духъ мой возмутилъ.
Какъ узрѣлъ красу твою,
Позабылъ я честь свою.
Что спѣшить теперь домой,
Ахъ, послушай, ахъ, постой,
Постой!

Господинъ ты мой изрядный,
Какъ ты можешь говорить
Со мной, дѣвкой неученой:
Я не знаю въ свѣтѣ жить.
А совѣтую тебѣ
Любить равную себѣ.
Поди, поди, не шути,
Добра ночь тебѣ, прости,
Прости!

Ахъ, свирѣпа, умилися,
Не предай меня въ тоску,
Я тобою заразился,
Не хочу слышать про ту,
Непритворну красоту,
Люблю милу простоту.
Что спѣшить теперь домой;
Ахъ, послушай, ахъ, постой,
Постой!

Отпусти меня пожалуй,
Мнѣ съ тобой не сговорить,
Мнѣ досугъ еще не малый,
Мнѣ коровъ пора доить,
Масло пахтать, хлѣбы печь,
Щи варить, капусту сѣчь;
Поди, поди, не шути,
Добра ночь тебѣ, прости,
Прости!

Поди, поди, дорогая!
Нѣтъ, постой, хоть поцѣлуй;
Будетъ радость, ахъ, какая!
Если тѣмъ меня наградишь;
Ну, теперь я одолженъ,
Что такъ щедро награжденъ;
Поди, радость, здраво спи,
Добра ночь тебѣ, прости,
Прости!

Ахъ, какъ Ванька бы нашъ видѣлъ,
Что теперь бы учинилъ,
Онъ бы такъ-то тебя выбилъ,
Что ты впредь бы позабылъ
Нашихъ дѣвокъ цѣловать
И домой ихъ не пускать.
Убирайся, не шути;
Поди, бѣшеный, прости,
Прости!

* * *

Денечекъ проходитъ, ночка наступаетъ,
Ко мнѣ, молоденькѣ, милый присылаетъ,
Милый присылаетъ и самъ пріѣзжаетъ.
Дома ли, милая, радость дорогая?
А я, молоденька, а я, зелененька
На ножку легонька, съ постели вставала,
На дворъ поспѣшала, дружечка встрѣчала;
Про его здоровье дружка разспросила,
Про свое несчастье дружку разсказала.
Тогда мой дружечекъ отошелъ подалѣ,
Сплеснулъ онъ руками, залился слезами;
А я, молоденька, дружку говорила:
«Соколъ ты мой ясный, молодецъ прекрасный!
Дружечекъ мой милый, орелъ златокрылый!
Куда отъѣзжаешь, меня покидаешь
На чужой сторонкѣ, меня, молоденьку,
Меня, молоденьку, меня, зелененьку?»
—А я отъѣзжаю въ Нижній городочекъ,
Въ Нижній городочекъ—на одинъ годочекъ;
Пиши ко мнѣ письма, я буду читати,
Къ сердцу прижимати, слезно возрыдати,
Тебя, молоденьку, въ слезахъ вспоминати.

* * *

Очи мои, очи,
Свѣтъ ясныя очи!
Не даютъ покоя
Во всѣ темны ночи!
«Долго ль, дорогая,
За тобой ходити,
Гостинцы носити,
Милости просити,
Или, дорогая,
Ты мнѣ ужъ не вѣришь?
А я тебѣ вѣрю!
Вели стлать постелю.
Стели, моя радость,
Стели, дорогая,
Пашенька милая!
А я къ тебѣ буду
И не преминую».
Ай, по саду, саду,
Саду зеленому,
Ходила, гуляла
Красная дѣвица,
Щипала, ломала
Съ винограду вѣтки,
Метала, бросала
Къ любезному въ спальню...
«Знать, что у милаго
Дома нездорово,
Закрыты окошки

Черною тафтою
Съ бѣлой бахромою;
Нѣту у милаго
Любимой примѣтки:
Хрустальнаго графина
Съ настоенной водкой;
Съ настоенной водкой,
Съ серебряной пробкой;
Изъ него съ любезнымъ
Мы ее пивали».

***

Какъ у нашего широкаго двора
Собирались красныя дѣвушки въ кружокъ;
Онѣ думали, какой игрой играть?
«Дай-ка въ жмурки, дай въ веревочку
начнемъ?»
Одна дѣвка прослезилася въ кругу:
«Вы играйте, красныя дѣвушки, однѣ,
А какъ мнѣ, младой, игра на умъ ней-
детъ,
Милъ сердечный другъ въ умѣ моемъ
живетъ;
Живучи въ умѣ, сердечушко крушитъ!
Ничего бы я на свѣтѣ не взяла,
Только чтобъ ему мила равно была,
Это больше всего стоитъ для меня!
Кабы знала, кабы вѣдала, мой свѣтъ,
Что захвачено сердечушко твое,

Не глядѣла бъ я на прелести твои,
Глазъ прекрасныхъ убѣгала бы твоихъ!
Ахъ, надежда, обольстила ты меня,
Обольстила, да ужъ поздно знать дала;
Знаю, батюшка, прельщаетъ кто тебя,
Разлучаетъ насъ, сударушка, съ тобой».

* * *

Я нигдѣ дружка не вижу:
Ни въ долинахъ, ни въ лѣсахъ,
Только тѣнь лишь дорогого
Завсегда въ моихъ глазахъ.

Нѣту слуху по лѣсочкамъ,
Изъ ружья гдѣ милъ стрѣлялъ;
Нѣтъ слѣда во чистомъ полѣ,
Гдѣ милъ въ саночкахъ ѣзжалъ.

Ахъ, ты, купчикъ, мой голубчикъ!
Жаль, разсталась я съ тобой.
Ты залогъ сердцу оставилъ:
Страдать вѣчно по тебѣ.

Я любить равно умѣю,
Какъ и въ городѣ у васъ,
Но сказать того не смѣю,
Что страдаю всякій часъ.

Городской любви примѣрной
Не хочу я брать въ примѣръ;

Любить нѣжно и быть вѣрной—
Деревенскій нашъ манеръ.

Не прогнѣвайся, пожалуй,
Что я дерзко говорю,
Я природы, вѣдь, крестьянской,
Безъ политики живу.

Я люблю дружка милаго
И въ деревнѣ, и въ Москвѣ,
Не забуду мила друга
Ни наяву, ни во снѣ.

* * *

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.

По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То раздолье удалое,
То сердечная тоска.

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снѣгъ... навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

Скучно, грустно... завтра, Нина,
Завтра къ милой возвратясь,
Я забуду у камина,
Заглядясь, не наглядясь.

Звучно стрѣлка часовая
Мѣрный кругъ свой совершитъ,
И докучныхъ удаляя,
Полночь насъ не разлучитъ.

Грустно, Нина: путь мой скученъ,
Дремля, смолкнулъ мой ямщикъ,
Колокольчикъ однозвученъ,
Отуманенъ лунный ликъ.

* * *

Вверхъ по Волгѣ, съ Нижня города,
Снаряженъ стружокъ, что стрѣла, летитъ,
А на томъ стружкѣ, на снаряженномъ,
Удалыхъ гребцовъ сорокъ два сидятъ.
Вотъ одинъ изъ нихъ призадумался,
Призадумался, загорюнился.
— Отчего же ты, добрый молодецъ,
Призадумался, загорюнился?

— Я задумался о бѣломъ лицѣ,
Загорюнился о ясныхъ очахъ:
Все на умъ идетъ красна дѣвица,
Все мерещится, ненаглядная!
Аль затѣмъ она на свѣтъ родилася
Лучше, краше солнца краснаго,
Ненаглядне́е неба чистаго,
Чтобъ лишить меня свѣта бѣлаго,
Положить во гробъ прежде времени?
Я хотѣлъ бы позабыть о ней,
Радъ-радехонекъ не любить ея.
Да нельзя позабыть о ней!
Невозможно не любить ея!
Если жъ дѣвица не сжалится
Надо мною, горемыкою,
Такъ зачѣмъ же и на свѣтѣ жить
Мнѣ безродному, безпріютному!
Ужъ хоть вы, братцы-товарищи,
Докажите мнѣ дружбу братскую:
Бросьте вы меня въ Волгу-матушку,
Утопите грусть, печаль мою.

* * *

Я не люблю своей свободы,
Своей сердечной пустоты,
Я не люблю красоть природы.
Что жъ я люблю? Поймешь ли ты,
Что я люблю?

Люблю блистательные взоры,
Живые, полные огня,
Когда они, какъ метеоры,
Вдругъ съ неба канутъ для меня...
Люблю, люблю!

Тебя любить, ты разголубишь
Мои надежды и мечты,
Какъ на ушко ты скажешь—любишь,
Любезный другъ, навѣрно ты...
Люблю, люблю!

Въ твоихъ устахъ блаженство рая
И небо счастья вижу я,
Въ твоихъ очахъ, подобно маю,
Вся прелесть видится твоя...
Люблю, люблю!

И тѣни нѣтъ въ тебѣ кокетства,
И нѣтъ коварности въ душѣ,
Веселый смѣхъ, что признакъ дѣтства,
Все привлекаетъ насъ къ себѣ.

Звѣзды и очи.

Не равняйте звѣздъ съ очами,—
Звѣзды блещутъ, тѣ горятъ;
Звѣзды скажутъ ли лучами,
Что намъ очи говорятъ?

У блестящихъ съ выси хладной,
Средь таинственной тиши,
Нѣтъ скорбямъ слезы отрадной,
Нѣтъ и радостямъ души.

Нѣтъ у звѣздъ души прелестной
Для мечты, для сладкихъ грезъ,
Этихъ перлъ росы небесной,
Умиленья теплыхъ слезъ.

Блеска неба въ мракѣ ночи,
Гдѣ въ васъ жизнь очей земныхъ?
Звѣзды, плачете ль, какъ очи?
Есть ли чувство въ васъ, какъ въ нихъ?

Равнодушно, безъ участья,
Смотрятъ звѣзды съ высоты
На вѣнокъ любви и счастья,
На могилу красоты.

Нѣтъ, за сонмы звѣздъ блестящихъ
Глазъ любимыхъ не отдамъ,
Полныхъ вѣрою, молящихъ,
Возведенныхъ къ небесамъ.

* * *

Ты скажи, моя кукушка:
Долго ль жить мнѣ на вѣку?
Куку!

Говори скорѣй, плутовка,—
Есть стрѣла въ моемъ луку?
Куку!

Я пущу ее и тотчасъ
Тебѣ гибель нанесу.
Куку!

Покатишься полумертва
Со стрѣлою по песку.
Куку!

Запечется кровь кусками
На твоемъ пестромъ боку.
Куку!

Не раздастся гласъ твой больше,
Разносясь по вѣтерку.
Куку!

Такъ вѣщалъ стрѣлокъ удалый,
Преклонивъ свой взоръ къ луку.
Куку!

А кукушка отвѣчала
Однимъ словомъ лишь стрѣлку:
Куку!

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Спряталася мѣсяцъ за тучку.	3
Пчелка златая.	4
Ходитъ Миша по дворику	—
Въ свой край возвратяся изъ дальней земли.	6
Рыбакъ	7
Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана.	9
Отойди отъ меня	10
Куда ты, милый, скрылся	11
Зеленая роща во всю ночь шумѣла	12
По улицѣ мостовой, по широкой столбовой.	13
Солнце на закатѣ.	14
Снѣжки бѣлые пушисты	16
Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ . . .	17
Лучина, лучинушка березовая!	18
Куманекъ, побывай у меня	—
Поѣхалъ зять къ тещѣ	19
„Если бъ завтра да ненастье“.	20
За моремъ синичка не пышно жила. . . .	22
Среди долины ровныя	23
Брежжитъ мѣсяцъ молодой.	25
Воротился ночью мельникъ.	27
Мѣсяцъ плыветъ.	—
Выйду я на рѣченьку	28
Любила я твои глаза	30

Стр.
Всѣ я глазки проглядѣла 182
Выхожу одинъ я на дорогу. 183
Подъ окномъ въ тѣни мелькаетъ. 184
Малютка, шлемъ нося, просилъ 185
Милый другъ, съ разсвѣтомъ яснымъ . . . 187
Долго не сдавалась Любушка-сосѣдка. . . 188
Бабаюшка 189
Я вечоръ, млада, во пиру была 191
Сизъ голубчикъ, душа мой 193
Ахъ, дѣвица, красавица! 194
Научить ли тя, Ванюша? . . . . . —
У меня ль, молодца. 196
При долинушкѣ береза. 197
Слушай, радость, одно слово 198
Денечекъ проходитъ, ночка наступаетъ. . . 201
Очи мои, очи. 203
Какъ у нашего широкаго двора 203
Я нигдѣ дружка не вижу. 204
Сквозь волнистые туманы. 205
Вверхъ по Волгѣ, съ Нижня города . . . 206
Я не люблю своей свободы. 207
Звѣзды и очи 208
Ты скажи, моя кукушка 209

ПОЛНЫЙ

РУССКІЙ

ПѢСЕННИКЪ.

МОСКВА.
Типографія И. Д. Сытина и К°., Валовая ул., собств. домъ.
1891.

Дозволено цензурою. Москва, 29 марта 1891 года.

Запрягу я тройку борзыхъ
Темно-карихъ лошадей,
И помчусь я въ ночь морозну
Прямо къ Любушкѣ своей.

По привычкѣ, кони знаютъ,
Гдѣ сударушка живетъ,
Снѣгъ копытомъ разбиваютъ,
Ямщикъ пѣсенки поетъ:

«Эй, вы, други дорогіе!..
Мчитесь сокола быстрѣй,
Не теряйте дни златые:
Ихъ немного въ жизни сей.

Пока сердце въ груди бьется,
Будемъ весело мы жить,
Пока кудри въ кольца вьются,
Будемъ дѣвушекъ любить».

Ночь была морозна, ясна,
Ямщикъ тройку осадилъ,
Съ поцѣлуемъ жаркимъ, страстнымъ
Любу въ сани посадилъ.

И Любаша, не краснѣя,
Его ручкой обвила
И потомъ скорѣй, скорѣе
Въ свою хату повела.

Сонъ.

(Новая пѣсня).

На дворѣ морозецъ знатный:
Закладай, ямщикъ, живѣй
Вороного: конь онъ славный,
Довезетъ меня скорѣй...
—Да ну жъ! Ну, вотъ и прекрасно—
Мчи меня скорѣе къ ней;
Она ждетъ меня всечасно...
Погоняй же поскорѣй!
Обойму ее, голубку,
Въ поцѣлуй сольюся съ ней...
Что за прелесть эти губки!..
Погоняй же поскорѣй!
Холодъ, вѣтръ, морозъ сердитый—
Все забуду я у ней;
Пой же пѣсни... Что молчишь ты?
Погоняй-ка поскорѣй!
Дни четыре не видались...
—Будемъ, баринъ, и у ней...
Стой, завертки развязались...
Поправляй же поскорѣй!..

Слышу, шесть часы пробили,
Въ головѣ какой-то звонъ,
Ахъ, какъ славно мы катили!
Гдѣ жъ я? Боже, это—сонъ.
Такъ и есть, а сонъ хорошій,
Да проспалъ я, ротозѣй...
Эй, кухарка! гдѣ жъ калоши?
Вьявь пѣшкомъ отправлюсь къ ней.

Ѳедоръ Румянцевъ.

* * *

Громко ставнями вѣтеръ стучитъ,
За окошкомъ мятель завываетъ,
Прорывается въ щели, шумитъ,
Стужей комнатку всю наполняетъ.
—Ты озябъ, вижу, милый мой другъ,
А сегодня я печь не топила,
Поскупилась немножко—и вдругъ
Мою шею рукой охватила.
—Не знобитъ этотъ холодъ меня,
Обо мнѣ, милый другъ, не крушися:
При тебѣ мнѣ тепло безъ огня...
Ты вздрогнула,—покрѣпче прижмися;
Или печь затопи поскорѣй,
Разведи самоварчикъ для чаю,
И себя, ангелъ мой, обогрѣй:
Ты озябла,—я ей замѣчаю.

—Самоваръ былъ бы скоро готовъ,
Печь бы тоже сейчасъ протопилась,—
Да нѣтъ, милый, ни чаю, ни дровъ,
И на грѣхъ вся казна истощилась.
И бѣдняжка озябла, дрожитъ,
Я взглянулъ—слезъ полны ея взоры;
А мятель завываетъ, шумитъ,
И на стеклахъ ложатся узоры.

Д. Жаровъ.

* * *

Скачетъ тройка по дорогѣ,—
Заливается ямщикъ,—
У воротъ, въ большой тревогѣ,
Дѣвка красная стоитъ.
Не Степанъ ли мой удалый
Почту съ города везетъ?
Обѣщалъ мнѣ ленты алой
Привезти онъ въ Новый годъ.
Снѣгъ скрипитъ, возокъ несется,
Правитъ парень самъ не свой,
Трелью звонкой такъ и льется
Колокольчикъ подъ дугой:
Динь, динь, динь! Эй, вы, родные
Соколы, не выдавай!
Сѣдоки, вѣдь, не простые,
Господа, дадутъ на чай!

Динь, динь, динь, и тройка стала,
Спрыгнулъ парень съ передка.
Дѣвка быстро подбѣжала
И обняла ямщика.
Динь, динь, динь, динь... подъ дугою
Колокольчикъ все звенитъ,
И, мотая головою,
Коренная не стоитъ.

* * *

Эй, вы, ну!
Дай качну
Вдоль я по дорожкѣ.
Люблю гнать
И скакать
По первой порошкѣ.
Аль зѣвать,
Дома спать,
Помолясь Богу?
Запряжемъ,
Запоемъ,
Да и въ путь-дорогу!
А кнутомъ
Какъ махнемъ—
Пѣгая взвилася!..
Путь широкъ—
И сѣдокъ
Только что держися.

Знай, катай,
Не зѣвай!—
Баринъ дастъ на водку!
Тамъ кутнемъ—
Запоемъ
Про мою лебедку.
Дуня свѣтъ,
Дай отвѣтъ,
За что разлюбила,
Усача
Богача
Больше полюбила?
Иль тебѣ
Жить въ избѣ
Расписной дороже,
И сѣдой,
Да съ кисой—
Для тебя пригоже?
Аль тебя
Мало я
Увѣщалъ словами?
И любилъ,
И дарилъ
Всякими сластями,
Угождалъ,
И катался
Я тебя на тройкѣ,
Утѣшалъ,
Потѣшалъ

Пѣсенкою звонкой?
Что жъ ты сталъ,
Закачалъ
Пѣгою головкой?
Ну же! ну!
Вѣдь хлестну
По бокамъ я ловко!..
Тутъ онъ взялъ,
Замоталъ
Вожжи,—прибодрился,
И лихой
Заливной
Пѣсней закатился.

* * *

Аль опять не видать
Прежней красной доли?
Я душой самъ не свой,
Сохну, какъ въ неволѣ.
А бывалъ я удалъ...
Съ ухарскою тройкой
Какъ помчусь и зальюсь
Пѣсенкою звонкой.
Не кнутомъ поведемъ,
Только рукавицей—
И по пнямъ, по холмамъ
Мчатъ лошадки птицей.
Ни съ слезой, ни съ тоской
Молодецъ не знался,

Попѣвалъ, да гулялъ,
Вотъ и—догулялся!
Ужъ дугу не смогу
Перегнуть какъ надо,
Вожжи врозь, ну, хоть брось,
Экая досада!
Ночью, днемъ объ одномъ
Часто помышляю,
Все по ней, по моей
Душечкѣ вздыхаю.
Аль опять не видать
Прежней красной доли?
Я душой самъ не свой,
Сохну, какъ въ неволѣ.

* * *

Вотъ мчится тройка удалая
Вдоль по дорожкѣ столбовой,
И колокольчикъ, даръ Валдая,
Гудитъ уныло подъ дугой!
Ямщикъ лихой, онъ всталъ съ полночи,
Ему взгрустнулося въ тиши,
И онъ запѣлъ про ясны очи—
Про очи дѣвицы-души.
Вы очи, очи голубыя,
Вы изсушили молодца.
Зачѣмъ, о, люди, люди злые,
Зачѣмъ разрознили сердца?

* * *

Звенитъ звонокъ, и тройка мчится,
Несется пыль по столбовой;
На крыльяхъ радости стремится
Въ домъ кровныхъ воинъ молодой.

Онъ съ ними юношей разстался,
Пятнадцать лѣтъ въ разлукѣ былъ:
Въ чужихъ краяхъ съ врагами дрался,
Царю, отечеству служилъ.

И вотъ въ глазахъ село родное,
На храмѣ Божьемъ крестъ горитъ;
Его забилось ретивое,
Слеза невольная блеститъ.

Звени, звени, звонокъ, громчѣе,
Лихая тройка, вихремъ мчись!
Ямщикъ, пой пѣсни веселѣе,
Вотъ отчій домъ,—остановись!

Звонокъ замолкъ, и паръ клубится
Съ коней ретивыхъ, удалыхъ;
Нежданный гость подъ кровъ стучится
И быстро входитъ въ кругъ родныхъ.

Его родные не узнали:
Въ немъ измѣнилися черты,
И всѣ невольно вопрошали:
— Скажи, служивый, кто же ты?..

— Я вамъ привезъ письмо отъ сына;
Здоровъ и шлетъ онъ вамъ поклонъ;
Моя въ немъ кровь, мое и имя,
Ну, словомъ, я—какъ точно онъ.
— Нашъ сынъ, нашъ братъ! тогда вскричали
Родные кровные его;
Въ объятьяхъ слезы проливали,
Не отходили отъ него.
Звенитъ звонокъ, ямщикъ несется
Въ обратный путь уже одинъ,
И пѣсня громко раздается,
Вдали чуть слышно: динь-динь-динь!

Морозъ.

Ахъ, морозъ-морозецъ,
Удалецъ ты русскій!
Ходишь въ рукавичкахъ
Да въ овчинной шапкѣ.
Ахъ, морозъ-морозецъ,
Аленькія щечки!—
Тѣло познобишь ты,
Да душѣ тепленько.
При тебѣ, мой милый,
Вспомнишь про старинку:
Какъ, бывало, съ нею—
Помнишь ли, морозецъ.—
На летучихъ санкахъ

Мы стрѣлою мчимся
Въ сумракъ одинокій?..
И она, красотка,
Шепчетъ мнѣ тихонько:
«Ты озябъ, мой милый?
Положи головку,
Я тебя прикрою!..»
Распахнетъ, бывало,
Теплую шубейку —
И у бѣлой груди
Мнѣ тепло, привольно...
Погляжу ей въ глазки —
Глазки искры сыпятъ;
Погляжу на щечки —
Огонекъ пылаетъ.
Такъ вотъ ретивое
Полымемъ обхватитъ!
Ахъ, морозъ-морозецъ,
Молодецъ ты русскій!
Ты мнѣ былъ, голубчикъ,
Точно братъ родимый.

И. Ваненко.

Хуторокъ.

За рѣкой, на горѣ
Лѣсъ зеленый шумитъ;
Подъ горой, за рѣкой
Хуторочекъ стоитъ.

Въ томъ лѣсу соловей
Громко пѣсни поетъ,
Молодая вдова
Въ хуторочкѣ живетъ.

Въ эту ночь-полуночь
Удалой молодецъ
Хотѣлъ быть, навѣстить
Молодую вдову.

На рѣкѣ рыболовъ
Поздно рыбу ловилъ,
Погулять, ночевать
Въ хуторочекъ приплылъ.

«Рыболовъ мой, душа!
Не ночуй у меня:
Свекоръ дома сидитъ,—
Онъ не любитъ тебя.

«Не сердися, плыви
Въ свой рыбачій курень:
Завтра жъ, другъ мой, съ тобой
Гулять рада весь день».

«Сильный вѣтеръ подулъ,
А ночь будетъ темна...
Лучше здѣсь, на рѣкѣ,
Я просплю до утра».—

Опоздился купецъ
На дорогѣ большой,
Онъ свернулъ ночевать
Ко вдовѣ молодой.

«Милый купчикъ, душа!
Чѣмъ тебя мнѣ принять?..
Не топила избы,
Нѣту сѣна, овса.

«Лучше къ куму въ село
Поскорѣе ступай;
Только завтра, смотри,
Погостить заѣзжай!»

«До села далеко,
Конь усталъ мой совсѣмъ,
Есть свой кормъ у меня:
Не печалься о немъ.

«Я вчера въ городкѣ
Долго былъ, все купилъ;
Вотъ подарокъ тебѣ,
Что давно посулилъ».

«Не хочу и его!..
Воль головушку всю
Разломила на смерть,
Ступай къ куму въ село».

«Эта боль—пустяки!..
Средство есть у меня:
Слова два—заживетъ
Вмигъ головка твоя».—

Засвѣтился огонь,
Закурилась изба,

Для гостей дорогихъ
Столъ готовитъ вдова.

За столомъ съ рыбакомъ
Умъ гуляетъ купецъ,
А въ окошко глядитъ
Удалой молодецъ...

«Ты, рыбакъ, пей вино,
Мнѣ съ сестрой наливай,
Если мастеръ плясать,
Пѣть мы пѣсни давай.

«Я съ людями люблю
По-пріятельски жить;
Ваше дѣло поймать,—
Наше дѣло купить.

«Такъ со мною, прошу,
Безъ чиновъ—по рукамъ;
Одну басню тверду
Я всѣмъ добрымъ людямъ:

«Горе есть—не горюй;
Дѣло есть—работай;
А подъ случай попалъ—
На здоровье гуляй».

И пошелъ съ рыбакомъ
Купецъ пѣсни играть,
Молодую вдову
Обнимать, цѣловать.

Не стерпѣлъ удалой,
Загорѣлась душа,
И—какъ глазомъ моргнуть,
Растворилась изба...

И съ тѣхъ поръ въ хуторѣ
Никого не живетъ,
Лишь одинъ соловей
Громко пѣсни поетъ.

* * *

Обойми, поцѣлуй,
Приголубь, приласкай!
Еще разъ поскорѣй
Поцѣлуй горячѣй!
Что печально глядишь?
Что на сердцѣ таишь?
Не тоскуй, не горюй,
Изъ очей слезъ не лей:
Мнѣ не надобно ихъ,
Мнѣ не нужно тоски...
На полгода всего
Мы разстаться должны.
Есть за Волгой село
На крутомъ берегу:
Тамъ отецъ мой живетъ,
Тамъ родимая мать
Сына въ гости зоветъ.

Я пойду къ отцу,
Поклонюся родной—
И согласье возьму
Обвѣнчаться съ тобой.
Мучитъ душу мою
Твой печальный уборъ.
Для чего ты въ него
Наряднла себя?
Разрядись, уберись
Въ свой нарядъ голубой,
И на плечи накинь
Шаль съ каймой расписной;
Пусть пылаетъ лицо,
Какъ поутру заря,
Пусть сіяетъ любовь
На устахъ у тебя!
Какъ мнѣ мило теперь
Любоваться тобой!
Какъ весна, хороша
Ты, невѣста моя!
Обойми жъ, поцѣлуй,
Приголубь, приласкай,
Еще разъ поскорѣй
Поцѣлуй горячѣй!

Кольцовъ.

Буря.

Долго не сдавалась Любушка-сосѣдка,
Наконецъ, шепнула:—«есть въ саду бесѣдка,

Какъ темнѣе станетъ—понимаешь ты?..»
Ждалъ я, изстрадался, ночи-темноты,
Кровь-то молодая: закипитъ—не шутка!
Да взглянулъ на небо — и повѣрить жутко!
Небо обложилось тучами кругомъ...
Полилъ дождь ручьями, прокатился громъ.
Брови я нахмурилъ и пошелъ угрюмый:
«Свидѣться сегодня лучше и не думай;
Люба бѣлоручка, Любушка пуглива:
Въ бурю за ворота выбѣжать ей въ диво;
Правда, не была бы буря ей страшна,
Если бъ... Да настолько любитъ ли она?..»
Безъ надежды, скученъ, прихожу въ бесѣдку,
Прихожу и вижу—Любушку-сосѣдку!
Промочила ножки и хоть выжми шубку...
Было мнѣ заботы обсушить голубку!
Да за то съ той ночи я бровей не хмурю,
Только усмѣхаюсь, какъ заслышу бурю.

Тройка.

глядишь на дорогу,
ыхъ подругъ?

Знать, забило сердечко тревогу—
Все лицо твое вспыхнуло вдругъ?
И зачѣмъ ты бѣжишь торопливо
За промчавшейся тройкой во слѣдъ?
На тебя, подбоченясь красиво,
Заглядѣлся проѣзжій корнетъ.
На тебя заглядѣться не диво,
Полюбить тебя всякій не прочь:
Вьется алая лента игриво
Въ волосахъ твоихъ черныхъ, какъ ночь.
Сквозь румянецъ щеки твоей смуглой
Пробивается легкій пушокъ,
Изъ-подъ брови твоей полукруглой
Смотритъ бойко лукавый глазокъ.
Взглядъ одинъ чернобровой дикарки,
Полный чаръ, зажигающихъ кровь,
Старика разоритъ на подарки,
Въ сердце юноши кинетъ любовь;
Поживешь и попразднуешь вволю,
Будетъ жизнь и полна и легка...

Некрасовъ.

Разлука съ воиномъ.

Ты не плачь, не горюй,
Дѣва миленькая,
Не тужи, не тоскуй
Ты, хорошенькая!

Изъ прекрасныхъ очей
Слезъ горючихъ не лей;
Я твою ли слезу
На груди унесу—
И она въ вихрѣ сѣчъ
Будетъ сердце мнѣ жечь.
Ты не плачь, не горюй,
Дѣва миленькая,
Не тужи, не тоскуй
Ты, хорошенькая!
Не грусти обо мнѣ,
Я приду и назадъ,—
Пощадитъ на войнѣ
Меня вражій булатъ;
Я другой не прельщусь
И къ тебѣ возвращусь.
Ты не плачь, не горюй!
Чу!.. труба раздалась...
Милый другъ, поцѣлуй
Еще разъ... еще разъ!..
И теперь, ангелъ мой,
Сговоримся съ тобой,
Чтобы въ пору одну
Намъ смотрѣть на луну—
Чтобъ сливались на ней
Взоры нашихъ очей.
Ты не плачь, не горюй!
Чу!.. труба раздалась.
Милый другъ, поцѣлуй
Еще разъ... еще разъ!..

Взоръ бросая къ лунѣ,
Вспоминай обо мнѣ,—
И къ тебѣ лунный свѣтъ
Принесетъ мой привѣтъ.
Возвращусь, не тужи,
Дѣва, прелесть душа!

* * *

«Тятенька, голубчикъ,
Гдѣ моя родная?»
«Умерла, мой свѣтикъ,
Дочка дорогая!»
Дочка побѣжала
Прямо на могилу,
Рухнулась на землю,
Молвивъ черезъ силу:
«Матушка родная,
Вымолви словечко!»
«Не могу, землею
Давитъ мнѣ сердечко!»
«Я разрою землю,
Отвалю каменья,—
Вымолви словечко,
Дай благословенье!»
«У тебя есть дома
Мамечька другая».
«Охъ, она не мать мнѣ—
Мачиха лихая.

Она зубы точитъ
На чужую дочку,
Щиплетъ, коли станетъ
Надѣвать сорочку;
Чешетъ, такъ подъ гребнемъ
Кровь ручьемъ сочится;
Рѣжетъ ломоть хлѣба,—
Ножикомъ грозится».

* * *

Прекрасный день, счастливый день,
И солнце и любовь...
Съ луговъ, полей сбѣжала тѣнь;
Свѣтлѣетъ солнце вновь.
Проснитесь, рощи и поля!
Пусть жизнью все кипитъ!
Она моя! Она моя!
Мнѣ сердце говоритъ.
Что вьешься, ласточка, къ окну,
Что, вольная, поешь?..
Иль ты щебечешь про весну
И съ ней любовь зовешь?
Но не ко мнѣ—и безъ тебя
Въ пѣвцѣ любовь горитъ!
Она моя! Она моя!
Мнѣ сердце говоритъ.

* * *

Милый другъ, нѣжный другъ,
Заклинаю тебя,
Не чуждайся меня,
Пріучи ты себя!
Будь къ страдальцу добра,
Будь отрадой ему;
Тошно жить на землѣ
Безъ любви одному!
Ахъ, когда мнѣ въ твоей
Ты откажешь въ рукѣ,—
Я изною въ слезахъ,
Я исчахну въ тоскѣ!
Ужъ пять лѣтъ я тебя
Постоянно люблю,
Все тобою дыша,
Пять годовъ я терплю!
Пожалѣй ты меня,
Пощади ты меня,
Я томлюся въ ночи,
Я страдаю средь дня!
Коль не тронетъ тебя
Злая участь моя,
Въ мать-сырую землю
Лягу съ горести я!

* * *

Заря ль моя, зоренька,
Ты заря вечерняя!
Зачѣмъ же ты, зоренька,
Потухла ранешенько?

Не дала ты, зоренька,
Убраться со полюшка.
—«Ахъ, вы, слуги, слуги вы,
Слуги мои вѣрные,

Подите скорѣе вы
Во мою конюшенку;
Подите, впрягите вы
Тройку коней сѣрыхъ мнѣ,

Чтобъ сѣлъ да поѣхалъ я,
Добрый, добрый молодецъ».
—Со всѣми, со всѣми-то
Простился, сердечный другъ,

Лишь со мною, дѣвицей,
Не простился, милый мой!
Вслѣдъ за нимъ бѣжала я,
Кричала громкимъ голосомъ,

Кричала любезному:
Онъ не слышитъ голоса;
Махала платкомъ ему:
Не видитъ платочка онъ.

Вздохнула сердечушкомъ,—
Услышалъ мой милый.

* * *

Чернобровый, черноглазый
Молодецъ удалый!
Вложилъ мысли въ мое сердце,
Зажегъ ретивое.
Нельзя солнцу быть холоднымъ,
Свѣтлому погаснуть;
Нельзя сердцу жить на свѣтѣ,
И не жить любовью!
Для того ли солнце гр [illegible],
Чтобы травкѣ вянуть?
Для того ли сердце любитъ,
Чтобы горе мыкать? —
Нѣтъ, не дамъ злодѣйкѣ-скукѣ
Ретиваго сердца!
Полечу къ любезну другу
Осеннею пташкой,
Покажу ему платочекъ,
Его же подарокъ.
Сосчитай горючи слезы
На аломъ платочкѣ,
Сосчитай горючи слезы
На бѣлой ты груди,

Смѣшавъ со своими.

Воетъ сыръ-боръ за горою,
Мателица въ полѣ,
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога.
Оставайся, бѣдна птичка,
Запертая въ клѣткѣ!
Не отворишь ты слезами
Отеческій теремъ,
Не увидишь дорогого,
Ни прежняго счастья!..
Не ходить бы красной дѣвкѣ
Вдоль по лугу, лугу,
Не искать бы ей глазами
Пригожихъ, удалыхъ;
Не любить бы красной дѣвкѣ
Молодого парня,
Поберечь бы красной дѣвкѣ
Свое нѣжно сердце.

* * *

Цвѣли, цвѣли цвѣтики да поблекли;
Любилъ, любилъ милый другъ да покинулъ.
Покинулъ, душа моя, не надолго,
Не надолго времячко—на часочекъ;
Часочекъ-то кажется за денечекъ,
Денечекъ-то кажется за недѣльку,
Недѣлюшка кажется за годочекъ.

Поѣхалъ мой миленькій въ городочекъ,
А я за милымъ дружкомъ не гонюся:
Гонится, душа моя, онъ за мною,
За моей за дѣвичьей красотою.
Напишу я грамоту веселую,
Пошлю къ другу служеньку молодую;
Сама бы пошла къ нему, да боюся.
Пойду, пойду къ батюшкѣ да спрошуся,
Сударушкѣ-матушкѣ доложуся:
«Пусти меня, матушка, погулять».
—Гуляй, гуляй, дитятко, да не долго,
Не долгое времячко, лишь часочекъ.
Вечоръ у насъ, дитятко, были сваты,
Хотятъ твою косыньку расплетати,
Буйную головушку расчесати.
«Въ сыромъ бору сосенка зеленешька,
А я у васъ, маменька, молоденька,
Руса моя косынька коротенька,
Умомъ своимъ разумомъ я глупенька».

* * *

Гой, судьба моя, судьбинушка,
Судьба злая!
Что ни въ чемъ-то, разудалому,
Нѣту счастья!
Нѣтъ, невочь ужъ мнѣ
Жизни бремя!

Я слезой одной
Сердце грѣю,
Лишь съ змѣей-тоской
Горе мычу!
Да за что жъ ты, судьбинушка,
Меня гонишь,
Безъ поры ты, безъ времени
Меня губишь?..

* * *

Ужъ задамъ же я, молодецъ,
Пиръ веселый,
Ужъ сыграю жъ я свадебку —
Всѣмъ на чудо!
Про невѣсту жъ скажу:
Заглядѣнье!
И тиха, и скромна—
Безъ примѣра;
Но одинъ въ ней порокъ
Всѣ находятъ:
Будто вѣчно она
Безпривѣтна.
Что же дѣлать, друзья,
Не воротишь!
Вѣдь присватался я
Поневолѣ,
И теперь ужъ нельзя
Отказаться!—

Моя сваха строга
И сурова,
Величаютъ ее
Всѣ судьбою,—
А невѣсту мою
Зовутъ смертью!..
Пріѣзжайте къ, друзья,
Безъ обмана:—
Вѣдь хочу я задать
Пиръ веселый
И друзей угостить
На прощаньи!

* * *

Что ты рано, зоренька,
Заняласа?
Что ты рано, дѣвушка,
Подняласа?
Заалѣла зоренька
Отъ яснаго солнца,
Поднялася дѣвушка
Для милаго сердцу.
Что ты рано, зоренька,
Поблѣднѣла?
го ты, дѣвица,
Похудѣла?
Закатилось солнышко
браву,—

Разлюбилъ красавицу
Тотъ, кто былъ по нраву.
Не алѣть бы зоренькѣ
Рано на восходѣ,
Не шептаться бъ дѣвицѣ
Съ парнемъ въ хороводѣ.

* * *

Какъ пойду ль сидѣть
За ворота я,
Буду ль въ даль смотрѣть
Безъ заботы я!

Ужъ какъ сяду я
Тамъ украдкою,
Сердце радуя
Думой сладкою:

Ожиданіемъ
Друга милаго,
Провожаніемъ
Дня постылаго.

Наряжуся я:
Обовью кругомъ
Шею бусами,
Косы русыя

Заплету вѣнкомъ;
Я надѣну свой

Сарафанъ къ лицу,
Съ золотой каймой,

Хоть сейчасъ къ вѣнцу:
Шелкомъ онъ обшитъ,
Снизу сборчатый,
Онъ, какъ жаръ, горитъ,
Весь узорчатый.

Въ немъ-то буду я
Друга сердца ждать,
Съ кѣмъ забуду я
Горевать, страдать.

* * *

Ходятъ по небу
Тучи сѣрыя,
Лежатъ на сердцѣ
Думы черныя!
Пролетѣла ты,
Весна красная!
Прокатилась ты,
Жизнь разгульная!
Пожелтѣла вся
Мурава-трава,
И посохли всѣ
Во поляхъ цвѣты;—
Обманула жизнь
Думы свѣтлыя,

Облетѣли всѣ
Цвѣты радости.
Гой, злодѣйка ты,
Моя молодость!
Ты зачѣмъ прошла,
Прокатилася?
А ужъ какъ ты мнѣ
Полюбилася,
Какъ ты молодцу
Приглянулася!
Вѣкъ бы жилъ съ тобой
Припѣваючи,
Вся бы жизнь моя
Была сказочкой;
А теперь то я—
Грустенъ, сумраченъ,
Какъ осенній день!
И вокругъ меня
Все печаль, тоска...
Взгляну ль на небо—
Нѣту радости:
Ходятъ по небу
Тучи сѣрыя...
Такъ ужъ кстати вамъ
Лежать на сердцѣ,
Думы грустныя,
Думы черныя!

* * *

Въ непогоду вѣтеръ
Воетъ-завываетъ,
Буйную головку
Злая грусть терзаетъ.
Горемычной долѣ
Нѣтъ нигдѣ привѣта:
До сѣдыхъ волосъ любовью
Душа не согрѣта.
Нѣту силъ, усталъ я
Съ этимъ горемъ биться,
А на свѣтъ посмотришь:
Жалко съ нимъ проститься.

Кольцовъ.

Пѣсня пахаря.

Ну, тащися, сивка,
Пашней десятиной,
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю!

Красавица-зорька
Въ небѣ загорѣлась
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ

Весело на пашнѣ;
Ну, тащися, сивка,
Я самъ другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ!

Весело я лажу
Ворону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю...
Ну, тащися, сивка!

Пашеньку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоитъ, вскормитъ
Мать земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка,
Ну, тащися, сивка!

Выйдетъ въ полѣ травка,—
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;

Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!

Ну, тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство.

Кольцовъ.

* * *

Съ радости—съ веселья
Хмелемъ кудри вьются;
Ни съ какой заботы
Они не сѣкутся.

Ихъ не гребень чешетъ—
Золотая доля,
Завиваетъ въ кольца
Молодецка удаль.

Не родись богатымъ,
А родись кудрявымъ;
По щучью велѣнью
Все тебѣ готово.

Чего душа хочетъ—
Изъ земли родится;
Со всѣхъ сторонъ прибыль
Ползетъ и валится.

Чго шутя задумалъ,
Пошла шутка въ дѣло;
А тряхнулъ кудрями,—
Въ одинъ мигъ поспѣло.

Не возьму гдѣ косномъ,
Возьмутъ кудри силой;
И что худо,—смотришь,
По водѣ поплыло!

Любо жить на свѣтѣ
Молодцу съ кудрями,
Весело на бѣломъ
Съ черными бровями!

Во-время да въ пору,
Медомъ рѣчи льются,
И съ утра до ночи
Пѣсенки поются.

Про тѣ рѣчи, пѣсни
Дѣвушки всѣ знаютъ—
И о кудряхъ зиму
Ночь не спятъ—гадаютъ.

Честь и слава кудрямъ,
Пусть ихъ волосъ вьется!

Съ ними все на свѣтѣ
Ловко удается!

Не подъ шапку горе
Головѣ кудрявой!
Разливайтесь, пѣсни!
Ходи, парень, браво!

Кольцовъ.

* * *

По всей деревнѣ Катенька
Красавицей слыла,
И въ самомъ дѣлѣ, дѣвушка,
Какъ розанчикъ, цвѣла.

Прекрасны русы волосы
По плечикамъ вились,
А глазки—только взглянь на нихъ,
Съ сердечкомъ распростись!

И всѣ удалы молодцы
За Катенькой гнались;
Частенько изъ за Катеньки
И съ женами дрались.

Пятнадцать лѣтъ ужъ Катенька
На свѣтѣ прожила,
И все съ родимой матушкой
И ѣла и пила.

Пойдутъ ли красны дѣвушки
Въ воскресный день гулять,
Катюшѣ отъ Сысоевны
Никакъ нельзя отстать.

Какъ горькій хрѣнъ Сысоевна
Была всѣмъ молодцамъ:
Частенько ихъ за Катеньку
Хлестала по щекамъ.

Всѣхъ чаще отъ Сысоевны
Терешка битъ бывалъ:
Всѣхъ чаще онъ на праздникахъ
Къ Катюшѣ подбѣгалъ.

Терешка хватъ былъ молодецъ
И парень хоть куда;
Любилъ Катюшу страстно онъ—
Вотъ вся его бѣда!

Однажды, когда Катенька
Шла въ рѣчкѣ за водой,
Терешка изъ за кустика
Кричитъ: «Катя, постой!»

Катюша испугалася,
Взглянула на кустокъ,—
И томное сердечушко
Забилось: токъ, токъ, токъ!

Народная.

* * *

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ—
О юныхъ дняхъ, въ краю родномъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ,
И какъ я съ нимъ, навѣкъ простясь,
Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ!

Уже не зрѣть мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей;
И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ,
Тогда веселыхъ, молодыхъ,—
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ,
Не слышенъ имъ вечерній звонъ!

Лежать и мнѣ въ землѣ сырой!
Напѣвъ унылый надо мной
Въ долинѣ вѣтеръ пронесетъ;
Другой пѣвецъ по ней пройдетъ,
И ужъ не я, а будетъ онъ
Въ раздумьи нѣть вечерній звонъ.

Кольцовъ.

* * *

Гдѣ вы, дни мои весенніе,
Ночи лѣтнія, благодатныя?
Гдѣ ты, жизнь моя, радость милая,
Пылкой юности заря красная?

Съ какой гордостью я смотрѣлъ тогда
На туманную даль волшебную;
Тамъ свѣтился свѣтъ голубыхъ очей,
Тамъ мечтамъ моимъ конца не было!

Но среди весны, въ цвѣтѣ юности,
Полюбилъ твою душу чистую,
Безъ тебя одинъ я съ тоской гляжу,
Какъ ночная тьма покрываетъ день.

Кольцовъ.

* * *

Вечоръ поздно изъ лѣсочка
Я коровъ домой гнала
И спустилась къ ручеечку
Близъ зеленаго лужка.
Вижу,— баринъ ѣдетъ съ поля,
Двѣ собачки впереди.
Лишь со мной онъ поровнялся,
Бросилъ взоръ свой на меня.
—Здравствуй, милая красотка!
Изъ котораго села?
—Ваша я, сударь, крестьянка,
Отвѣчала ему я.
—Не тебя ли, моя радость,
Егоръ за сына просилъ?
Его сынъ тебя не стоитъ,
Не къ тому ты рождена,

И поутру все узнаешь,
Для кого ты суждена.
У Успенскаго собора
Въ большой колоколъ звонятъ,
Нашу милую Парашу
Вѣнчать съ бариномъ хотятъ.

Народная.

* * *

Не слышно шуму городского,
За Невской башней тишина,
И на штыкѣ у часового
Горитъ полночная луна.

Вотъ бѣдный юноша, ровесникъ
Младымъ цвѣтущимъ деревамъ,
Въ глухой тюрьмѣ заводитъ пѣсню
И отдаетъ тоску волнамъ:

«Прости, мой край, моя отчизна,
Прости, мой домъ, моя семья!
Здѣсь, за рѣшеткою желѣзной,
Навѣкъ отъ васъ сокрылся я.

Прости, отецъ, прости, невѣста!
Сломись, вѣнчальное кольцо!
Навѣкъ закройся, мое сердце,
Не быть мнѣ другомъ и отцомъ!

Сосваталъ я себѣ неволю,
Мой жребій—слезы и тоска;

Но я молчу и таю долю,—
Ее взяла моя рука.
Откуда къ мнѣ ждать избавленья?
Придетъ ли всѣмъ бѣдамъ конецъ?
Но есть на свѣтѣ Провидѣнье,
И на святой Руси—отецъ».

* * *

Что затуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Что призадумалась, дѣвица красная,
Очи блеснули слезой?

Жаль мнѣ покинуть тебя одинокую,
Пѣвень ударилъ крыломъ,—
Скоро ужъ полночь... дай чару глубокую,
Вспѣнь поскорѣе виномъ!

Время! веди ты коня мнѣ любимаго,
Крѣпче держи подъ уздцы...
Ѣдутъ съ товарами въ путь изъ Касимова
Муромскимъ лѣсомъ купцы.

Есть для тебя у нихъ кофточка шитая,
Шубка на лисьемъ мѣху;
Будешь ходить ты вся въ злато залитая,
Спать на лебяжьемъ пуху.

Много за душу твою одинокую,
Много я душъ погублю:

Я ль виноватъ, что тебя, чернооку,
Больше чѣмъ душу люблю?

* * *

—Ты послушай, голова:
Про тебя идетъ молва,
Будто поздно вечеркомъ
Ходишь ты къ сосѣдкѣ въ домъ?

—Ну, такъ что же, что хожу?
А по что—вамъ не скажу;
Знаю это только я
Да она, кума моя!

—Эй, послушай, молодецъ!
Вѣдь гуторатъ, наконецъ,
Что не разъ видали васъ
И въ полночный даже часъ?

—Ну, такъ что же, я не трусъ,
Вѣдьмы съ лѣшимъ не боюсь
И хожу къ кумѣ моей,
Чтобъ ей было веселѣй!

—Отчего же, удалой,
Тебя утренней зарей
Кума, съ краской на лицѣ,
Обнимаетъ на крыльцѣ?

—Оттого, что я хорошъ,
На сожителя похожъ;
Онъ хоть живъ, да на войнѣ,—
Какъ же быть одной женѣ!

* * *

Какъ жила-была курка,
Черный хохолокъ.

Ахъ, а-ха ха!
Черный хохолокъ.

Какъ повадилася курка
Къ коменданту въ огородъ.

Ахъ, а-ха ха!
Къ коменданту въ огородъ.

Комендантовы ребята
Злы, догадливыя.

Ахъ, а-ха-ха!
Злы, догадливыя.

Взяли курку, поймали,
Съ крыльевъ перья ощипали.

Ахъ, а-ха-ха!
Съ крыльевъ перья ощипали,

Съ крыльевъ перья ощипали,
Хохолъ выдергали.

Ахъ, а-ха ха!
Хохолъ выдергали.

На улицѣ двѣ курицы
Съ пѣтухомъ дерутся.

Ахъ, а ха-ха!
Съ пѣтухомъ дерутся.

Изъ окошка двѣ барышни
Смотрятъ да смѣются.

Ахъ, а-ха-ха!
Смотрятъ да смѣются.

А-ха-ха, а ха ха!
Какъ намъ жалко пѣтуха!

Ахъ, а-ха ха!
Какъ намъ жалко пѣтуха!

Народная.

* * *

Осѣдлаю коня,
Коня быстраго,
Я помчусь, полечу
Легче сокола

Чрезъ поля, за моря,
Въ дальню сторону:
Догоню, ворочу
Мою молодость,

Приберусь и явлюсь
Прежнимъ молодцемъ
И приглянусь опять
Краснымъ дѣвицамъ!

Но, увы! нѣтъ дорогъ
Къ невозвратному,

Не взойдетъ никогда
Солнце съ запада.

Кольцовъ.

Безсонница.

Комары и мухи
Вьются надо мной,
И звенитъ все въ ухѣ
Милый голосъ твой.

Въ окна мѣсяцъ глупый
Свой бросаетъ лучъ,
Горные уступы
Скрыла тѣнь отъ тучъ,

Видны лишь березы
На холмѣ крутомъ;
Ароматъ льютъ розы
Въ цвѣтникѣ твоемъ.

Какъ твой станъ былъ гибокъ
Нынче на зарѣ,
Какъ мы шли отъ липокъ
На крутой горѣ;

Какъ сіяли глазки,—
Что лазурь небесъ!
Ты была безъ маски,
Окружалъ насъ лѣсъ,

Да уступы ската,
Да нѣмая тѣнь,

Что намъ слалъ съ заката
Погасавшій день...
Комары и мухи
Вьются надо мной,
И звенитъ все въ ухѣ
Милый голосъ твой.

Н. П. Грековъ.

Умирающій воинъ.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣйка тоска въ ретиво сердце;
Не сойдетъ туманъ со синя моря,
И не выйдетъ грусть зла изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блеститъ во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ огонекъ горитъ.
У огня постланъ коверъ шелковый,
На коврѣ лежитъ добрый молодецъ;
Онъ прижалъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ кровь молодецкую.
Подлѣ молодца стоитъ добрый конь,
Онъ копытомъ бьетъ по сырой землѣ,
Будто молвить хочетъ молодцу:
Ты вставай, вставай, добрый молодецъ,
Ты сѣдлай, сѣдлай коня добраго;
Послужу тебѣ вѣрой-правдою:
Отвезу тебя въ нашу сторону,
Къ отцу, къ матери, къ роду, племени,
Къ милымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ.

Тяжело вздохнулъ добрый молодецъ,
Его крѣпка грудь подымается,
Руки бѣлыя опускаются,
Рана смертная растворяется,
Кровь горячая полилась ручьемъ.
Тутъ промолвилъ онъ своему коню:
—Охъ, ты, конь мой, конь, лошадь добрая,
Ты товарищъ моей участи,
Добрый пайщикъ ты службы княжеской!
Ты одинъ ступай въ нашу сторону,
Ты отдай поклонъ отцу, матери,
Милымъ дѣтушкамъ, роду, племени;
Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое,
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла!

* * *

Гремитъ звонокъ, и тройка мчится,
За нею пыль, вiясь столбомъ;
Вечерній звонъ по малу длится,
Безмолвье мертвое кругомъ.

Вотъ на пути село большое,
Туда ямщикъ мой поглядѣлъ;
Его забилось ретивое,
И потихоньку онъ запѣлъ:

«Твоя краса меня прельстила,
Теперь мнѣ бѣлый свѣтъ постылъ!
Зачѣмъ, зачѣмъ обворожила,
Коль я душѣ твоей не милъ?..

Недолго пѣснью удалою,
Недолго тѣшить сѣдока,
Ужъ скоро, скоро подъ землею
Сокроютъ тѣло ямщика!

По мнѣ лошадушки взгрустятся,
Разставшись, борзыя, со мной;
Онѣ ужъ больше не промчатся,
Вдоль по дорожкѣ столбовой;

И ты, дѣвица молодая,
Быть можетъ, тяжко воздохнешь,
Кладбище часто посѣщая,
Къ моей могилѣ подойдешь.

Въ тоскѣ, кручинушкѣ сердечной,
Лицо къ сырой землѣ склоня,
Промолвишь мнѣ: въ разлукѣ вѣчной
Съ тобой красавица твоя».

Въ глазахъ тутъ слезы показались,
Но ихъ бѣднякъ не утиралъ:
Пока до мѣста не домчались,
Онъ волю полную имъ далъ!

Ужъ, говорятъ, его не стало,
Дѣвица бѣдная въ тоскѣ;
Она безвременно увяла,
Грустя по миломъ ямщикѣ!

* * *

Жилъ я у пана
По первое лѣто,
Выжилъ я у пана
Курицу за это,
Моя теля хвостомъ мелетъ,
Моя коза хватитъ съ воза,
Мой баранъ по горамъ,
Мой гусь возлѣ усъ,
Моя утка водоплавка,
Мой пѣтухъ рокотухъ,
Моя курка черношейка
По двору ходитъ,
Цыплятъ стадо водитъ,
Хохолъ воздымаетъ,
Пана утѣшаетъ,
Пана утѣшаетъ.
Курочка черношейка,
Ахъ, черный хохоловъ!

Народная.

* * *

«Матушка-голубушка,
Солнышко мое!
Пожалѣй, родимая,
Дитятко твое:

Словно змѣя лютая
Сердце мнѣ сосетъ
И цѣлую ноченьку
Спать мнѣ не даетъ.

Все мнѣ что-то грезится,
Будто наяву,
Спать когда ложуся я
И когда встаю:
То залетной пташечкой
Пѣсенка слышна,—
Сердце во мнѣ прыгаетъ,
Такъ сладка она!

Что это, родимушка,
Сталося со мной?
Видно, приключился мнѣ
Злой недугъ какой?
Или нѣтъ, родимая,
Чѣмъ мнѣ пособить?
«Знать, приспѣло, дитятко,
Времячко любить».

* * *

На зарѣ ты ея не буди:
На зарѣ она сладко такъ спитъ!..
Утро дышетъ у ней на груди,
Ярко пышетъ на ямкахъ ланитъ.

И подушка ея горяча,
И горитъ утомительный сонъ,
И, чернѣясь, бѣгутъ на плеча
Волосъ ленты съ обѣихъ сторонъ.

И вчера у окна къ вечеру
Долго, долго сидѣла она
И слѣдила по тучамъ игру,
Что, скользя, затѣвала луна.

И чѣмъ ярче играла луна,
И чѣмъ громче свисталъ соловей,
Все блѣднѣй становилась она,
Сердце билось сильнѣй и сильнѣй.

Оттого-то на юной груди,
На ланитахъ такъ утро горитъ!
Не буди жъ ты ея, не буди:
На зарѣ она сладко такъ спитъ.

* * *

Люди добрые, внемлите
Печали сердца моего,
Мою скорбь вы всѣ поймите:
Грустно жить мнѣ безъ него.

Онъ меня разлюбилъ,
Онъ меня погубилъ!

Мнѣ отрадно въ жизни было,
Какъ въ любви мнѣ клялся онъ;

Но мнѣ въ жизни все постыло,
Жизнь прошла, какъ милый сонъ!

Онъ меня разлюбилъ,
Онъ меня погубилъ!

Меня, дѣву молодую,
Пожалѣйте сердцемъ всѣ,
Пойте пѣсню гробовую,
Пойте память вѣчну мнѣ.

Онъ меня разлюбилъ,
Онъ меня погубилъ!

* * *

Отойди, не гляди,
Скройся съ глазъ ты моихъ;
Сердце ноетъ въ груди—
Нѣту силъ никакихъ.

Отойди, отойди!
—Для меня ли твоя красота?
Посуди, денегъ нѣтъ у меня,
Одинъ крестъ на груди!

Мнѣ блаженства съ тобой
Не дадутъ, не дадутъ,
А тебя съ красотой
Продадутъ, продадутъ.—

Отойди, отойди!
Иль играть хочешь ты
Моей львиной душой

И всю власть красоты
Испытать надо мной?

Нѣтъ, съ ума я сойду,
Обожая тебя!
Отойди, не гляди,
Сгройся съ глазъ ты моихъ—
Нѣту силъ никакихъ!

* * *

Выпьемъ, что ли, Ваня,
Съ холода да съ горя;
Говорятъ, что пьянымъ
По колѣно море.

У Антона дочь то
Дѣвка молодая:
Очи голубыя,
Славная такая!

Да богатъ онъ, Ваня:
Наотрѣзъ откажетъ;
Вѣдь сгоримъ съ стыда, братъ,
Какъ на дверь укажетъ.

Что я ей за пара?
Скверная избушка...
А оброкъ то, Ваня,
А кормить старушку!

Выпьемъ, что ли, съ горя?
Эхъ, братъ! да едва ли

Бѣдному за чаркой
Позабыть печали!

* * *

Въ селѣ малый Ванька жилъ.
Ванька Таньку полюбилъ. (2)

Тпру, ну, га, го, га, го,
Ванька Таньку полюбилъ. (2)

Ванька съ Танькою сидитъ,
Танька Ванькѣ говоритъ:

Тпру, ну, га, го, га, го,
Танька Ванькѣ говоритъ: (2)

Ванька, соколъ дорогой,
Танькѣ пѣсенку пропой.

Тпру, ну, га и проч.

Ванька конька купилъ,
Сивогриваго купилъ.

Тпру, ну, га и проч.

Въ одноконку заложилъ,
Ванька съ Танькой укатилъ.

Тпру, ну, га и проч.

Онъ держалъ, держалъ его,
Но не выдержалъ его.

Тпру, ну, га и проч.

Инда вожжи оборвалъ,
Шириночку разорвалъ.

Тпру, ну, га и проч.

* * *

Пошелъ козелъ въ огородъ. (2)

Ахъ! чигирики, чекъ, чигири,
Ахъ! комарики, мухи, комари,
Жена мужу бай говори.

Поломалъ козелъ лукъ, чеснокъ. (2)

Ахъ! чигирики, чекъ, чигири,
Ахъ! комарики, мухи, комари,
Жена мужу бай говори.

Поведу козла на базаръ. (2)

Ахъ! чигирики, чекъ, чигири,
Ахъ! комарики, мухи, комари,
Жена мужу бай говори.

Продамъ козла за три рубля. (2)

Ахъ! чигирики, чекъ, чигири,
Ахъ! комарики, мухи, комари,
Жена мужу бай говори.

На рубль куплю я бѣлилъ. (2)

Ахъ! чигирики, чекъ, чигири,
Ахъ! комарики, мухи, комари,
Жена мужу бай говори.

На другой куплю румянъ. (2)

Ахъ! чигирики, чекъ, чигири,
Ахъ! комарики, мухи, комари,
Жена мужу бай говори.

А на третій—сурмилу. (2)

Ахъ! чигирики, чекъ, чигири,
Ахъ! комарики, мухи, комари,
Жена мужу бай говори.

На ту пору мужъ на дворъ. (2)

Ахъ! чигирики, чекъ, чигири,
Ахъ! комарики, мухи, комари,
Жена мужу бай говори.

Отчего, жена, ты бѣла? (2)

Ахъ! чигирики, чекъ, чигири,
Ахъ! комарики, мухи, комари,
Жена мужу бай говори.

Муку, сударь, сѣяла. (2)

Ахъ! чигирики, чекъ, чигири,
Ахъ! комарики, мухи, комари,
Жена мужу бай говори.

Отчего, жена, ты красна?

Ахъ! чигирики, чекъ, чигири,
Ахъ! комарики, мухи, комари.
Жена мужу бай говори.

Печку, сударь, топила. (2)

Ахъ! чигирики, чекъ, чигири,
Ахъ! комарики, мухи, комари,
Жена мужу бай говори.

Отчего, жена, бровь черна? (2)

Ахъ! чигирики, чекъ, чигири,
Ахъ! комарики, мухи, комари,
Жена мужу бай говори.

Лучинушку тушила, за бровь себя хватила. (2)

Ахъ! чигирики, чекъ, чигири,
Ахъ! комарики, мухи, комари,
Жена мужу бай говори.

А гдѣ, жена, нашъ козелъ? (2)

Ахъ! чигирики, чекъ, чигири,
Ахъ! комарики, мухи, комари,
Жена мужу бай говори.

Пошелъ козелъ подъ гору. (2)

Ахъ! чигирики, чекъ, чигири,
Ахъ! комарики, мухи, комари,
Жена мужу бай говори.

Сломалъ себѣ голову. (2)

Ахъ! чигирики, чекъ, чигири,
Ахъ! комарики, мухи, комари,
Жена мужа бай говори.

* * *

Мнѣ моркотно, молоденькѣ,
Нигдѣ мѣста не найду!
Ай, люли! ай, люли!
Нигдѣ мѣсга не найду!

Хороводы, посидѣлки
Опостылѣли всѣ мнѣ!
Ай, люли! ай, люли!
Опостылѣли всѣ мнѣ!

Отъ ѣды младу отбило,
Бражка въ горлышко нейдетъ!
Ай, люли, ай, люли!
Бражка въ горлышко нейдетъ!

Все мерещется дѣтинка
Наяву мнѣ иль во снѣ!
Ай, люли! ай, люли!
Наяву мнѣ иль во снѣ!

Сяду прясть я, пряжа рвется,
Донце ѣдетъ подо мной!
Ай, люли! ай, люли!
Донце ѣдетъ подо мной!

Вертено изъ рукъ валится,
Мычки клочьемъ не чешу!
Ай, люли! ай, люли!
Мычки клочьемъ не чешу!

Я дождуся середы,
Какъ наѣдутъ торгаши!

Ай, люли! ай, люли!
Какъ наѣдутъ торгаши!

Накуплю шелковъ, бумаги
И краснаго кумачу!

Ай, люли! ай, люли!
И краснаго кумачу!

Изъ краснаго кумачу
Я ширинокъ настрочу!

Ай, люли! ай, люли!
Я ширинокъ настрочу!

Подойду къ нему поближе,
Поклонюсь ему пониже!

Ай, люли! ай, люли!
Поклонюсь ему пониже!

* * *

Ой, посѣялъ мужикъ да у поли ячмень;
Мужикъ каже: ячмень; жинка каже: гречка.
Не мовъ мини ни словечка!
Нехай буде гречка!
Нехай, нехай, нехай, нехай, нехай буде гречка!

Да вже той ячмень у поли зелинився;
Мужикъ каже: ячмень; жинка каже: гречка!
Не мовъ мини ни словечка!
Нехай буде гречка!
Нехай, нехай, нехай, нехай, нехай буде гречка!

Да вже той ячмень у поли взошовъ;
Мужикъ каже: ячмень и проч.
Да вже той ячмень у поли поспивае;
Мужикъ каже: ячмень и проч.

Да вже той ячмень у поли поспивъ;
Мужикъ каже: ячмень и проч.

Да вже той ячмень у поли пожали;
Мужикъ каже: ячмень и проч.

Да вже той ячмень у копны копали;
Мужикъ каже: ячмень и проч.

Да вже той ячмень и съ поля свозили;
Мужикъ каже: ячмень и проч.

Да вже той ячмень молотили;
Мужикъ каже: ячмень и проч.

Да вже той ячмень въ солодъ поростили;
Мужикъ каже: ячмень и проч.

Да вже съ того солоду и пиво сварили;
Мужикъ каже: ячмень и проч.

Да вже то пиво скоро и попили,
Мужикъ каже: ячмень и проч.

* * *

Ѣхали ребята изъ Новагорода.
Красная дѣвица на улицѣ была,
Красная дѣвица на улицѣ была—
Всѣмъ нашимъ ребятамъ по поклону отдала.
Всѣмъ нашимъ ребятамъ по поклону отдала—
Одному молодчику пониже всѣхъ,
Одному молодчику пониже всѣхъ.—
Оттого пониже, что получше всѣхъ,
Оттого пониже, что получше всѣхъ.
Сталъ ее молодецъ выспрашивати,
Сталъ ее молодецъ выспрашивати,
Выспрашивати, выговаривати:
—Какъ тебя, дѣвица, по имени зовутъ?
«Дѣдъ крестилъ: Акулина имя далъ,
Дѣдъ крестилъ: Акулина имя далъ».
—Акулина, душечка! ты, радость, жизнь моя!
Акулина, душечка! ты, радость, жизнь моя!
Я тебя люблю, за себя замужъ возьму,
Я тебя люблю, за себя замужъ возьму.
Горенку срублю, печь муравлену сложу,
Горенку срублю, печь муравлену сложу,
Столъ сколочу—ножки точеныя,
Ножки точеныя, позолоченыя.

* * *

Ты не пой, соловей,
Подъ моимъ окномъ;
Улети въ лѣса
Моей родины;
Полюби ты окно
Души-дѣвицы;
Прощебечь нѣжно ей
Про мою тоску.
Ты скажи, какъ безъ ней
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Передъ осенью.
Безъ нея ночью мнѣ
Мѣсяцъ сумраченъ;
Среди дня, безъ огня
Ходитъ солнышко.
Безъ нея кто меня
Приметъ ласково?
На чью грудь отдохнуть
Склоню голову?
Безъ нея на чью рѣчь
Улыбнуся я?
Чья мнѣ пѣснь, чей привѣтъ
Будутъ по сердцу?
Что поешь, соловей,
Подъ моимъ окномъ?
Улетай, улетай
Къ душѣ дѣвицѣ.

Кольцовъ.

* * *

Гдѣ ты, звѣздочка?
Гдѣ ты, ясная?
Иль затмилася
Тучей мрачною?
Гдѣ ты, дѣвица?
Гдѣ ты, красная?
Иль покинула
Друга милаго?
И я съ горести,
Со лютой тоски
Пойду во поле,
Поле чистое.
Не увижу ли
Ясной звѣздочки?
И не встрѣчу ли
Красной дѣвицы?
Туча грозная
Скрыла звѣздочку;
Земля хладная
Взяла дѣвицу.

Кольцовъ.

* * *

Не тоскуй,
Не горюй,
Душа-дѣвица!

Изъ очей
Слезъ не лей
На грудь бѣлую!
Все пройдетъ,
Другъ придетъ
Вновь съ любовію;
Обойметъ
И приметъ
Къ груди пламенной.
Не брани,
Не кори
Добра молодца!
Не гнѣвись,
Помирись,
Забудь прошлое.
Не отъ зла,
Отъ любви
Отклонился онъ;
Улыбнись
И взгляни
Взоромъ ласковымъ;
Ему вновь
Протяни
Ручку нѣжную
И скажи
Отъ души:
Другъ! я счастлива.

Кольцовъ.

* * *

Ненаглядный ты мой,
Какъ люблю я тебя!
Взоръ плѣнительный твой
Сожигаетъ меня.
Говорить ли начнешь,
Сердце рвется къ тебѣ;
Про любовь ли поешь—
Плакать хочется мнѣ!
Ненаглядный ты мой (и проч.).
Какъ люблю я ласкать
Кольца черныхъ кудрей,
Грудь твою прижимать
Къ груди жаркой моей!
Ненаглядный ты мой (и проч.).
Я слилась бы съ тобой
Въ поцѣлуѣ одномъ,
Завладѣла бъ душой,
Ненаглядный ты мой (и проч.).

Святочное гаданіе.

Разъ, я помню, вечеркомъ
Дѣвушки гадали
И въ избушкѣ за столомъ
Скатерть разстилали,
Клали хлѣбецъ и, потомъ,
Гостя ожидали

Надъ моимъ окномъ
Надъ косящатымъ
Есть у ласточки
Тепло гнѣздышко:
Ждетъ красоточку
Бѣлогрудую
Въ теплomъ гнѣздышкѣ
Ея парочка (bis).
Слезы горькія
Утираючи,
Я смотрю ей вслѣдъ,
Вспоминаючи:
У меня была
Тоже ласточка
Бѣлогрудая,
Душа-пташечка,
Да свила судьба
Ей ужъ гнѣздышко
Во сырой землѣ
Вѣковѣчное (bis).

* * *

Ударилъ часъ, мѣдь зазвучала
И будто стоны издала;
Слеза на грудь мою упала,
Душа заныла, замерла.

Свершилось все! разстаться должно,
Предѣлъ нельзя перемѣнить;

Судьбѣ повиноваться должно,
Но льзя ль не плакать, не грустить?

Но льзя ль безъ горести разстаться
Съ тобой, кѣмъ духъ живится мой?
Льзя ль сердцу не стонать, не рваться,
Хоть рокъ претитъ мнѣ быть съ тобой?

Съ тобой, кѣмъ душу ощутила,
Познала цѣну бытія;
Съ кѣмъ быть—единымъ благомъ чтила,
Любить!—вотъ цѣль была моя.

Любимымъ быть взаимно милой,
Съ тобой всѣ чувства раздѣлять,
Ввѣрять тоску душѣ унылой;
Ахъ, съ другомъ сладко и страдать!

Что будетъ безъ тебя со мною?
Чей взоръ до сердца мнѣ дойдетъ?
Кто утѣшительной рукою
Слезу текущую сотретъ?

Предъ кѣмъ открою душу страстну,
Кому скажу, сколь я терплю?
Оплачу съ кѣмъ судьбу несчастну,
Кому скажу, что я люблю?

Ахъ, кто захочетъ тѣмъ заняться,
Чтобъ рану сердца излѣчить?
Всякъ милымъ можетъ называться,
Но всякъ ли можетъ другомъ быть?

Лишь ты была, и я гордился,
Что могъ я Лилу обрѣсти!
Но счастьемъ симъ не наслаждался,
Теперь скажу тебѣ: прости.

Прости, другъ мой, другъ нѣжный, Лила,
Спокойна, счастлива ты будь:
Прерви, прошу, свой стонъ унылый,
Меня нашёлъ, нашёлъ забудь!

* * *

Пой, мой милый,
Пой, любезный.
Пой, пріятный соловей,
Пой въ лѣсочкѣ
На кусточкѣ,
Пой у хижины моей!

Пой природу,
Пой свободу,
Чисты, ясны небеса,
Пой цвѣточки,
Васильчики,
Пой зеленые лѣса!

Утѣшайся,
Наслаждайся
Вольной жизностью своей,
Берегися, стерегися,
О, мой милый соловей,

Тонкой сѣтки,
Мрачной клѣтки,
Злой неволи для себя.
Токи слезны
Безполезны
Тогда будутъ для тебя.
Какъ цвѣточекъ,
Какъ листочекъ,
Ты увянешь на зарѣ—
Дней невинныхъ,
Дней счастливыхъ,
И во всей своей красѣ.
Тогда скажутъ
И покажутъ
Злые пальцемъ на тебя:
Вотъ та пѣичка
Не разумна,—
Что не берегла себя.
Погубила,
Сокрушила
Вольность и свой вѣкъ златой,
Увы! тщетной
Безполезно
Бывъ обманута мечтой.

* * *

Не ласкай,
Не лобзай
Меня, дѣвица,

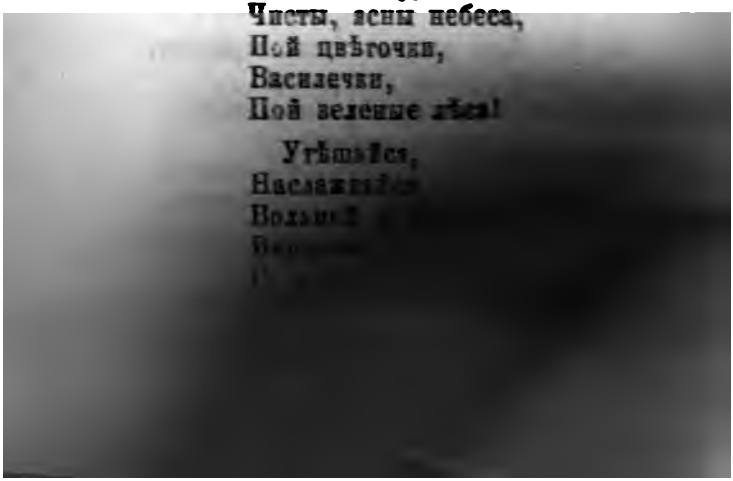
Лишь ты была, и я гордился,
Что могъ я Лилу обрѣсти!
Но счастьемъ симъ не насладился,
Теперь скажу тебѣ: прости.

Прости, другъ мой, другъ нѣжный, Лила,
Спокойна, счастлива ты будь:
Прерви, прошу, свой стонъ унылый,
Меня навѣкъ, навѣкъ забудь!

* * *

Пой, мой милый,
Пой, любезный.
Пой, пріятный соловей,
Пой въ лѣсочкѣ
На кусточкѣ,
Пой у хижины моей!

Пой природу,
Пой свободу,
Чисты, ясны небеса,
Пой цвѣточки,
Василечки,
Пой зеленые лѣса!



Тонкой сѣтки,
Мрачной клѣтки,
Злой неволи для себя.
Токи слезны
Безполезны
Тогда будутъ для тебя.
Какъ цвѣточекъ,
Какъ листочекъ,
Ты увянешь на зарѣ—
Дней невинныхъ,
Дней счастливыхъ,
И во всей своей красѣ.
Тогда скажутъ
И покажутъ
Злые пальцемъ на тебя:
Вотъ та птичка
Не разумна,—
Что не берегла себя.
Погубила,
Сокрушила
Вольность и свой вѣкъ златой,
Увы! тщетной
Безполезно
Бывъ обманута мечтой.

* * *

Не ласкай,
Не лобзай
Меня, дѣвица,

Не брани,
Не кори
Меня—молодца.
Не твою
Я люблю
Душу пылкую;
Не тебя
Тѣшу я
Пѣсней звонкою,
Я пѣвецъ,
Молодецъ,
Разузѣрился...
Ни одну
Не люблю
Душу-дѣвицу,
А пою
Про свою
Я печаль-тоску:
Какъ мнѣ быть
Да прожить
Свой постылый вѣкъ.

* * *

Дай мнѣ, милая,
Красна дѣвица,
Одному съ тобой
Побесѣдовать!

Дай мнѣ высказать
Думу тайную,
Задушевную,
Рѣчь завѣтную.

Ужъ давно мое
Сердце бѣдное
Что-то чувствуетъ
Непонятное...

Нѣтъ ни радости,
Ни спокойствія,
День и ночь безъ сна
Я скитаюся...

Но тебя когда
Повстрѣчаю я,
Чудо дивное
Со мной дѣется!

Сердце пламенемъ
Разгорается:
Кровь въ ланиты такъ
И бросается...

А глаза, глаза!..
О, какъ пламенно
За тобой они
Всюду слѣдуютъ!

Какъ горятъ они,
Какъ смущаются,
И слезами какъ
Заливаюся.

Отчего же все
Это, милая,
Чудо дивное
Со мной дѣется?

Отчего же я
Безъ тебя унылъ,
А съ тобой вездѣ
И счастливъ и милъ?..

Разгадай же ты
Мою думушку,—
Да пойми мою
Рѣчь завѣтную!..

* * *

Что порой
Всей душой
Ты печалишься?

Что мечтамъ
И слезамъ
Предаешься ты?

Аль тоска
Залегла
Въ грудь могучую?

Аль, унылъ,
Полюбилъ
Ты красавицу?

Знаю я:
Какъ змѣя,
Эта злая страсть.

Сердце жжетъ
И грызетъ
Непонятная власть.

Не смирись,
Не крушись,
Добрый молодецъ!

Сберегай,
Не вѣряй
Сердце женщинѣ.

Не понять,
Не узнать
Ей высокихъ чувствъ.

Лучше ты
Страсть въ груди
Схорони теперь

И женѣ,
Какъ волнѣ,
Никогда не вѣрь.

* * *

Ты, душа моя, красна дѣвица!
Ты, звѣзда моя ненаглядная!

Ты услышь меня, полюби меня,
Полюби меня, радость дней моихъ!
Ахъ, какъ взглянешь ты, раскрасавица,
Мнѣ тогда твои очи ясныя
Ярче солнышка въ небѣ кажутся,
Чернѣй сумрака въ ночь осеннюю.
И огнемъ горятъ, и ключемъ кипитъ
Кровь горячая, молодецкая;
Все къ тебѣ манитъ, все къ тебѣ зоветъ
Сердце пылкое, одинокое!
Ты, душа моя, красна дѣвица!
Ты, звѣзда моя ненаглядная!
Ты услышь меня, полюби меня,
Полюби меня, радость дней моихъ!
И склоню къ тебѣ я головушку
Свою буйную, разудалую;
И отдамъ тебѣ свою волюшку,
Во чужихъ рукахъ не бывалую.
И скажу тогда: ты прости навѣкъ,
Жизнь разгульная, молодецкая,—
Мнѣ милѣй тебя—моя милая,
Душа дѣвица, раскрасавица!

* * *

Знать, ужъ должно было
Мнѣ себя сгубить:
Съ роду не любила—
Вздумала любить.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Онъ меня не любитъ! (3 р.)

Видно, приключился
Злой недугъ какой:
Больно полюбился
Парень молодой.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Онъ меня не любитъ! (3 р.)

Просто нѣтъ покою
Даже и во снѣ:
Лишь глаза закрою,
Чудится онъ мнѣ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Онъ меня не любитъ! (3 р.).

Для него бы рада
Слечь въ могилу я;
Онъ моя отрада,
Онъ вся жизнь моя.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Онъ меня не любитъ! (3 р.).

* * *

Дуютъ вѣтры,
Вѣтры буйные;
Ходятъ тучи,
Тучи темныя.

Не видать въ нихъ
Свѣта бѣлаго,
Не видать въ нихъ
Солнца краснаго.

Во сырой во мглѣ,
За туманами,
Только ночка
Лишь черяѣется.

Въ эту пору,
Непогожую,
Одному жить—
Сердцу холодно.

Грудь другую
Ему надобно:
Огонь-душу—
Красну дѣвицу!

Съ ней зимою—
Лѣто теплое,
При бездольи—
Горе—не горе.

* * *

Перстенечекъ золотой,
Непаглядный, дорогой,
Свѣтлой памятью любви
Въ очи черныя гляди. (2 раза).

Если скучно будетъ ей,—
Ты потускни, почернѣй,
Если радость—измѣнись,
Весь алмазомъ разгорись! (2 р.).
День забвенія придетъ,—
Въ душѣ чувство пропадетъ,
Тогда, перстень золотой,
Ты разсыпься самъ собой! (2 р.).

* * *

Не уѣзжай, голубчикъ мой,
Не покидай поля родныя,
Тебя тамъ встрѣтятъ люди злые,
И скажутъ: ты для насъ чужой!
Не уѣзжай же, ангелъ мой!
Дѣвицы тамъ своей красой
Тебя прельстятъ, но не полюбятъ,
Младые дни твои погубятъ,
Твое все счастіе со мной,
Не уѣзжай же, милый мой!

* * *

Ахъ, о чемъ ты проливаешь
Слезы горькія тайкомъ
И украдкой отираешь
Ихъ кисейнымъ рукавомъ?..

Неужель кручину злую
Рано такъ узнала ты,
И не тѣшатъ молодую
Тебя рѣзвыя мечты?

Тканью, шелкомъ, жемчугами
Мать, отецъ тебя дарятъ;
Но все горькими слезами
Очи ясныя горятъ.

—Жемчугъ, камни дорогіе—
Грусть-злодѣйку не уймутъ;
Ткани, шали шелковыя—
Слезъ горячихъ не утрутъ.

Подъ вѣнецъ мнѣ собираться
Приказанье отдано;
Но не съ милымъ обручаться,
А съ постылымъ суждено.

* * *

Гусаръ, на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ.
Надолго съ милой разлучаясь,
Вздыхая, онъ сказалъ:

—Не плачь, красавица, слезами
Кручинѣ злой не пособить!
Клянусь я честью и усами
Въ любви не измѣнить!

Не плачь, красавица, слезами
Кручинѣ злой не пособить;
Но если измѣну, усами
Клянусь—наказанъ быть.

Тогда мой вѣрный конь споткнется,
Летя во вражій станъ стрѣлой;
Уздечка бранная порвется
И стремя лопнетъ подъ ногой.

Пускай булатъ въ рукѣ сразмаха
Изломится, какъ прутъ гнилой,
И я, блѣднѣя весь отъ страха,
Явлюсь передъ тобой...

Но вѣрный конь не спотыкался
Подъ нашимъ всадникомъ лихимъ,
Булатъ въ рукѣ не изломался,
И честь гусара съ нимъ.

Но онъ забылъ любовь и слезы
Своей пастушки дорогой
И рвалъ въ чужбинѣ счастья розы
Съ красавицей другой.

Но что же сдѣлала пастушка?
Другому сердце отдала.—
Любовь красавицамъ игрушка,
А клятвы ихъ—слова.

Здѣсь все, друзья, измѣной дышетъ,
Теперь нѣтъ вѣрности нигдѣ;
Амуръ, смѣясь, всѣ клятвы пишетъ
Стрѣлою на водѣ.

* * *

Гляжу я безмолвно на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.
Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую гречанку я страстно любилъ.
Прелестная дѣва ласкала меня,
Но скоро я довилъ до чернаго дня.
Однажды я созвалъ веселыхъ гостей,
Ко мнѣ постучался презрѣнный еврей.
—Съ тобою пируютъ, сказалъ онъ, друзья,
Тебѣ ль измѣнила гречанка твоя!—
Я далъ ему злата и проклялъ его
И вѣрнаго позвалъ раба своего...
Мы вышли: я мчался на борзомъ конѣ,
И кроткая жалость молчала во мнѣ.
Ецва я завидѣлъ гречанки порогъ,
Въ глазахъ потемнѣло, я весь изнемогъ.
Вхожу въ отдаленный покой я одинъ—
Невѣрную дѣву лобзалъ армянинъ.
Не взвидѣлъ я свѣта... булатъ загремѣлъ,
Прервать поцѣлуя злодѣй не успѣлъ;
Я помню моленье, текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь.
Съ главы ея мертвой снявъ черную шаль,
Отеръ я безмолвно кровавую сталь.
Съ тѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей,
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу, какъ безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль!..

Пушкинъ.

* * *

Не шей ты мнѣ, матушка,
Красный сарафанъ,
Не входи, родимая,
Попусту въ изъянъ.

Рано мою косыньку
На двѣ расплетать;
Приказки мнѣ русую
Въ ленты убирать:

Пускай, не накрытая
Шелковой тафтой,
Они молодецкія
Веселятъ собой.

То ли житье дѣвичье,
Чтобъ его мѣнять,
Торопиться замужъ,
Охать да вздыхать?

Золотая волюшка
Мнѣ милѣй всего,
Не хочу я съ волюшкой
Въ свѣтѣ ничего.

-- Дитя мое, дитятко,
Дочка милая,

Головушка бѣдная,
Неразумная!
Не вѣкъ тебѣ пташечкой
Звонко распѣвать,
Легкокрылой бабочкой
По цвѣтамъ порхать.
На щекахъ заблекнуть, вѣдь,
Маковы цвѣты,
Прискучатъ забавушки,
Стоскуешься ты.
А мы и при старости
Себя веселимъ,
Младость вспоминаючи,
На дѣтей глядимъ.

Народная.

* * *

Я люблю его
Жарче дня и огня,
Какъ другимъ не любить
Никогда! никогда!
Только имъ лишь однимъ
Я на свѣтѣ жила;
Ему душу свою,
Ему жизнь отдала!
Что за ночь, за луна,
Когда друга я жду!

Холодна и блѣдна,
Замираю, дрожу!

Вотъ идетъ онъ, поетъ:
«Гдѣ ты, зорька моя?»
Вотъ онъ руку беретъ,
Вотъ цѣлуетъ меня...

Милый другъ, погаси
Поцѣлуи твои!
И безъ нихъ, при тебѣ,
Огнь пылаетъ въ крови,

И безъ нихъ, при тебѣ,
Жжетъ румянецъ лицо,
И волнуется кровь
И кипитъ горячо,

И блистаютъ глаза
Лучезарной звѣздой!
Я любила его
Всею пылкой душой!

Кольцовъ.

* * *

Онъ меня разлюбилъ!
Онъ меня погубилъ!
Какъ мнѣ быть, какъ мнѣ жить
Безъ пріюта одной?

Какъ мнѣ быть, какъ мнѣ жить
До могилы сырой?
Безъ него ночь и день
Я какъ мрачная тѣнь;
Безъ него сколько слезъ
Буйный вѣтеръ разнесъ!
И на сердцѣ тоска—
Гробовая доска!
Мать земля, разступись!
Вовій громъ, разразись
Надъ преступной главой!
Ты разгайся грозой
Надъ преступной главой!

* * *

Охъ, болитъ
Да щемитъ
  Ретиво сердечко...
Все по немъ,
По моемъ—
  По миломъ дружечкѣ!
Онъ сердитъ,
Не глядитъ
  На меня, дѣвицу,
Все коритъ
Да бранитъ,
  Взноситъ небылицу.

Будто днемъ
Соловьемъ
По садамъ летаю;
Не о немъ,
Объ иномъ
Звонко распѣваю!
Не расти
Не цвѣсти
Кустику сухому!
Не любить,
Не забыть
Дѣвицу иному!
Не себѣ,
Все тебѣ
Красота блюдется...
Ахъ, ничьей—
Все твоей
Съ горя изведется!

* * *

Кольцо души дѣвицы
Я въ море уронилъ,
Съ моимъ кольцомъ я счастье
Земное погубилъ.

Мнѣ давъ его, сказала:
—Носи, не забывай!

Пока мое колечко—
Меня своей считай.

Не въ добрый часъ я неводъ
Сталъ въ морѣ полоскать:
Кольцо юркнуло въ воду,
Искалъ, но гдѣ искать?

Съ тѣхъ поръ мы какъ чужіе:
Приду къ ней—не глядитъ!
Съ тѣхъ поръ мое веселье
На днѣ морскомъ лежитъ.

О, вѣтеръ полуночный!
Проснися, будь мнѣ другъ:
Схвати со дна колечко
И выкати на лугъ.

Вечоръ ей жалко стало:
Нашла меня въ слезахъ,
И что-то, какъ бывало,
Зажглось у ней въ глазахъ,

Ко мнѣ подсѣла съ лаской,
Мнѣ руку полала,
И что то ей хотѣлось
Сказать, но не могла.

На что твоя мнѣ ласка,
На что мнѣ твой привѣтъ?
Любви, любви хочу я...
Любви-то мнѣ и нѣтъ!

Ищи, кто хочетъ, въ морѣ
Богатыхъ янтарей...
А мнѣ—мое колечко
Съ надеждою моей.

* * *

Любила я твои глаза,
Когда ихъ радость оживляла;
Любила я, когда слеза
Невольной грустью въ нихъ сіяла.
Любила я, любила я!

Любила я всегда встрѣчать
Твои задумчивые взоры,
Любила сердцемъ понимать
Очей нѣмые разговоры.
Любила я, любила я!

Любила звукъ твоихъ рѣчей:
Они меня обворожали,
Любила я въ тиши ночей,
Чтобъ сны мои ихъ повторяли.
Любила я, любила я!

Любила умъ пріятный твой,
И пылкія души желанья...
О, незабвенный, все съ тобой,
Все было мнѣ очарованье!
Любила я, любила я!

* * *

Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ;
Сколько горестей смертельныхъ
Мнѣ въ разлукѣ должно снесть!

Оставляю градъ любезный,
Оставляю и того,
Кто на свѣтѣ мнѣ милѣе
И дороже мнѣ всего.

Премѣнить нельзя предѣла,
Нельзя страсти истребить,
Знать, судьба мнѣ такъ велѣла,
Чтобъ одной въ пустынѣ жить.

Въ тѣхъ мѣстахъ уединенныхъ
Воображать буду тебя;
О, надежда мыслей тлѣнныхъ,
Ты тревожишь здѣсь меня.

Повсечасно буду плакать
И тебя все вспоминать;
Ты старайся, мой любезный,
Взоръ несчастной забывать.

Умъ вздыханьемъ и тоскою
Пособить не можно намъ,
Коль назначено судьбою
И угодно небесамъ.

Здѣсь собранье, здѣсь веселье,
Здѣсь всѣ радости живутъ;
А меня на зло мученья
Въ мѣста страшныя влекутъ.

Уменьши мое мученье
И въ разлукѣ тѣмъ увѣрь;
Не забудь меня несчастну,
Тѣмъ тоску мою умѣрь.

Знаю, что и ты страдаешь
И вздыхаешь обо мнѣ;
Но и ты знай, мой любезный,
Что я мучусь по тебѣ.

Ахъ, прости, прости, любезный,
Разлучили насъ съ тобой.
Не забудь меня несчастну
И не будь плѣненъ иной!

Народная.

* * *

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На пустынныя скалы,
Гдѣ луна свѣтлѣе блещетъ
Въ сладкій часъ вечерней мглы,

Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,
Дни проводитъ мусульманъ,
Тамъ волшебница, лаская,
Мнѣ вручила талисманъ.

И, ласкаясь, говорила:
—Сохрани мой талисманъ:
Въ немъ таинственная сила,
Онъ тебѣ любовью данъ.

Отъ недуга, отъ могилы,
Въ бурю, въ грозный ураганъ
Головы твоей, мой милый,
Не спасетъ мой талисманъ,

И богатствами Востока
Онъ тебя не одаритъ,
И поклонниковъ пророка
Онъ тебѣ не покоритъ,

И тебя на лоно друга
Отъ печальныхъ чуждыхъ странъ,
Въ край родной, на сѣверъ съ юга,
Не умчитъ мой талисманъ.

Но когда коварны очи
Очаруютъ вдругъ тебя,
Иль уста во мракѣ ночи
Поцѣлуютъ, не любя,

Милый другъ! отъ преступленья,
Отъ сердечныхъ новыхъ ранъ,
Отъ измѣны и забвенья
Сохранитъ мой талисманъ.

А. Пушкинъ.

* * *

Ахъ, на что же было, ахъ, къ чему же было
Мнѣ на свѣтѣ жить,
Во кручинѣ быть?
Я родилась не крестьянкою,
А дворянкою,
Меня отдали за крестьянина,
Не за барина.
Навязался мнѣ—немощный старикъ,
Все съ нимъ шумъ да крикъ.
Иссушилъ меня, сокрушилъ меня,
Какъ былиночку, какъ лучиночку,
Горе мыкаю я отъ младости
И до старости.

* * *

Что ты холоденъ сталъ,
Равнодушенъ ко мнѣ?
Иль любить пересталъ,
Иль печаль на душѣ?
Что въ глаза прямо мнѣ
Ты теперь не глядишь,
Очи клонишь къ землѣ,
Все молчишь и грустишь?
Или ты измѣнилъ?
Такъ сокройсь отъ меня;

Или ты разлюбилъ?
Не гляди на меня;
Пусть безстрастье очей
Не измѣнитъ тебѣ,
И холодность рѣчей
Пусть не выскажетъ мнѣ;
Пусть надежда меня
Не оставитъ въ тоскѣ,
Пусть она иногда
Свѣтитъ радостью мнѣ.

* * *

Ужъ какъ пала думушка
На душу мою.

Я про думу тяжкую
Пѣсенку спою. (2 раза).

Я завидѣлъ пташечку,—
Какъ ее словить?

Полюбилъ я милую,
Та и не глядитъ. (2 р.).

Оттого ль, что счастья
Богъ мнѣ не даетъ,

Я гонюсь за счастьемъ—
Счастье прочь идетъ? (2 р.)

Вѣрно горемычному
Свѣтлыхъ дней не знать:

Вѣрно моей юности
Даромъ пропадать! (2 раза).

Отцвѣтетъ весна моя,
Какъ цвѣтокъ полей,

И польются горькія
Слезы изъ очей. (2 раза)

Словитъ, словитъ пташечку
Кто-нибудь другой,

Будетъ, будетъ милая
Вѣчно мнѣ чужой. (2 раза).

Вотъ о чемъ кручинюсь я.
Какъ веселымъ быть,

Если дума тяжкая
На душѣ лежитъ?

* * *

И черныя очи
И бѣлая грудь
Цѣлыя ночи
Спать не даютъ;
Мучитъ Маруся
Душу мою;
Ѣмъ я безъ вкуса,
Вовсе не пью.
Панскія хаты,
Хлѣбъ на гумнѣ,

Волы рогаты
Не милы мнѣ.
Нѣтъ мнѣ отрады
Гроши считать,
Быстрые взгляды
Сердце сверлятъ.

Съ малороссійскаю.

* * *

Ты скоро меня позабудешь,
Но я не забуду тебя;
Ты въ жизни полюбишь, разлюбишь,
Но я никого никогда.

Ты новыя лица увидишь
И новыхъ друзей изберешь;
Ты новыя чувства узнаешь
И, можетъ быть, счастье найдешь.

Я... тихо и грустно свершаю
Безъ радостей жизненный путь;
Но какъ я люблю и страдаю,
Узнаетъ могила одна!

* * *

Не брани меня, родная,
Что я такъ его люблю;

Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мнѣ безъ него.

Я не знаю, что такое
Вдругъ случилося со мной:
Что такъ рвется ретивое
И терзаюсь я тоской?

Все оно во мнѣ изныло,
Вся горю я, какъ въ огнѣ;
Все не мило, все постыло,
И страдаю я по немъ.

Въ ясный день и въ темны ночи,
И во снѣ и наяву
Слезы мнѣ туманятъ очи,
Все летѣла бъ я къ нему.

Мнѣ не нужны всѣ наряды,
Ленты, жемчугъ и парчи,—
Кудри молодца и взгляды
Сердце бѣдное зажгли.

Смилься, смилься же, родная,
Перестань меня бранить:
Знать, судьба моя такая,
Что должна его любить!

* * *

Ты для меня душа и сила,
Ты для меня огонь святой;

Не ищи меня, богатый,
Ты не милъ моей душѣ;
Что мнѣ, что твои палаты?—
Съ милымъ рай и въ шалашѣ.

Тега, тега, тега, тега,
Вы, гуськи мои, домой.

Съ нимъ одной любви довольно,
Чтобы вѣкъ счастливой быть;
Но сердечку очень больно—
Черезъ злато слезы лить.

Тега, тега, тега, тега,
Вы, гуськи мои, домой.

Народная.

* * *

Ты поди, моя коровушка, домой,
Ты поди, моя недоеная!

Ахъ, ти ли, ли, калинка моя,
Въ саду ягода, малинка моя!

Ты поди моя недоеная,
У насъ горенка нетопленая.

Ахъ, ти-ли, ли, калинка моя,
Въ саду ягода, малинка моя!

У насъ горенка нетопленая,
Малы дѣти не накормленыя!

* * *

—Охъ, болитъ!
—Что болитъ?
—Сердце.
—А по комъ?
—Все по немъ,
Все по миленькомъ моемъ.
Каждый часъ,
По сту разъ
Взоры обличаютъ;
Пусть бранятъ,
Говорятъ
Злые люди,
Что хотятъ.
Какъ мнѣ быть,
Пламя сердца истребить?

Народная.

* * *

Вечеркомъ красна дѣвица
На прудокъ со стадомъ шла,
Черноброва, круглолица
Такъ гуськовъ домой гнала:

Тега, тега, тега, тега,
Вы, гуськи мои, домой.

То забьется пташкой,
Запертою въ клѣткѣ,
То замретъ цвѣточкомъ
На скошенной вѣтвѣ.

Быть бы сердцу пташкой—
Что бы захотѣло?..
Дать бы ему крылья—
Куда бъ улетѣло?

Знаю я сторонку,
Гдѣ его зазноба,
Ахъ, туда бы лѣтомъ
Полетѣли оба!..

На той на сторонкѣ
Тепло сердце грѣетъ,
Тамъ дѣвица красна
Какъ маковъ цвѣтъ зрѣетъ!

Тамъ въ темныя ночи
Не звѣзды лишь свѣтятъ,—
Тамъ ясныя очи
Привѣтливо встрѣтятъ!

Привѣтливо встрѣтятъ,
Ласково проводятъ...
Любезныя рѣчи
Тоски не наводятъ.

* * *

Жилъ-былъ у бабушки
Сѣренькій козликъ;

Вотъ какъ, фить какъ,
Сѣренькій козликъ!
Захотѣлось козлику
Въ лѣсъ погулять;
Вотъ какъ, фить какъ,
Въ лѣсъ погулять!
Заѣли козлика
Сѣрые волки;
Вотъ какъ, фить какъ,
Сѣрые волки.
Не стало у бабушки
Сѣраго козлика;
Вотъ какъ, фить какъ,
Сѣраго козлика.

* * *

Садомъ, садомъ, кумасенька,
А я за тобою.
Постоимъ же, поговоримъ,
Кумасе, съ тобою.

Ой, лихо, ой, бида:
Я забывъ, що ты кума!
Ой, лихо, що за умъ:
Я забула, що ты кумъ.

Вспомни, вспомни, кумасенька,
Що ты обищалась,

Тамъ, у тыя крыниченьки,
Де водыця бралась,
Тамъ, у тыя крыниченьки,
Де золоты ключи,
Обищалась, кумасенька,
По воду идучи.

Кажутъ диды, кажутъ дьяки,
Кажутъ добры люде:
Що кто куму любить буде—
Грихъ великій буде.

* * *

Дружбы нѣжное волненье
Царствуетъ въ душѣ моей,
И мое уединенье
Мнѣ пріятно видѣть въ ней.

Съ нею солнышко свѣтлѣе,
Съ нею травка зеленѣе,
Съ нею осень будетъ май,
Съ дружбой и въ пустынѣ рай.

Если море забушуетъ,
Съ ней я въ пристань приплыву.
Если сердце затоскуетъ,
Друга въ помощь призову.

Упадетъ слеза на рану,
И грустить я перестану.
Другъ мой, будь всегда со мной
И душѣ дари покой.

* * *

На курочкѣ перышко рябое;
Любыны мене серденько обое.
Дыбъ, дыбъ на село,
Кивъ, моргъ на его,
Я не дивчина его,
Щобъ я шла за него.
Ой, полола дивчина пустырнакъ,
Наколола ноженьку на подъякъ.
Дыбъ, дыбъ на село,
Кивъ, моргъ на него,
Я не дивчина его,
Щобъ я шла за него.
Ой, дивчина, дивчина, чья же ты?
Що не выйдешь на улицу гуляты?
Дыбъ, дыбъ на село,
Кивъ, моргъ на него,
Я не дивчина его,
Щобъ я шла за него.

* * *

Ты, ночка, ты, ноченька,
Темная осенняя!
Голова моя
Побѣдная!
Безъ мила, мила дружка
Обуяла грусть-тоска:

Далеко живетъ
Онъ за рѣченькой.
Ужъ я съ той, я съ той тоски
Разгуляться въ лугъ пойду.
Погулять пойду:
Повидаюсь съ нимъ.
Машетъ милый, машетъ мнѣ
Своей ручкой правой.
Онъ зоветъ меня
На ту сторону:
—Перейди, сударушка,
На мою сторонушку.
—Перешла бы я,
Переходу нѣтъ.
Я бы рада перешла,
Переходъ и есть,—
Тонка жердочка.

Народная.

* * *

Мнѣ наскучило, дѣвицѣ,
Одинешенькѣ въ свѣтлицѣ
Шить узоры серебромъ.
И безъ матушки родимой
Сарафанчикъ мой любимый
Я надѣла вечеркомъ.
Сарафанчикъ,
Растеганчикъ!

Въ разноцвѣтномъ хороводѣ
Я играла на свободѣ
И смѣялась какъ дитя;
И въ свѣтлицу до разсвѣта
Воротилась, только гдѣ-то—
Разорвала я, шутя,
Сарафанчикъ,
Растеганчикъ!
Долго мать меня журила
И до свадьбы запретила
Выходить за ворота;
Но—за сладкія мгновенья
Я тебя, безъ сожалѣнья,
Оставляю навсегда,
Сарафанчикъ,
Растеганчикъ!

* * *

Сяду ль я на лавочку,
Погляжу ль въ окно;
Сяду ль я на лавочку,
Ахъ, погляжу ль въ окошечко.
Погляжу ль въ окошко:
На улицѣ дождь,
На улицѣ сильный дождь,
На дворѣ туманъ.
На дворѣ туманъ
Притуманился,

По мнѣ милый дружокъ
Пригорюнился...
Ахъ, голова болитъ,
Болитъ буйная головушка!

* * *

Какъ у нашихъ у воротъ
Стоитъ озеро воды.
Ой, люли! ой, люли!
Стоитъ озеро воды.

Молодецъ коня поилъ,
Къ воротикамъ приводилъ!
Ой, люли! ой, люли!
Къ воротикамъ приводилъ.

Къ вереюшкѣ привязалъ,
Красной дѣвкѣ приказалъ...
Ой, люли! ой, люли!
Красной дѣвкѣ приказалъ:

Красна дѣвица, душа!
Сбереги добра коня.
Ой, люли! ой, люли!
Сбереги добра коня.

Сбереги добра коня,
Коня тысячнаго!
Ой, люли! ой, люли!
Коня тысячнаго!

Не сорвалъ бы повода,
Не сломалъ бы удила.
Ой, люли! ой, люли!
Не сломалъ бы удила.

Красна дѣвица идетъ,
Словно павушка плыветъ.
Ой, люли! ой, люли!
Словно павушка плыветъ.

На ней платье голубое,
Лента алая въ косѣ.
Ой, люли! ой, люли!
Лента алая въ косѣ,

На головушкѣ перо,
Хоть пятьсотъ рублей дано,
Ой, люли! ой, люли!
Хоть пятьсотъ рублей дано,

Хоть пятьсотъ рублей дано,
Стоитъ тысячи оно,
Ой, люли! ой, люли!
Стоитъ тысячи оно.

* * *

Сердцу нѣтъ покоя,
Скучно молодцу,
И бѣгутъ рѣкою
Слезы по лицу.

Гдѣ румянецъ алый,
Гдѣ огонь тѣхъ глазъ,
Что прельщалъ, бывало,
Дѣвушекъ не разъ?
Даже въ посидѣлки
Молодецъ нейдетъ,
И играть въ горѣлки—
Дѣвку не беретъ.
Отошла охота
Пѣсни пѣть, плясать,—
Лишь одна забота:
Плакать да вздыхать.
Нѣтъ ему покоя,
Скучно молодцу,
И бѣгутъ рѣкою
Слезы по лицу.

* * *

Ахъ, что на небѣ свѣтло,
А на сердцѣ вдвое?
Солнце красное взошло,
Къ западу другое.
Вышла радость на крыльцо
Въ аломъ сарафанѣ,
И горитъ ея лицо,
Какъ заря румяна.
Отчего же на щекахъ
Выступила краска,

И красотка второпяхъ
Опустила глазки?
Парень входитъ на крыльцо
Въ голубомъ кафтанѣ,
И горитъ его лицо,
Какъ заря румяна.
По тебѣ, моя душа,
Сохнетъ ретивое!
Вмѣстѣ жизнь такъ хороша,
Разно—горе вдвое!
Ахъ, зачѣмъ ужъ есть кольцо
На рукѣ Татьяны,
И горитъ ея лицо,
Какъ заря румяна?
Участь горькую терплю,
Плачу да скучаю,
Одного тебя люблю,
Въ пѣсняхъ величаю.
Парень обнялъ горячо
Милую Татьяну,
И горитъ ея лицо,
Какъ заря румяна...

* * *

Лови, лови часы любви—
Минуты наслажденья!
Летитъ она, любви весна—
Блаженное мгновенье!

Одной весной,
Своей красой—
Насъ роза восхищаетъ;
И соловей,
Въ тиши ночей,
Весною напѣваетъ,
И жизнь мила,
И жизнь свѣтла,
Какъ грѣетъ сердце младость!
Любить, любить,
Лобзанья пить,
Вотъ нашей жизни сладость!
Летитъ стрѣлой
Нашъ вѣкъ младой,
Какъ дивное видѣнье.

* * *

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной,
Тихія долины
Полны сѣвшей мглой.
Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы,
Подожди немного—
Отдохнешь и ты.

* * *

Душистые кудри и черныя очи,
Вы долго, вы долго ласкали меня!

Вы были отрадой мнѣ въ сумракѣ ночи
И въ блескѣ веселомъ счастливаго дня!
Душистые кудри и черныя очи,
Кто вами владѣетъ, кто вами живетъ,
Кто васъ лобызаетъ въ видѣніяхъ ночи,
Тотъ днемъ наслажденья въ мечтаніяхъ
пьетъ!
Душистые кудри и черныя очи,
Тогда васъ забуду, когда вы меня
Не будете мучить ни въ сумракѣ ночи,
Ни въ блескѣ докучномъ печальнаго дня!

* * *

Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ,
Ты мнѣ милъ навсегда;
Я клянусь, не влюблюсь
Въ другой цвѣтъ никогда;
Не принудятъ меня,
Не заставятъ меня
Разлюбить черный цвѣтъ.
Силы нѣтъ, власти нѣтъ!
Отчего жъ, спроситъ свѣтъ,
Я влюбленъ въ черный цвѣтъ,
Цвѣтъ подруги моей?
И пусть другъ, милый другъ,
Позабудетъ меня,
Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ
Все любить буду я.

У меня мысль одна,
Черный цвѣтъ и она,—
Съ нею навѣкъ солью
Мрачную душу мою.

* * *

Мечты, мечты!
Гдѣ ваша сладость?
Гдѣ ты, гдѣ ты,
Ночная радость?
Исчезнулъ онъ,
Веселый сонъ,
И одинокой
Во тьмѣ глубокой
Я пробужденъ:
Кругомъ постели
Нѣмая ночь;
Вмигъ охладѣли,
Вмигъ улетѣли
Толпою прочь.
Душа желанья
Еще полна,
Воспоминанья
Ловитъ она.

* * *

Если бъ, сердце, ты лежало
На рукахъ моихъ,

Все качала бы, качала
Я тебя на нихъ,
Будто мать дитя родное,
Съ тихою мольбой,
И заснуло бъ, ретивое,
Ты тогда со мной.
А теперь въ груди сокрыто,
Заперто въ тюрьму,
Ты доступно, ты открыто
Одному ему!
Но не видитъ онъ печали,
Какъ же съ этимъ быть?
Позабыть его?.. Едва ли
Можно позабыть!
Мчатся годы, грусть все та же,
Тѣ же всѣ мечты;
Сердце, сердце, да когда же
Здѣсь умолкнешь ты?

* * *

Не играй, молодецъ,
Мой домашній пѣвецъ,
Въ гусли звонкія!
Пѣсни теплой души
Прячь въ завѣтной глуши
Отъ глазъ зависти!
Прежде время они
Сократятъ твои дни,
Дни веселые;

Звонки гусли сокгутъ,
Пѣсни всѣ раскрадутъ,
Пустятъ по вѣтру...
И твоимъ же добромъ,
Въ хороводѣ людскомъ,
Будутъ хвастаться;
Итакъ лучше сиди
Да погодушки жди
Съ моря синяго!
Закипитъ въ немъ вода—
Изъ песчанаго дна
Всплыветъ счастіе.
Ты къ себѣ примани,
У гуслей пріюти
Этотъ перлъ дорогой!
Веселѣй и чуднѣй
И для многихъ слышнѣй
Заиграешь тогда.

* * *

Цвѣлъ цвѣтокъ лазоревый—
Да поблекнулъ;
Любилъ меня милый другъ—
Да покинулъ.
Какъ цвѣтку отжившему
Не цвѣсть лѣтомъ,
Такъ и другу милому
Не знать счастья.

Зимой—снѣги бѣлые
Цвѣтъ засыплютъ;
Весной ручьи быстрые
Цвѣтикъ смоютъ...
Такъ и милъ сердечный другъ
Съ злой кручины,
Боясь чистой совѣсти,
Уйдетъ въ землю.
Я приду съ кручиною
На могилу
Милаго-желаннаго—
И поплачу;
За него съ усердіемъ
Помолюся
И, простивъ обманъ его,
Распрощуся.

Народная.

* * *

Вѣкъ юный, прелестный,
Друзья, пролетитъ.
Намъ все въ поднебесной
Измѣной грозитъ.
Летитъ стрѣлой
Нашъ вѣкъ младой,
Какъ сладкій сонъ
Минуетъ онъ.

Лови, лови часы любви,
Пока любовь горитъ въ крови!
Затмится тоскою
Нашъ младости пиръ;
Обманетъ мечтою
Украшенный міръ.
Блѣднѣетъ свѣтъ;
Что день, то нѣтъ
Одной-другой
Мечты живой!
Лови, лови часы любви,
Пока любовь горитъ въ крови!
Какъ май ароматный
Веселье весны,
Какъ гость благодатный
Съ родной стороны,
Такъ юность дней.
Друзья, скорѣй,
За здравье ей,
Съ восторгомъ пей!
Лови, лови часы любви,
Пока любовь горитъ въ крови!

Затворница.

Въ одной знакомой улицѣ
Я помню старый домъ,
Съ высокой темной лѣстницей,
Съ завѣшеннымъ окномъ.

Тамъ огонекъ, какъ звѣздочка,
До полночи горитъ,
А вѣтеръ занавѣсочку
Тихонько шевелитъ.

Никто не зналъ, какая тамъ
Затворница жила,
Какъ часто сила тайная
Меня туда влекла,

И что за чудо-дѣвица,
Въ завѣтный часъ ночной,
Встрѣчала меня блѣдная,
Съ распущенной косой!

Какія рѣчи дѣтскія
Она твердила мнѣ—
О жизни неизвѣданной,
О дальней сторонѣ.

Какъ не по-дѣтски, пламенно,
Прильнувъ къ устамъ моимъ,
Она дрожа шептала мнѣ:
«Послушай, убѣжимъ:

Мы будемъ птицы вольныя,
Забудемъ гордый свѣтъ...
Гдѣ нѣтъ людей прощающихъ,
Туда возврата нѣтъ!»

И тихо слезы капали,
И поцѣлуй звучалъ,

И вѣтеръ занавѣскою
Тревожно колыхалъ.

* * *

Не гляди такъ, дѣвица,
Не мани участіемъ!
Нѣтъ, душѣ не вѣрится
Въ радость или счастье!
Время увлеченья
Миновалось ясное:
Скрылъ туманъ сомнѣнья—
Жизни сердце красное.
Было сердце молодо
И любило пламенно;
Но отъ жизни холода
Стало глыбой каменной.
Не буди къ ретивое
Нѣгою бывалою,
Лаской шаловливою
Не дразни усталое!

М. Розенгеймъ.

* * *

Ахъ, не тверди
О томъ, что было:
Въ моей груди
Оно остыло,

Мое чело
Не прояснится...
И что прошло—
Не возвратится!
Ужъ я привыкъ
Сносить страданье
И, какъ старикъ,
Забылъ желанье.
Я ничего
Не ожидаю,
Зачѣмъ живу
И самъ не знаю.

* * *

Ангелъ свѣтлый, ангелъ милый,
Ты покинуть хочешь насъ:
И летитъ къ тебѣ унылый
Мой напѣвъ въ послѣдній разъ!

Хочетъ сердце разорваться,
Взоръ туманится слезой,
И, прошу, полюбоваться
Дай въ послѣдній разъ тобой!

О, явися мнѣ, какъ прежде,
У завѣтнаго окна,
Ты отрадна, какъ надежда,
И прекрасна, какъ весна!

* * *

Гдѣ ты, статный молодецъ,
Соколъ ясный мой?
Скоро ль къ красной дѣвушкѣ
Возвратишься ты?
Безъ тебя прекраснаго
Сердце щемитъ грусть,
Божій свѣтъ не радостенъ,
Очи слезъ полны!
И на играхъ дѣвичьихъ
Скучно, грустно мнѣ;
Хороводы, праздники
Ужъ не веселятъ,
Ужъ не веселятъ!

* * *

На сѣверѣ дикомъ
Стоитъ одиноко,
На голой вершинѣ,
Сосна.
И дремлетъ, качаясь,
И снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой,
Она.
И снится ей все,
Что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца
Восходъ,

Одна и грустна,
На утесѣ горючемъ,
Прекрасная пальма
Растетъ.

Лермонтовъ.

* * *

Я все еще его, безумная, люблю:
При имени его душа моя трепещетъ,
Тоска попрежнему сжимаетъ грудь мою,
И взоръ горячею слезой невольно блещетъ.
Безумная! я все еще его люблю!
Я все еще его люблю!
Отрада тихая мнѣ въ душу проникаетъ,
И радость ясная на сердце низлетаетъ,
Когда я за него Создателю молю.
Безумная! я все еще его люблю!
Я все еще его люблю!

* * *

Зачѣмъ на краткое мгновенье
Въ сей жизни насъ судьба свела,
Когда другое назначенье
И разный путь она дала?
Твой робкій взглядъ, живыя рѣчи,
Все, все я, милый другъ, понялъ.

Я запылалъ отъ первой встрѣчи
И тайну сердца разгадалъ...
Въ другой странѣ, вдали я буду,
Меня легко забудешь ты,
Но я... я сохраню повсюду
Твои небесныя черты.

* * *

Ты чаруешь меня
Лаской нѣжныхъ рѣчей,
И боюсь я тебя,
Твоихъ черныхъ очей.
Радость въ душу мнѣ льютъ
Звуки страстныхъ рѣчей,
Сердце бѣдное жгутъ
Искры черныхъ очей.
И касаясь меня
Своей нѣжной рукой,
Сколько жизни, огня,
Ты вливаешь душой!
Взоромъ полнымъ огня
И твоей красотой
Ты чаруешь меня,
И навѣки я твой!

* * *

Всѣ говорятъ, что вы прелестны,
Добры, довѣрчивы, скромны,

И взоръ вашъ пламенный, чудесный,
Рождаетъ сладостные сны.
Но я молчу и въ сердцѣ пламенномъ
храню,
Кого я всей душой люблю.
Поете ль вы, душа страдаетъ;
Плѣнителенъ вашъ гибкій станъ...
Все, все невольно призываетъ
Упасть восторженно въ ногамъ.
Но я молчу и въ сердцѣ пламенномъ
храню,
Кого я всей душой люблю.

* * *

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится ль въ сердце грусть,—
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышетъ непонятная
Святая прелесть въ нихъ.
Съ души, какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко,
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

Лермонтовъ.

* * *

Между небомъ и землей
Пѣсня раздается,
Неисходною струей
Громче, громче льется.
Не видать пѣвца полей,
Гдѣ поетъ такъ громко
Надъ подруженькой своей
Жаворонокъ звонкой.
Вѣтеръ пѣсенку поетъ,
А кому?—не знаетъ.
Та, кому она, поймет,
Отъ кого—узнаетъ.
Пойся, пѣсенка моя,
Пѣснь надежды сладкой!
Вспомнитъ милая, гдѣ я,
И вздохнетъ украдкой.

* * *

Я помню очи незабвенной,
Какъ двѣ звѣзды на небесахъ!
Очарованьемъ упоенный,
Я жилъ душой въ ея очахъ;
Когда она ихъ обращала
Съ улыбкой кроткой на меня,
Душа томилась, изнывала,
Горѣла вся, какъ отъ огня.

Въ ея очахъ я жизни сладость
Душою пылкой обрѣталъ;
Въ ея очахъ играла радость,
И духъ возвышенный блисталъ.
Мнѣ очи были въ наслажденье,
Я въ нихъ любовь ея читалъ;
И въ животворномъ упоеньи
Я міръ подлунный создавалъ.
Безъ нихъ мрачнѣе былъ мнѣ ночи
И лучезарный майскій день.
Увы! она закрыла очи,
И я скитаюся какъ тѣнь!

* * *

Скажите ей, что пламенной душою
Съ ея душой сливаюсь тайно я;
Скажите ей, что горькою тоскою
Отравлена младая жизнь моя.
Скажите ей, какъ страстно и какъ нѣжно
Люблю ее—какъ Бога херувимъ;
Скажите ей, что въ грусти безконечной
Увяну я, бездушный, не любимъ.
Скажите ей, какъ дорого мнѣ стоитъ
И трудно мнѣ притворнымъ съ нею быть;
Скажите ей, какъ томно сердце ноетъ,
Когда велитъ она любовь таить.
Скажите ей, какое мнѣ страданье,
Когда спокойно взоръ ея глядитъ;

Когда взамѣнъ нѣмаго обожанья—
Она, какъ льдомъ, мнѣ душу холодитъ.
Скажите ей, скажите ей!

Н. Доморукій.

* * *

Ея ужъ нѣтъ, моей весны,
Порывы бурь ее умчали.
И жертву мертвой тишины
Ужъ не волнуютъ счастья сны,
Ни сердцу сладкія печали.
Ея ужъ нѣтъ, моей весны!..
Въ туманахъ ранняго заката
Померкло солнце старины,
И нѣтъ утраченнымъ возврата.
Ея ужъ нѣтъ, моей весны!..
Ея ужъ нѣтъ, моей весны!..
Раздался въ сердцѣ гласъ печальный,
Какъ ропотъ порванной струны,
Какъ стонъ разбившейся волны,
Какъ тихій отзывъ флейты дальней...
Ея ужъ нѣтъ моей весны!

* * *

Не говорите про нее:
Я—и люблю, и ненавижу,

И въ ней все счастіе свое,
И все несчастье тоже вижу.
Не говорите про нее!
Не вспоминайте про нее!
Пускай о ней душа забудетъ.
Я радъ бы разлюбить ее,
Хоть это больно, тяжко будетъ.
Не вспоминайте про нее!
Не защищайте вы ее!
Она коварна и лукава—
И въ сердце бѣдное мое
Влила безумье и отраву.
Не защищайте вы ее!
О, не любите вы ее!
Мнѣ это тяжко будетъ, больно,
Кляну безумье я свое,
И все люблю ее невольно.
О, не любите вы ее!

* * *

Ахъ! что-то сердце пріуныло...
Надежды лучъ во мнѣ погасъ,
Прости жъ меня ты,—другъ мой милый,
И поцѣлуй меня хоть разъ.
Нѣтъ—мало!.. мнѣ бы легче было
Услышать отъ тебя отказъ.
Такъ поцѣлуй меня, мой милый,
Еще хоть разъ, еще хоть разъ!..

Старый грибъ.

Хоръ.
Ужъ ты, старый грибъ,
Ужъ ты, старый боровикъ!
Онъ подъ дубомъ сидитъ,
Онъ на всѣ грибы глядитъ,
Онъ приказываетъ, онъ наказываетъ,
Кому идти на войну,
Кому идти на войну.

Старый грибъ.
На войну идти опенкамъ.

Опенки.
Отказался опенки:
У насъ ноги очень тонки,
Не пойдемъ на войну,
Неповинны мы къ тому.

Хоръ.
Ахъ, ты, старый грибъ,
Ахъ, ты, старый боровикъ!
Онъ подъ дубомъ сидитъ,
Онъ на всѣ грибы глядитъ,
Онъ приказываетъ, онъ наказываетъ,
Кому идти на войну,
Кому идти на войну.

Старый грибъ.
На войну идти горянкамъ.

Горянки. Отказалися горянки:
Мы природныя дворянки,
Не пойдемъ на войну,
Неповинны мы къ тому.

Хоръ. Ахъ, ты, старый грибъ,
Ахъ, ты, старый боровикъ!
Онъ подъ дубомъ сидитъ,
Онъ на всѣ грибы глядитъ,
Онъ приказываетъ, онъ наказываетъ,
Кому идти на войну,
Кому идти на войну.

Старый грибъ. На войну идти волнухамъ.

Волнухи. Отказалися волнушки:
Вѣдь мы старыя старушки;
Не пойдемъ на войну,
Неповинны мы къ тому.

Хоръ. Ахъ, ты, старый грибъ!
Ахъ, ты, старый боровикъ!
Онъ подъ дубомъ сидитъ,
Онъ на всѣ грибы глядитъ,
Онъ приказываетъ, онъ наказываетъ,
Кому идти на войну,
Кому идти на войну.

Старый грибъ. На войну идти сыроѣжкамъ.

Сыроѣжки. Отказались сыроѣжки:
Мы вѣдь глупы словно пѣшки.
Не пойдемъ на войну,
Неповинны мы къ тому.

Хоръ. Ахъ, ты, старый грибъ,
Ахъ, ты, старый боровикъ!
Онъ подъ дубомъ сидитъ,
Онъ на всѣ грибы глядитъ,
Онъ приказываетъ, онъ наказываетъ,
Кому идти на войну,
Кому идти на войну.

Старый грибъ. На войну идти шампиньонамъ.

Шампиньоны. Отказались шампиньоны:
Мы нѣмецкіе бароны;
Не пойдемъ на войну.
Неповинны мы къ тому.

Хоръ. Ахъ, ты, старый грибъ,
Ахъ, ты, старый боровикъ!
Онъ подъ дубомъ сидитъ,
Онъ на всѣ грибы глядитъ,
Онъ приказываетъ, онъ наказываетъ,
Кому идти на войну,
Кому идти на войну.

Старый грибъ. На войну идти сморчкамъ.

Сморчки.
Отказалися сморчочки:
Мы Бердичевски жидочки,
Не пойдемъ на войну,
Неповинны мы къ тому.

Хоръ.
Ахъ, ты, старый грибъ,
Ахъ, ты, старый боровикъ!
Онъ подъ дубомъ сидитъ,
Онъ на всѣ грибы глядитъ,
Онъ приказываетъ, онъ наказываетъ,
Кому идти на войну,
Кому идти на войну.

Старый грибъ.
Собираться мухоморамъ.

Мухоморы.
Отказались мухоморы:
Между насъ идутъ раздоры;
Не пойдемъ на войну,
Неповинны мы къ тому.

Хоръ.
Ахъ, ты, старый грибъ,
Ахъ, ты, старый боровикъ!
Онъ подъ дубомъ сидитъ,
Онъ на всѣ грибы глядитъ,
Онъ приказываетъ, онъ наказываетъ,
Кому идти на войну,
Кому идти на войну.

Старый грибъ.
На войну идти груздямъ.

Трузди.
Вотъ мы, грузди, не трусливы,
На войнѣ всегда счастливы;
Какъ схватили свои ружья
И пошли на войну,
Застрѣлили сатану.
Ай, да, ну, сатану,
Вотъ те на, сатана!

Хоръ.
Ай, да, ну, сатану,
Вотъ-те на, сатана!

Русская крестьянка.

Родомъ я изъ подъ Москвы
И на все досужа:
Въ зиму съ ногъ до головы
Одѣваю мужа.

Лѣтомъ жну, подъ часъ кошу,—
Время мнѣ есть свободно:
То спою и попляшу,
Если вамъ угодно.

* * *

Лысый, съ бѣлой бородою,
Дѣдушка сидитъ,
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.

Бѣлъ, какъ лунь, на лбу морщины,
Съ испитымъ лицомъ,
Много видѣлъ онъ кручины
На вѣку своемъ.
Все прошло: пропала сила,
Притупился взглядъ,
Смерть въ могилу уложила
Дѣтокъ и внучатъ.
Съ нимъ въ избушкѣ закоптѣлой
Котъ одинъ живетъ.
Старъ и онъ, и спитъ день цѣлый,
Съ печки не спрыгнетъ.
Старику немного надо:
Лапти сплесть, да сбыть,
Вотъ и вся его отрада—
Въ Божій храмъ сходить.
Къ стѣнкѣ, около порогу,
Станетъ онъ, кряхтя,
И за скорби славятъ Бога,
Божіе дитя!
Радъ онъ жить, не прочь въ могилу,
Въ темный уголокъ.
Гдѣ ты черпалъ эту силу,
Бѣдный старичокъ?

Гадальщица.

Мамаша спитъ... шитье бросаю,
Не все сидѣть мнѣ за иглой...

Достану карты, загадаю
О томъ, что сбудется со мной...
«Гаданье грѣхъ, тверлитъ мамаша,
«И карты паспортъ прямо въ адъ!»
Положимъ такъ... но, воля ваша,
А карты правду говорятъ...
Да, карты правду говорятъ!
Есть офицеръ въ меня влюбленный
И очень хорошо сложенъ...
Десятка пикъ... король червонный...
Король червонный?.. Это онъ!..
И пишетъ онъ ко мнѣ записку...
Но... разлучить насъ съ нимъ хотятъ;
Онъ взялъ балетную артистку
И взялъ ужасно какъ въ накладъ...
Да, карты правду говорятъ!
Шестерка и король бубновый...
Червямъ на смѣну онъ спѣшитъ...
И для меня на все готовый,
Онъ мнѣ о свадьбѣ говоритъ.
Четыре выпали валета!..
Но три туза при нихъ лежатъ!
И разошлася свадьба эта...
Ахъ, карты правду говорятъ!
Да, карты правду говорятъ!
Вотъ трефовый король... прекрасно...
Но... Ахъ!.. При немъ девятка пикъ.
Я восхищалася напрасно:
И трефовый король—старикъ!..

Вотъ исполненіе желанья,
Старикъ на мнѣ жениться радъ...
Два милліона состоянья...
Да это, просто, сущій кладъ!..
Да, карты правду говорятъ!..
Я разъѣзжаю въ экипажѣ
Богатой, знатной госпожей,
Сижу въ театрѣ, въ бель-этажѣ,
И рой поклонниковъ со мной...
Семерка пикъ... мой мужъ бранится...
Я плачу, ссорюсь... насъ мирятъ.
Онъ, наконецъ, меня боится...
Его страшитъ мой гнѣвный взглядъ...
Да, карты правду говорятъ!..
Бубновая десятка... славно!..
Тьма денегъ у меня въ ларцѣ!..
Опять пиковка... но забавно,
Ужъ я съ морщинкой на лицѣ!..
О, Боже!.. дама пикъ!.. ужели!..
Какъ!.. Я старуха?.. это адъ!..
Ахъ, нѣтъ: мама встаетъ съ постели,
А ей ужъ слишкомъ пятьдесятъ.
Да, карты правду говорятъ!..

* * *

Въ посидѣлкахъ дѣвки пряли,
Веселились и играли
Всякая съ своимъ дружкомъ.

Ай, люли! ай, люли!
Всякая съ своимъ дружкомъ.

Тутъ дѣтинка дѣвкѣ красной
Бросилъ взоръ прелестный, страстный,
Что-то на ухо шепнулъ.
Ай, люли! ай, люли!
Что-то на ухо шепнулъ.
Что шепнулъ, я не слыхала,
Только дѣвушка узнала,
Что ее онъ полюбилъ.
Ай, люли! ай, люли!
Что ее онъ полюбилъ.

Разлучить ихъ не старайтесь,
И на власть не полагайтесь:
Гдѣ любовь, тамъ власти нѣтъ!
Ай, люли! ай, люли!
Гдѣ любовь, тамъ власти нѣтъ!
Вотъ слова ихъ: «наша хата
И безъ золота богата,
Будемъ въ ней всегда плясать».
Ай, люли! ай, люли!
Будемъ въ ней всегда плясать!

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Запрягу я тройку борзыхъ	3
Сонъ (новая пѣсня)	4
Громко ставнями вѣтеръ стучитъ	5
Скачетъ тройка по дорогѣ	6
Эй! вы, ну!	7
Аль опять не видать	9
Вотъ мчится тройка удалая	10
Звенитъ звонокъ, и тройка мчится	11
Морозъ	12
Хуторокъ	13
Обойми, поцѣлуй	17
Буря	18
Тройка	19
Разлука съ воиномъ	20
Татенька, голубчикъ	22
Прекрасный день, счастливый день	23
Милый другъ, нѣжный другъ	24
Заря ль моя, зоренька	25
Чернобровый, черноглазый	26
Цвѣли, цвѣли, цвѣтики, да поблекли	27
Гой, судьба моя, судьбинушка	28
Ужъ задамъ же я, молодецъ	29
Что ты рано, зоренька	30
Какъ пойду ль сидѣть	31
Ходятъ по небу	32
Въ непогоду вѣтеръ	34
Пѣсня пахаря	—

Стр.

Вѣкъ юный, прелестный. 119
Затворница. 120
Не гляди такъ, дѣвица 122
Ахъ, не тверди. . . . . —
Ангелъ свѣтлый, ангелъ милый 123
Гдѣ ты, статный молодецъ. 124
На сѣверѣ дикомъ. . . . . —
Я все еще его, безумная, люблю 125
Зачѣмъ на краткое мгновенье . . . . . —
Ты чаруешь меня. 126
Всѣ говорятъ, что вы прелестны . . . . —
Въ минуту жизни трудную. 127
Между небомъ и землей. 128
Я помню очи незабвенной . . . . . .
Скажите ей, что пламенной душою. . . . 129
Ея ужъ нѣтъ, моей весны 130
Не говорите про нее. . . . . —
Ахъ! что-то сердце пріуныло 131
Старый грибъ. 132
Русская крестьянка 136
Лысый, съ бѣлой бородою . . . . . —
Гадальщица 137
Въ посидѣлкахъ дѣвки пряли. 139

ИЗДАНІЕ

И. Д. СЫТИНА и К°

Въ Москвѣ.

КНИЖНАЯ и КАРТИННАЯ ТОРГОВЛЯ

У Ильинскихъ воротъ,
въ домѣ Медынцевой.

На Никольской, въ д.
гр. Орлова-Давыдова.

ХРОМО-ЛИТОГРАФІЯ
и
ТИПОГРАФІЯ

на Валовой
д., соб.
домъ.